

С. Весто

ЩЕПОТЬ ЗЕРКАЛЬНОГО БЛЕСКА НА СТАКАН НОЧИ

ДИЛОГИЯ

книга первая

Сен Сейно Весто

**Щепоть зеркального
блеска на стакан ночи.
Дилогия. Книга первая**

«Издательские решения»

Весто С.

Щепоть зеркального блеска на стакан ночи. Дилогия. Книга первая
/ С. Весто — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838058-7

Настоящее отделяет от будущего лишь сомнение. Настоящее упрямо и мстительно, оно стучит пальцем в микрофон, когда его не слышат, и точит подземную ненависть, когда опаздывает. И оно выносит приговор будущему. Но всякий раз видя его, оно дергается от непереносимой боли, принимая вынужденные меры, говоря много нужных, правильных слов и убеждая всех, что этот раз последний. У будущего немного шансов. Но оно прячется в лучших книгах. Как подъем за лесом нового летнего утра после бесконечной ночи.

ISBN 978-5-44-838058-7

© Весто С.

© Издательские решения

Содержание

Книга первая	7
Дверь с видом на раннее утро	8
Глава 1. Избранные выдержки из опыта прогностики погодных условий на будущее	8
Глава 2. Великие озера. Семь граней летнего утра	24
1	25
2	43
3	45
4	48
5	51
6	53
7	60
8	70
Глава 3. Любимый стул Аменемхета	75
1	76
2	81
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Щепоть зеркального блеска на стакан ночи. Дилогия Книга первая

Сен Сейно Весто

Дизайнер обложки С. Весто

Иллюстратор С. Весто

© Сен Сейно Весто, 2019

© С. Весто, дизайн обложки, 2019

© С. Весто, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4483-8058-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всякое использование текста, оформления книги – полностью или частично – возможно исключительно с письменного разрешения Автора. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами. For information address: Copyright Office, the US Library of Congress.

© S. Vesto. 1997—2009

© S. Vesto. graphics. 2018

senvesto.com

0619

Конечно, ибо очевидно
– *Кутта Мл.*

Книга первая

Дверь с видом на раннее утро

Глава 1. Избранные выдержки из опыта прогностики погодных условий на будущее

В непроглядном ночном лесу, где-то не близко, на окраине, должно быть, той неприметной крохотной деревушки с готическими крышами, что еще пару дней назад оставались одинаково скромными, симпатичными и тихими, снова без особой охоты разгорался бой. Если не знать всех подробностей, отдельные прорывы далеких пятен света можно было отнести на счет медленно перебиравшихся с одного места на другое грозовых разрядов. Впрочем, возможно, отчасти так все и было: осадки обещали уже вторую неделю, но те, словно сговорившись, ходили кругами по всем темным горизонтам где угодно, но только не здесь. Не считая отдельных проблесков, там ни черта не видно было сейчас за плетями деревьев и лютой темнотой. Было время самых крепких снов.

Позади за деревьями тоже теснилось несколько крыш: строили их давно, крепко, из расчета на период неблагоприятных условий и больших неприятностей. Некогда чистенькую черепицу укрывали дерн и навоз вперемешку с сучьями, расшвырянными взрывом. Крышам пока везло. Там было темно и тихо.

Здесь, на краю влажной крепко пахнувшей травой лесной полянки тоже приходилось не сладко, знобило, порядком уже донимал непрекращающийся шум в голове, так что временами приходилось отпускать обтертый до блеска на углах «шмайссер», стиснутый меж колен, аккуратный, апатичный и уже смертельно опостылевший, отнимать прилипшие к холодному металлу испачканные пальцы и в тысячный раз возлагать на нывший затылок. Казалось, всему этому конца не будет никогда. Совсем рядом, у земляничной полянки, возле невидимого овражка с бедным ручейком на дне, возвышаясь над взъерошенными беспокойной ночью кустами чудовищным бронированным зданием, сумрачно торчала, накренившись и словно бы нигде не кончаясь, неподвижная тень танка с коробкой башни и тяжелой задранный задницей, запутавшимися в кронах черных деревьев. Деревья поминутно вздрагивали, ночь временами становилась светлой – как день, почва вздрагивала тоже, техника была тертой, выдавшей всякое, умытой дождями и битой неприятелем, под отвесной необъятной стеной клепаного борта стыли загибающиеся узлы устрашающих траков. Застрявшая земля комьями выпирала в отверстиях и щелях. Танк стоял здесь недавно, он уверенно глядел вперед, где его еще не было, но где все уже хорошо о нем знали. Общая процедура возгонки и притирки будущего рабочего места прямо с дистанции шла ровно. В размеренных багровых отсветах изредка вспыхивали на бронированных жженных бортах ядовитые пятна камуфляжа и большой черно-белый крест, опаленный местами и обветренный. Танк шарахал, бухая тяжело и голосисто, уже, наверное, минут пятнадцать, не переставая, как заведенный, утомительно и с равными промежутками времени, словно не нормативный боезапас там у него был – склад, так что все терпеливо ожидали, когда там у него выйдет все. В голове порядочно уже позванивало.

Вместо очередного давящего на глаза и голову ухастья робко загремел роняемый на броню люк, и над башней обозначились едва различимые во тьме очертания головы танкиста в уша-стом шлеме, с лицом заметно, впрочем, взмокшим, блестящим, по-рабочему недоброжелательным, хмурым и невыспавшимся. Сделав усилие, преодолев шелушащиеся звуки в горле, танкист негромко и хрипло спросил:

– Сигаретки не будет, мужики?

Где-то за лесом, на большом отдалении снова что-то надсадно шарахнуло, заставив вздрогнуть. Блеснув на мгновение, будто приблизился, неспешно нарастая и хрустя, оглушительный раскат грома, и в воздух лениво поднялась, кружа, стая ворон.

А что, было спрошено у прикуривающего танкиста, далеко ли нынче неприятель. Окапываться будем сегодня или как.

— А хрен знает, — помедлив, хрипло и невнятно отозвался воин, не поднимая лица. — Молчат же.

Он помахал перед собой спичкой, рассматривая усыпанное проклятыми звездами небо.

— Молчат же, — повторил он немного спокойнее, — уже второй день молчат, мать их, отца и сына и святого духа. Безмолвствуют...

Переступив порог и оставив сразу позади себя холодную предутреннюю ночь, полянку и лес, я плотно прикрыл за собой дверь и снова оказался в длинном нежилом коридоре. Честно говоря, вот это многообразие коридоров и лестниц начинало уже потихоньку надоедать. И так все время, подумал я. И вот так всегда, ничего принципиально нового здесь не было, стоило только прикрыть за собой дверь в нужное время и в нужном месте, как сразу же наступала нехорошая, пугающая тишина. И последствия для здравого смысла оказывались самыми печальными. В этом было что-то искусственное. Снова возникла мысль пойти сесть, прижать пальцы к утомленным глазам, отдохнуть и вообще попробовать в другой раз.

В этой части бездонного коридорного пролета царилла какая-то особенная тишина. Новые обстоятельства одинаковыми длинными тенями лежали на бетонном темном полу, убивая последние проблески надежды на благополучный исход. Они лежали тут все время, эти последствия равнодушия, невзирая на уйму дверей и порогов, несмотря ни на что. Стоило бы пересечь когда-нибудь это слабо шаркающее тебе вслед пустое пространство, хотя бы на том основании, что тут этого некому было больше сделать. Сидя на пороге, с локтями на расставленных коленях, прижав усталую спину к стене, я утомленно разглядывал в полной прострации скучную череду незаконченных мрачных дверных проемов. В глубокой тревожной полутьме возле створок шахты лифта горел, ожидая, красный немигающий глаз. Ничего конкретного или просто путного во всем этом не содержалось, нужно было отсюда уходить, и как раз здесь началось самое интересное. Складывалось впечатление, что подобный вариант событий как-то не предусматривался исходным проектом настоящего архитектурного образования. Впервые за долгое время я почувствовал что-то вроде приступа иронии. Заблудился, надо же. Все-таки постоянная готовность быть непредсказуемым утомляла. С одной стороны, это было действительно неудобно — дверей много, а ты один. Однако, с другой стороны, если так подумать, куда нам торопиться. По самым скромным соображениям впереди еще масса времени. Чуть ли не вечность.

Этажом выше было все то же. Сумрачно, гулко и пусто. Длинные гулкие коридорные провалы этажей нигде не начинались и нигде не заканчивались, шли, словно на ощупь, повторяясь и сбиваясь, натыкаясь вдруг ни с того ни с сего на непроницаемые склепы дверей бездействующих лифтов и теряясь уже где-то едва ли не у линии горизонта. Они не казались покинутыми, но здесь это ничего не значило. Было тихо.

Я внимательно осмотрелся. В небольшой полутемной комнатке никого не было — зато были комары. К этому невозможно было привыкнуть. Мягким заученным движением, самыми кончиками пальцев я приоткрыл дверь шире, впуская воздух из коридора, распахивая настежь и оставляя так, чтобы лучше слышать, подошел к накрытому газетой низкому столу и взял в руку патрон перечницы, разглядывая. Перца оставалось не много, но тут лежал обычный черный перец. Не зернами и не стручками. Потемневший и одубелый от времени, ссохшийся разворот старой газеты на столе сохранял на себе закольцованные следы стаканов и неоднократных возлияний. Под плоским пластиковым донышком хрустнули крошки. Засунув руки в карманы, отрешаясь и расслабляя затекшие мышцы лица и затылка, без единой определенной

мысли в голове, но продолжая еще непроизвольно вслушиваться в тишину, я встал у большого раскрытого наполовину окна, без всякого интереса разглядывая предгрозовое помрачневшее небо. Не оставлявшее до сих пор напряжение медленно отпускало. Здесь жили люди.

Быстро темнело. Я смотрел на черный далекий горизонт, на прозрачно-зеленую тонкую полосу со свинцовыми кляксами и нитями, вызывавшую во мне непривычно домашние ассоциации, слышал рядом мягкий шорох листьев, различая в нем тончайшее унылое пение, и думал, насколько же отстояло от этих звезд, грозовых туч и деревьев время детской наивности и легкомысленного, беспечного, живого леса. Меня там не было уже тысячи лет. За этими дверьми поселилась тишина. Я знал, как это должно было выглядеть со стороны, откуда-нибудь не отсюда, если смотреть наверх снизу: как окна. Провалы слепых непривлекательных окон, и часть одного из них целиком занавешена блеклым прямоугольником марли. Пустые глухие темные окна означали, что здесь коротали еще один поздний вечер, изнемогая от недостатка свежего воздуха. Марля шевелилась, чуть заметно колыхалась под давлением сквозняка. Здесь все еще был вечер. Снова вечер. Застарелая полузнакомая тоска вновь тихонько взялась своей холодной, немошной, липкой ладонью за мой затылок, так что было уже не вывернуться. Жить хочешь, спросил я себя. Пурпурная нить ненадолго легла на непроглядный рваный горизонт и растаяла. Пахло пылью. За окном, совсем рядом, сонно и мертво кивали темные пятна листьев, недвижно зависали черточки комаров и колыхались пушинки комаров, пробовавших на прочность стекло и марлю. Потрепывавшись, одному из них без труда удалось протиснуться сквозь сетчатую чрезмерно ячеистую структуру полотна, что шевелило давление воздуха: он выровнялся, сориентировался и неторопливо направился мимо книжных полок, мимо меня – куда-то по направлению к безрадостной чернильной полосе неприметной картины. Это была не совсем марля.

Тюль, скорее. Светлая, узорчатая, дырявая тюль. По моей спине прошел ледяной озноб. Здесь, в распахнутой стороне небрежно принакрытого легкой шторой окна висел кусок старой зернистой тюли, сквозь которую без усилий проходил комар. Я почувствовал, как затылок с силой сдавливают стальные тиски. Здесь людей не было тоже. Так занавесить окно мог только тот, кто не представляет, зачем на окно вешают марлю.

А безжизненное, пустое пространство продолжало нудно шаркать мне вслед. Гудевший от нестерпимого напряжения слух вырывал из-за спины отзвук шагов.

Лишь один далекий отзвук.

В коридоре было уже сильно полночь, незнакомый рисунок дверей – прямо за спиной. Бездонный, вечный провал в обшарпанный прямоугольник темноты. От этого некуда было деться: шербатые кирпичи с углами, обнаженный участок голого каменного пола и предчувствие тени на нем.

Под нависший угрюмый ставень дверей выползло наконец далекое, унылое, неживое шарканье ног: кто-то медленно и устало брел без определенной цели – из одной гулкой бесконечности в другую, брел потому лишь, что нескончаемый коридор вел и вел его, не давая ни на шаг отклониться от заданной траектории, увлекая в ночь, неизвестно куда, принуждая в конце концов войти в собственный сумеречный профиль, в разворачивающийся профиль. И брести мимо.

Это выглядело по-настоящему страшно: долгим разворотом головы, как оцепенелое едва различимое во мраке падение – нечеткий силуэт чужого рассеянного ожидания. В дверях всегда слишком тесно. Слишком открыто. Теперь уже слишком поздно. И он прошел, этот взгляд, не вписавшись в поворот, где-то много мимо и ниже порога. И он ушел, безысходный, так и не успев ударить, унося с собой навсегда этот черный иезуитский профиль и вдребезги разнося, разбивая застоявшиеся сумерки. Словно весть извне. Словно негромкий выстрел в лицо, принуждающий бессильной ладонью хвататься за что попало и за стены с опасением оступиться, уйти в скользкую полутьму, прилагая еще усилия, чтобы хоть в последний момент, хоть

частью совместить прилипшее к дверному косяку сознание с этим одинаковым мертвым пространством, стиснутым в один и тот же безмолвный, каменный, гулкий коридор... Воистину, коридор этот не имел ни конца, ни чувства меры. У двери со старческими отметинами забытых ожиданий он остановился. «04. Препараторская», – сухо известила обычная табличка. О том, что там может ждать, он больше не думал. Не стучась, вошел и оказался в небольшом помещении, заставленном шкафами и стопками книг. Непонимающе оглядевшись, пройдя несколько глубже, наткнулся на хрупкие тесные стеллажи, забитые академических размеров гроссбухами и ветшайшими фолиантами. Тут всюду пахло пылью и почему-то землей.

Он склонил голову набок, сясь разобрать на вконец затертом корешке машинный оттиск с некими каракулями от руки. На ярлычке, походя и ненужно приклепнутом к корешку регистра, в графе «срок хранения» какой-то умник, явно в приподнятом настроении, от руки распорядился: «Дискредитировать за двадцать четыре часа до ликвидации». Вытянув за самый кончик двумя пальцами тоненький почти прозрачный листик, он, прищурившись, без интереса подержал графику на лунном свете. Ничего нового здесь не было. Парадоксизм как свойство мироощущения.

За спиной совсем рядом, где-то в смежной комнате вдруг резко заржала, наотмашь распахиваясь, полированная дверца одного из шкафов, и донесся удаляющийся звук, очень похожий на шлепанье босых пяток по линолеуму. Входная дверь скрипнула, и все стихло.

Ничего не поняв и пробежавшись глазами еще раз, он отпустил листик прямо на пол и вернулся к порогу посмотреть. За пустым порогом прямо на стене напротив висела, предостерегая, наколотая бумага с идеально правильным круглым лицом и черной шахтой зияющего беззубого рта. Вот такое же лицо он видел уже где-то в подвальной части, прежде чем у него начались настоящие проблемы с оптимизмом и ориентированием на местности. Не надо было сюда ходить, вот что, подумал он. Ведь как чувствовал. Помимо воли, как бы уже зная, что увидит, он повернул голову к бесконечно удаленному от этих мест концу коридора. В коридоре сгущались сумерки, было тихо; и на некотором отдалении только, изредка подмигивая, тусклым одиноким окном светился стенд административной части со словами: «Используя силы зла, настройся делать добро».

...Влажный, теплый, неподвижный воздух собирал и членил звуки, вызывая вялые всплески далекого эха. Тянуло затхлым. Где-то капала вода. Жилым помещениям, собственно, не полагаюсь бы так пахнуть, так могли пахнуть недостроенные здания или, может, уже отжившие свое и подготовленные к сносу. Один и тот же темный коридорный пролет напоминал чем-то заброшенный всеми, потерянный военный бункер. Снова бетон, камень и конденсат на стенах. Звон капель, слабая, бессильная музыка. Что-то напоминало все это, напоминало до ужаса, какой-то отрывок собственных запретных ожиданий, таких же холодных и бетонных. Откуда-то несло целыми кубометрами неосвоенных строительных площадей; и только сейчас удалось разглядеть в темноте впереди дальше непонятное упорядоченное шевеление, там угадывалось некое бесшумное качание, будто висело на невидимой перекладине белье. Раньше бы это могло заинтересовать, выглядело бы чем-то вроде многозначительного дополнения – раньше показалось бы важным понять, разобраться, вскрыть скрытый смысл, а теперь туда хотелось меньше всего. Теперь просыпалось лишь одно глухое чувство по поводу обстоятельств, что вечно вот так застигали врасплох, – и времени оставалось только успеть пожалеть, что не смог быть чуточку более предусмотрительным. Разглядеть все это чуть раньше. И уже рядом – близко, слишком близко, так что и не укрыться, из глубокой тьмы внезапно проступила, разом просочившись, редкая одинокая едва различимая шеренга конечностей в грязных, полосатых, пахнущих арестантских лохмотьях, вздергиваемых развязно и щупло. Жуткий танец иссохших костей. До разреженной цепи плохо одетых теней – внимательный взгляд, и уже не спрятаться. Но ломающиеся линии плясунов, кроме темноты, не скрывали за собой ничего, безмолвные пустые обстоятельства молча сыграли сумасшедших – мимоходом, наспех, – и ночь неслышно

задержала за ними портьеру. И тогда же что-то изменилось. Словно был дан сигнал к действию. Будто наступило наконец начало рабочего дня, и воздух качнулся, заполняя пустовавшую до того нишу, кто-то, негромко откашливаясь в кулак, прошел мимо, кто-то нашаривал в кармане ключи, рядом почесывали большим пальцем бровь, вспоминая забытое, оборачивались, едва не разминувшись с нужной дверью и находя пропущенную табличку глазами; здесь уходили ни на кого не глядя, где-то возник и так и остался на последнем пределе слышимости неопределенный смех и гул разговаривающих людей. Стало по-рабочемулюдно. Вместе с тем было видно, что никто не работал, но курить никто не выходил и никто не носился с пирожками и кефиром. И теперь чувствовалось в том какая-то последовательная неловкость, легкое напряжение даже. Это выглядело так, как если бы все чего-то ждали, и то, чего ждали, вроде бы наступило, и теперь надо уже ждать скорых последствий, которые не заставят себя долго ждать. Раз или два навстречу попадались люди, появлявшиеся прямо из дверей с пустыми табличками. Они не запирали за собой дверей и не открывали их. Это было непонятно, но объяснимо. Их ждали. Меж ними угадывались опечаленные глаза. В хороших дорогах темных костюмах и с постановкой руки, как у натасканного официанта со стажем, – эти чем-то сразу напоминали сушеную курицу. Предварительно удостоверившись, что тут никому до них нет никакого дела, они пробовали на прочность безразличные двери: кто – осторожно подержав ручку, кто – навалясь плечом. Наверное, им очень нужно было туда. Двери не поддавались. И где-то без конца бубнили. Ну, вы мне это бросьте, сказали совсем рядом, – устало сказали, терпеливо и с укором. Я скрупулезно все подсчитал, телевизор цветной, новый, для гостей – две штуки? Две. Далее. Щетка сапожная, для сотрудников, хорошая, один экземпляр. Щетка одежная, для пылесоса, комплект прилагается, одна. Щетка одежная, для гостей, две, щетка зубная, для гостей... Он, оглядевшись, тоже осторожно прижался ухом к прохладной поверхности. Там кто-то был. Приглушенные, какие-то совсем не рабочие голоса с вялой настойчивостью тянули что-то относительно того, что как хорошо засыпать, целовать и в сгущенку макать шоколадки. Он неприязненно покосился через плечо, отвлекаясь.

Здесь собирались приглашенные. Или же собранные и немногочисленные еще приглашенные начали потихоньку разбредаться сами собой по столам, стульям, кушеткам, партерам и ложам. Потайные торшеры в синий свет. Убитый расстоянием блеск. Мрамор – много темного полированного мрамора. Судя по отдельным репликам, никто тут никого толком не знал и виделся со многими впервые. Властительно отсмеявшись, высокая дородная дама с весьма богатыми бюстом и тазом, с сильными руками, привычно блистательная и легковесно сдержанная, необычайно приятная в манерах и явно любившая пользоваться привилегией говорить то, что думаешь, движением двух пальцев поправляла на бледном лбу золотистый локон, немного подаваясь бедром в сторону и покато поводя у массивной узорной металлической рамы то одним плечом, то другим.

Глядясь, не отрываясь от собственного отражения, она не спешила, отстраненно ожидала саму себя, трогала сверкавшую подвеску на широком плече и низким, доброжелательно-мягким голосом замечала рассеянно и напевно, не отрывая от зеркальной поверхности невидящих глаз: «Что же, радость моя, вы будете первая блондинка, которую я не люблю...»

Из одной из ближайших дверей без табличек внезапно на хорошей скорости вылетел, сразу же безжалостно и жестко остановленный дверью напротив, некто чрезвычайно невысокого роста и не вполне причесанных очертаний. Посетитель, оторвавшись от пола, восстанавливая пошатнувшееся душевное равновесие, спотыкаясь и поминутно роняя и подхватывая на ходу папочку, по плавно изогнутой траектории ушел к отдаленному выходу. Однако у них тут весело, подумал он. В коридоре имело место некоторое оживление.

Он предусмотрительно посторонился, пропуская галопом несшегося прямо на него хрипло дышащего мужчину с артистично растопыренными пальцами простертых рук и широко раскрытыми глазами без единого проблеска мысли. Не отставая ни на шаг, за ним с грохо-

том, достойным и лучшего коридорного покрытия, мчался пожилой джентльмен с решительным лицом, облаченный в развивающееся, иссиня-черное и глухое, отдаленно напоминавшее средневековую хламиду духовного сановника. Хлопнула, не закрываясь, дверь, и оттуда сейчас же вскричали с непередаваемым отчаянием и с тем содержанием, что вот как можно сердцу снести: видел бывшее, видеть то, что есть? На это отвечали немедленно со спокойствием и несколько даже с утомлением в голосе в том ключе, что какой тоской душа ни сражена, быть стойким заставляют времена. Из той же двери, откуда совсем недавно вывалились двое, неловко пятился и потно блестел тонзурой, прикрывая за собой дверь под табличкой «А. А. КАТАРСИС», невыносимо долговязый сутулый мужчина с потертым томиком под мышкой, в некоем тихом умиротворении и вроде бы даже не без понимающей улыбки бормотавший что-то про окончание всяческих споров и упавший топор. Позади его шуплых статей можно было успеть разглядеть в полутемном помещении что-то такое, от чего оставалось впечатление раскиданных по кафельному полу выжатых стручков зубной пасты. Там в очереди гладких светлых умывальников занимали свое место полотна в стальных рамах, не то сам Нитхардт, не то даже Брейгель Старший, словом, сплошь один Босх Хиероним.

Он сделал пару предусмотрительных шагов.

Очертания кабинета тонули во мраке. Вполне отчетливо различался лишь мужчина в носках, при галстукке, белой рубашке и черных брюках, чуть, по-видимому, тесноватых в поясничной области и самой широкой части бедер. Мужчина, сутулясь, с дипломатичным выражением стоял прямо в светлом желтом квадрате у распахнутого настееж холодильника. Неприветливое сомнамбулическое лицо было ярко освещено. На приоткрытой полированной под дуб двери скромно висела табличка «Приемная». Откуда-то с полу все время тянуло холодом.

Он медленно, скрипя половицей, ступил на порог. Видно было, что сейчас не ко времени, но вот что оставалось непонятным, так это куда сразу делся остальной народ. В приемной стоял только один мужчина и, кроме входной, других дверей как будто не усматривалось. В коридоре вдруг вновь обвалом наступила тишина.

...Тут опять нудно, с грехом пополам и никуда особо не спеша, без всякой видимой надежды на сиюминутный и сокрушительный успех, но в целом все же на более или менее приемлемом кандидатском уровне приканчивали доклад. Ожидалось, трактат будет носить до некоторой степени характер серьезного социологического исследования, но докладчик и сам уже, кажется, в это не верил. Подзаголовок доклада был: «О некоторых свойствах реальности в свете нового положения индетерминатива и парадоксальности как принципа мироощущения...» За бледнополированной косой стойкой облакачивался невысокий коренастый человек весьма крепкого сложения в скромном поношенном свитере, средних лет, с чрезвычайно жесткими, мужественными чертами лица и железным взглядом неподвижных умных глаз. «Его никто не видит, но он пришел как общий исход...»

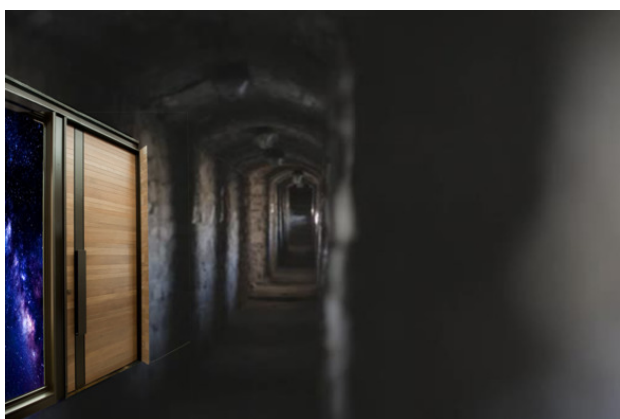
По большей части глядя все-таки в его сторону, явно и справедливо предполагая именно отсюда возможные неприятности, бросая взгляд вначале непосредственно перед собой, на узенькую планочку заградительного ограждения подставки и на побитую вокруг всего этого поверхность полировки, говоривший затем уже естественно и как бы мимолетно опускал глаза на стандартные листки бумаги, сокрытые от досужих взоров под локтем, чтобы потом вновь непринужденно и чуточку рассеянно, невзначай, обратиться глазами теперь уже к завесам на окнах.

Он с многозначительным опозданием отправлял в том же направлении лицо профессионального умницы – сдержанное, понимающее, в меру собранное в неподкупные складки и щели – и снова в глубокой задумчивости возвращал себя к внемлющей аудитории. Докладчик прилагал заметные усилия с намерением как-то оживить читаемое, повышением интонации и ужесточением вопросительной нагрузки, нечеловеческую наукообразную стилистику:

хрипло и с расстановкой, не переставая ковырять пальчиком несущую плоскость опоры, поворачивая голову к дверям, глядя ему прямо в глаза пристально и вдумчиво, при этом успевая словно бы случайно, легко и неожиданно для самого себя перевернуть под собой страничку и обратиться в этот момент уже скорее ко всему присутствию в целом...

Он вынул руку из кармана и остановился.

Справа в темном дверном проеме тут же поднялась с угрожающей поспешностью встревоженная заспанная морда ненормально большого волкодава. Что там особенного позади – было не разобрать, но выше различалось что-то вроде партера, а еще выше – транспарант. Стыдливо вывернутое наизнанку, полотно оставалось непроницаемым. Прямо, из глубокой темноты по коридору дальше было отчетливо попрошено угостить сигареткой. Стараясь не делать резких движений, он двинулся мимо. Чье-то утро заглядывает в двери унылых душ, предупредили позади. Утро нерешительно. Будьте бдительны.

Тяжелый казематно-подвальный дух и тишину сменило предчувствие чего-то неизбежного. Бетонный потолок стал ниже. За дверью слева вдруг что-то упало, с грохотом покатилося, там задвигались, шумно и весело, суетясь, осыпая многовесно и дряблo шрапнелью суматошных отзвуков мегатонные угрюмые члены монастырских сводов, дверь на секунду приоткрылась, и показался вострепанный полуголый отрок в брезентовом фартуке. Отрок прижимался щекой к холодным камням пола молча и терпеливо, со взглядом стойким, даже упрямым, заранее готовым к любому следующему повороту событий. Этот непреклонный взгляд устремлялся вдоль шербоxатой поверхности порога, забрызганного чем-то свежим, за дверь. Дверь, скрежеща, вновь сошлась с железом стены, и за ней тотчас учащенно задышали, бормоча торопливо и сдавленно, по нарастающей, шурша, ненадолго прерываясь – и тогда начинали греметь инструментом. Дверь распахнулась снова, и оттуда незамедлительно катапультировался, чуть не к самому полу прижимаясь тщедушными ключицами, взъерошенный отрок. Явно опасаясь не успеть, он сразу же поспешил взять хороший разбег, в конце концов слившись с темнотой. Послышался железный лай и лязганье разлетающейся по полу тары.

В ту же минуту мимо двери, раскачивая поясницами и наступая друг другу на пятки, в том же направлении с топотом понесли какой-то стандартный, удлиненной формы и, как это сейчас виделось, мало приспособленный к оживленной транспортировке цинковый контейнер. Какое-то время из-за поворота еще доносился рабочий гвалт, кашель и дробный стук тяжелой походной обуви, затем все стихло.

В безлюдный коридор вышел, дыша, взмокший и заметно расстроенный широкогрудый мужчина с папироской в зубах, в просторном брезентовом фартуке на голое матерое тело. Сжимая в темных грубых ладонях коробку спичек и потея, мужчина ссутулился, прикуривая с порога, помахал, разгоняя дым, кистью у бедра и задумался. Из-под налитой напряжением крепкой мужественной руки к полу ушла пара натруженных капель. С-сука, сквозь зубы про-

изнес вышедший, остывая. Естествоиспытатель... Мужчина сильно затанулся, опустив глаза. Паскуда. Учению надобны терпеливые и усидчивые, говорит... Что мыслишь, говорю, м-мать, неученье ли? Тьма, говорит. Верно, говорю, ученье свет...

Он затанулся еще раз, посмотрел на папироску, поправляя седой кончик мизинцем, и поднял к собеседнику доверительное открытое лицо,

– Н-ну молодец, говорю, тогда!.. Насекомологу надобно различать. Умен ли, спрашиваю. Учусь, отвечает. Учись, говорю, дураком же умрешь. Что слышишь? Жужжат, говорит. Верно, говорю, мухи... Пошто – мухи? Матерь-природа наша – дура ли? Летают, отвечает. Правильно, летают. Поскольку есть у них к тому опыт, навыки и умения. Так о чем же, теплоход ты не объезженный, надлежит эмпиристу и диалектику мыслить в первую очередь? Красное смещение, говорит. Для наглядности. Красное полотенце. Большое. На нем муха. По Доплеру, объект перемещается как вдоль, так и поперек, короткими перебежками – по ухабистым жестковолосым вонючим завалинкам. Ускорение перемещений остается всегда строго постоянным. Вот она – муха то есть, объект, бежит-бежит, вновь замирает, и когда мы все уже ожидаем от нее, что она продолжит предначертанный путь свой, она неожиданно для всех подбирает свои ступалища, подгибает их, затем распрямляет упруго, вознося тело свое высоко вверх и опираясь о воздух крыльными отростками подобно тому, как мы опираемся о землю ногами. И в сей же момент мы задаемся вопросом: так чем же она, непредсказуемая, руководствуется, изменяя плоскость перемещений?..

Мужчина сдержал себя, опуская взгляд, задавил двумя пальцами огонек папироски. Прищурясь, поплевал на пальцы, растер, изменяясь в лице, затем сунул бычок в спичечный коробок. Теперь он глядел на слушателя совсем другими глазами.

– Слушаю вас, – сказал он сухим неприятным голосом. – Но лучше после обеда. Или даже завтра.

Да, сказал он. Конечно, Лучше будет в другой раз...

...там в дальнем углу, закатывая глаза, охал и ахал еще один, стена и причитая, тихо проклиная и прошедшую ночь, и сволочей-друзей, которым на следующий день не на работу. Он вздыхал, как вздыхают по навсегда потерянной жизни, одной рукой грузно наваливаясь на соломенную циновку под собой, на коей некогда безуспешно пробовал отойти ко сну, другой бессильно шаря по обнаженному участку груди со спутанным волосом, что бесстыдно торчал из-под перекрученной майки. «Что тут у тебя с ушами, милорд?» – глухо и неприятно осведомились за стенкой. «Вот... Вроде бы читали Тестена. Изволили много говорить, задели нос...» «Сюда, если не затруднит», – перебил другой голос. Шуршание, тихое и непонятное до той минуты, стало громче. «Совсем уже было уклонились сделать чуть заметный гешефт, однако против ожиданий получилось нечто вроде готского тинга». «К стенке!.. Ставьте же к стенке, наконец...» За стеной послышалось искательное полое шарканье и нащаривание, словно кем-то в темноте предпринималась мучительная попытка попасть вилкой в розетку. Пауза и полузадушенный смех. Шаги, странный, не очень внятный звук, напоминающий усиленное мегафоном цыканье зубом и неторопливое движение усеченной спички. Шумное почесывание обветренных подбородков. Звяканье граненого стекла. «Р-рекомендую. Мужчина вашей мечты...»

Мужчина в углу ожил снова, шурша соломой. Он выглядел как живое воплощение несчастья, томясь, страдая одновременно и от жажды и от холода, ему действительно было плохо, в потрескавшемся от древней сухости сознании он прикидывал расстояние до ближайшего туалета и тихо приходил в отчаяние.

– Ой, ну что же это так тяжело, а... – вскричал он расстроено, не совладав с подающимися описанию болью и тоской в голосе, повода дебелим рыхлым плечом. В тревоге, в болезненном внимании прислушиваясь к ощущениям, мужчина наблюдал, плохо понимая, изголовье своего ложа, словно и шляпа на бетонном полу, и неопределенной масти разношен-

ные носки в ней были с чужого плеча. Он обратился помыслами к дверям. – Ну что же это вы там стоите над душой тоже... не проходите... – ностальгически произнес он. – Что у вас там в чистой руке? Я ожидаю же...

Он с упреком и печалью смотрел так некоторое время, играя плечом, затем изготовился, титаническим усилием воли все-таки заставил себя перенести вес тела вперед и приподнять поясницу, придерживаясь за шершавую казематную стенку с таким видом, будто при первых же признаках суставного расчленения был готов занять исходное положение; приблизился, шаркая тапками, к столу, с глубоким сомнением опробовал ладонью местоположение табурета, со многими предосторожностями погрузился и неожиданно заорал, накаляясь:

– Почему до сих пор, без доклада, секретаря-советника ко мне, я из него всю душу вытрясу... – «мерзавца» добавил он уже скорее для себя и для внутреннего пользования, чем для информации к исполнению.

Мужчина вновь повернулся было к дверям, опустил глаза, внезапно соскучившись, невелико провел суровой ладонью по доскам огромного стола и ссутулился больше прежнего.

«Счастье пошло по рукам, сказал он, – произнес вдруг мужчина, с горечью разглядывая свою ладонь. – Счастье было понято, поднято на руки, взято под руки и пошло по рукам...»

Что-то тут опять было не так и не в тему. В коридоре все оставалось прежним, ничего здесь не могло меняться, однако чего-то как будто не хватало. Покоя, вот чего теперь не хватало обонянию, прежнего покоя и обычного хладнокровия. Несло проклятым запахом одеколona, происходило некое строго санкционированное движение, за спиной зашуршала одежда, вслед за чем затылок ощутил легкий нетерпеливо-начальственный толчок ладонью. Это было не сильно, но чувствительно и довольно неприятно.

Он посмотрел через плечо, заранее стискивая челюсти и прищуриваясь, напрягаясь лицом, – однако неожиданно промахнулся взглядом, проваливаясь в пустоту пространства, поскольку стоявший за спиной оказался значительно ниже поля его зрения. Человек глядел на него со сдержанностью, с привычным утомлением своим положением, заслуженным уважением и космическим всезнанием практически по всем основным аспектам бытия, сверху вниз, вместе с тем, однако, не без некоторой, далеко скрытой в глазах готовности отпрянуть назад. «Это декан, – предупредительно шепнули на ухо. – Руку будет лучше вынуть из кармана...» Показалось, как будто где-то целиком выключили все дополнительное освещение.

Ощутимо тянуло холодом. Это надолго. Сейчас здесь будет очень тихо и работоспособно, недобро пообещал чей-то голос.

Смотреть, собственно, тут было не на что, он сделал последний шаг за пределы освещенного прямоугольника, ступив в тень, уже забывая обо всем этом и обо всем остальном, постороннем или пришедшемся к случаю, оторвал ладонь от стены, в очередной раз поворачивая голову на шум, и увидел, как прямо на него со всех ног мчится маленький плачущий мальчуган в коротких штанишках с чем-то таким, что больше всего напоминало здоровенное ребристое колесо. Колесо вихлялось из-стороны в сторону, подгоняя мальчишку, догоняя и отставая.

Вынув руку из кармана, он повернулся и, пригнувшись, со всех ног бросился по коридору, далеко вперед выбрасывая пятки и почти не разбирая дороги. Разом сошлись, тесно надвинулись, нависли тут же отовсюду тугие черные стены, замелькали, сливаясь в одну и теряя очертания, двери, множество дверей, зияющие жерла тоннелей, ребра лестниц, хлестнул, заставляя пригнуться ниже, ударил по лицу рвущийся багровый факельный отсвет, оставляя после себя на глазах след кровавый и долгий, горячий, подкопченный; он ничего не слышал, кроме собственного дыхания, мелькали не оформившимися тенями какие-то размытые бледные личности, проносились больничные халаты, пиджаки, хватающие воздух руки, его проводжали встревоженные лица, его пытались догнать, взять на бордаж, использовать, но вскоре он оказался в полосе мерно бегущих трусцой людей и остался в одиночестве. Пару раз он едва не налетел на аккуратно и дипломатично одетые фигуры у плотно прикрытых дверей, пару раз

его хотели ухватить за рукав, но он только отмахивался, выравнивая шаг и выправляя дыхание, мимолетно касаясь рукой чужих спин и плеч, шлепал по протянутым ладоням и старался улыбаться как можно приятнее: «Потом, потом...»

– ...Принцип Реди, господа, – восклицал докладчик, щипля себе мочку уха, широко расставив ноги и нависая над слушателями. – А как же принцип Реди, мм?.. Принцип же все-таки. Аксиома. Устаревшая, правда. Как?.. И потом: необходимо в рабочем порядке закрыть хотя бы вопрос о «смысле жизни». Все мы – солдаты антиэнтропийных сил. Впрочем, нет, наверное, все-таки не все... Но, полагаю, никто не станет здесь возражать, если скажу, что конечной идеей, по крайней мере, своей жизни многие готовы увидеть счастье. Но что есть такое счастье, *друзья мои*? Несвоевременное извлечение удовольствий из возможно большего количества влечений. Регрессия восторга, в общем. Сила же влечения зависит, как известно, от величины сопротивления ему – и чем сильнее влечение, тем больше удовольствий обещает принести его удовлетворение. И, следуя дальше этой логике, чем больше удовлетворенных в рассматриваемый отрезок времени влечений, тем определеннее ощущение пресловутого счастья. Таким образом, суть задачи будет состоять в открытии все новых и новых влечений и, если это необходимо, искусственном их создании...

Он по привычке посмотрел по сторонам, потом постоял, медленно поглаживая пальцем переносицу, оценивая последовательность вступительных слов и подбирая нужную нить. Сумрачный коридор безмолвствовал. Никого в этой части не было. Лежали на каменных плитах уходящего вдаль пола длинные трещины и оброненный, некогда раздавленный старый окурок. Сейчас имело смысл собраться с мыслями и выглядеть как никогда естественно. Здесь сидели на горшке. Он извинился, решительно пригладил ладонью волосы и взялся за ручку следующей двери.

«...тут же все вместе, разом вскричали громким шепотом в несколько глоток, которые перекрыл спокойный мужской голос, попросивший глядеть под ноги и дать пройти. На него сразу же зашикали, и установилась было наконец полная ждущая тишина, но тут ближе к краю людского скопления возникло движение, там посоветовали лучше перестать хихикать и отдать шарф, и кто-то приторным голосом, бархатно растягивая гласные, объявил во всеуслышание: «Знает дед и знает баба, этот дырн от баобаба». Народ загудел снова, в центре откашлялись и попросили слова, но его никто не слушал. Сравнительно с передовыми позициями, здесь было заметно оживленнее, однако никто почти не говорил, и только в тылах, поминутно давясь от смеха и разгоняя кистью сигаретный дым, некто в медицинском халате рассказывал смешное: там все сплошь были без головных уборов, пиджаков и штандартов. Собрание явно и давно скупало.

«Нужно сказать, позволили себе чуточку вольностей в обращении с мыслями своими и других...» Кто-то, будучи не в силах более сдерживать себя, со стоном зевнул. Все стояли явно давно. Сдержанный гогот и кашель. Непристойный смех. Бархатное: «Мягше, братец, мягше...» «Нет, милорд, ты погоди, ты не лезь сейчас, ладно, ты не один тут такой, люди вот тоже стоят, до тебя после дойдут и вспомнят». «Физиогномисты, говорят. Умное лицо, иди. Можно идти. А у вас что-то с лицом, голубчик, говорят... то есть это не они говорят, но видно же, что – рыло...» Некто во всем черном, удобно разместив локти на плечах вперёдистоящего товарища и покойно опустив на них блеклое осунувшееся лицо, разглядывал в промежутках меж голов то, что было дальше. Дальше не было ничего, кроме тяжелой на вид двери. И все смотрели на нее.

И не дверь даже, а скорее аллегория на тему запертой раз и навсегда полупоходной лесной Двери. Служебного входа в преисподнюю. Врат ада. Врат, склонных к кочевому образу жизни, добросовестно и бесстыдно декорированных под обыденную дверь нужника.

От декоративности, однако, тут было не много, дверью явно пользовались, – правда, давно, очень давно и не слишком охотно. Во всяком случае, если исходить из контекста ситуации. Все исходило из контекста ситуации и никуда уходить не торопились. Они не то чтобы на что-то надеялись, уйти от этой двери было не так просто. Не говоря о том, что идти тут больше было некуда. Как раз возле голого, одиноко торчащего под небом косяка, подпирая, какая-то бесцветная личность все с тем же скучающим видом рассеянно созерцала, сложа руки на груди, унылое пустое пространство поверх скопления голов, время от времени, как бы вдруг утомясь, подаваясь вперед и приныкая плотным задом к стертому косяку.

Совсем было уже наметившийся период общего внимания оказался вновь сокрушен спорадическим периферийным шевелением и замечаниями по поводу обещанного солнцестояния, которые вылились в новый приступ кашля и душевного брожения; здесь держали ладони под мышками, молчали, глядели вверх, зло усмехались, подбирали сопли, убежденно гнусли – все вместе это сильно напоминало преддверие дня открытых дверей. Птиц было не слышно и не видно. Зависнув, пара какой-то необыкновенно крупной особи черной мухи мрачно озирала окрестности, высматривая, к чему бы прислониться. Впереди, насколько хватало глаз, стыли головы людей. Деревья за ними уже не просматривались.

Достаточно темная сторона дня.

Шуршание камушков.

Скучное освещение и мрачная перспектива удачно дополняли доисторическую отчужденность сюжета, иносказательность и простота обстановки только выигрывали. Этот одинокий ни к селу ни к городу торчавший прямо под синим небом на пологом пригорке перекошенный деревянный косяк и разошедшаяся черного дерева наглухо запертая Дверь выглядели так, словно были тут единственными предметами обихода реальности: все остальное, включая и синее невозмутимое небо, и неподвижный лес с запахом горьких трав, казались лишь условием, необходимым и оговоренным дополнением к деревянному Косяку. Это выглядело как минимум странно.

Ничего там дальше, за этим перекошенным косяком не было, если не считать леса и далекого горизонта, не было даже обязательного в подобных случаях утоптанного истертого крыльца, не говоря уже обо всем остальном. Он просто был, стоял в траве, как стоит всякий достаточно ровно поставленный дверной косяк, словно стоял тут всегда. Внимание еще на секунду удерживало в поле зрения поваленный прямо здесь же абзац с начертанным мелом похабством, но взор затем все равно возвращался к лукавому чертику изголовья (или к чему-то, что напоминало лукавого чертика), где было посвободнее глазам и не так знобило.

Замысел устроителей был реализован великолепно: по обследовании прилегающей позиции крепло сильнейшее сомнение, открывалась ли *Дверь* вообще когда-нибудь. Чертика венчали сложенные в неясный кубик Меандра такие же абстрактные небесные кубики. Кубики

терялись на недостижимой высоте, в иссинне-голубой неопределенности. Еще ниже и на отшибе проглядывало что-то там такое полустертое, безликое, не вполне уместное, отдаленно напоминавшее изжеванное временем, безжалостное в лучшую бытность свою оглавление хорошей книги, на котором теперь от руки небрежно было начеркано: «...Память человечества» и «... концепция: Будущее» – и дальше размашисто, крупными буквами, тоже от руки, так чтобы стало наконец видно издалика: «...упа *НЕТ* и *НЕ* будет». Чего нет и чего не будет – понять было уже нельзя, надпись была совсем вытертой. Все вместе это естественно и невинно сменялось прозрачно-сырообразным ломтем луны: на ее голубоватом фоне еще суетно шныряли неутомимые вампирусы, которым в действительности давно была уже пора спать.

У Косяка, возле отсутствующего крылечка с видом крайней степени утомленности в жестах и на породистом профиле возник сдержанно жующий широкобедрый господин без пиджака. По его широкому лицу все сразу понимали, что размышлять ему в настоящий момент приходилось о чем-то привычном и, вместе с тем, наболевшем, глубоко трагичном по своему содержанию, отвязаться от чего он уже отчаялся. Слегка прикрывая веками успокоенные глаза, измученный неблагоприятным течением обстоятельств представитель какое-то время с болезненным выражением обозревал представший его взору ландшафт, и то, что он наблюдал, видимо, не сулило ему перспектив.

Если бы не вид нескольких исполинских изъеденных теньями глыб, возвышавшихся неподалеку на манер гранитных фигур острова Пасхи, можно было подумать, что затруднения здесь носят временный характер и что в конце концов всё счастливо разрешится. Эти искусственные образования портили весь вид, выглядело так, что сюжет так же ветх и несдвигаем, как те несколько сутулых мрачных ужасов на окраине. Впрочем, все словно брали с них пример, терпеливо ожидая неизвестно чего.

Дальше торчала пара вросших в землю камней. Запутавшиеся в деревьях исполинские обработанные куски гранита накрывал третий, такой же плоский, многотонный и эпический. За ними стояло несколько таких же трилитов. Это явно был Стоунхендж или его грубая угрюмая копия.

Хоругви были тоже. Кто-то сосредоточенно хлопал в ладоши, к чему-то напряженно прислушивался, ожесточенно сплевывал промеж ладоней, шептал, хлопал еще раз и снова к чему-то прислушивался. Кем-то с неподдельной тревогой – достаточно ли хорошо то заметно на общем фоне? – поправлялось двумя пальцами на животе некое странное перекрестье на стальной цепи. Аналогичные перекрестья поправлялись, но без особого успеха, и дальше по передовым рядам тугих животов, поясов, рук и грудей, с различной степенью нарушений причинно-следственных связей и последствий для окружающей среды, – и только бегающие влажные зрачки, сопровождавшие, когда это было возможно, вещицу в ее эволюциях, оставались одними и теми же, полными отражений дверей и требовательной любви.

Кто-то сосредоточенно изучал, поддерживая обеими руками и шевеля слипшимися губами, припухлый томик – и просил одного; кто-то в очередной раз просматривал (не без видимого удовольствия) ежемесячное собрание гороскопов, и ожидал того же. Третий ничего не просил, глядя перед собой, прищурившись, как на яркий свет, бьющий в застекленное резиновое окошко лазерного прицела, но должен был кончить тем же.

...Некоторое оживление в народе и сонном стане мух вызвал какой-то совсем посторонний мрачный субъект в сильно подсухшем и умятом пиджачке. Скорбно поджав губы, ни на кого не глядя и, более того, словно никого тут вокруг не видя, мужчина протиснулся вначале мимо на целую минуту притихшего собрания, затем мимо снулого мздоимца возле самого Порога и дальше, в едва скрипнувшую за ним створку Косяка. Толпа загудела с новой силой.

В выражениях больше не стеснялись.

Дверь закрылась, и мрачный субъект остался за порогом видимости.

Мздоимца у Косяка качнуло в очередной раз, он без видимой охоты переместил скучающий взгляд на людское скопление перед собой, но сразу же возвратился к посиневшим небесам, как бы оберегая зрение, как бы боясь испачкать. Он сосредоточился, всмотрелся во что-то пристальнее и, скуласто напрягшись, страстно зевнул, ненадолго отделяя поясницу от Косяка, освобождая карман от руки и деликатно прикрывая губы пальцами. Под сенью развесистых крон уже кто-то стоял, исходя соками всезнания, отведя в сторону мизинец, держа перед собой на весу граненый стакан. «А что, отцы, – осведомился богохульный силуэт, проницательно взглядываясь в молчаливые невнятные лица, – *здоровее будем?*..

Костюмчик очередного абитуриента оказался не столь вызывающе скромн, как у его предшественника, однако его обладатель оказался еще более мрачен и снизошел в круг света с той же стороны. Создавалось впечатление, Дверь вообще способна была работать лишь в одном направлении и на каких-то одних заранее оговоренных условиях.

Что-то не все слава богу было с пропускным режимом и здравым смыслом. Передние ряды со всевозрастающим беспокойством проводили посетителя взглядами до самых створок Косяка и в нехороших предчувствиях все вместе развернули головы к странному исходу вновь в ожидании, что произойдет что-то еще. И там, в самом деле, уже шуршала трава и проглядывал неуместный отсвет бледной луны сквозь черные плетя деревьев. Но только смотрели они все туда зря, нечего им было туда пялиться, поскольку вынужден был маячить и шуршать травой там уже я, шепча, тихо ругаясь и путаясь во влажной от росы траве. Мне как раз сейчас меньше всего было до них, до их поджатых губ и осуждающих взглядов, некогда – да и далеко было, слишком далеко.

Если бы не этот вереск и не увлажненный росой порог, я и представить бы не смог, чем все кончится. Еще бы вот только чужие ненормально длинные тени иных звездных скоплений не лезли под ноги, торопясь улечься и все усложнить.

Толпа со злобным ожиданием ревниво следила, как я выбираюсь под открытое небо, с предписанными в такого рода делах непроницаемостью и мрачным выражением минуя болванов Пасхи и трилиты сооружений Стоунхендж, как минуя низко вбитые в траву колышки с натянутыми волчьими зубчиками, как пробираюсь мимо собравшихся, мимо Двери и, в рабочем порядке откашлявшись в кулак и поправив чуть приспущенный узкий галстук, пристра-

иваюсь неподалеку от невзрачного мужичка, задремавшего прямо в сени древних дерев, пристаиваюсь тоже – посмотреть. Смотреть было на что.

Господин на пороге закрытых Дверей, ностальгически морщась, постоял так с минуту, неопределенно озираясь и перекатываясь с пятки на носок и обратно, утомясь, окинул всепонимающим проницательным взором аудиторию еще раз, убрал руки за спину и, то и дело привставая на цыпочки и надсаживаясь, закатывая глаза и употребляя челюсть в качестве указателя, принялся делать сообщение; он, казалось, стремился донести наконец до сознания слушателей некое обстоятельство, очевидно, представлявшееся ему как нечто само собой разумеющееся, которое же, однако, присутствие по какой-то не вполне понятной еще причине упорно не желало принимать во внимание. Докладчик, по всей видимости, являлся уже народу не впервые, прежний опыт оказался малоутешительным, и он сам уже не очень верил в благоприятный исход предприятия. Что он говорил – разобрать было отсюда трудно, только вскоре толпе, видимо, надоело стоять на одном месте, она угрюмо зашевелилась, неохотно загалдела и предприняла попытку сбиться плотнее. Поступило сдержанное расстоянием предложение слезать с бочки.

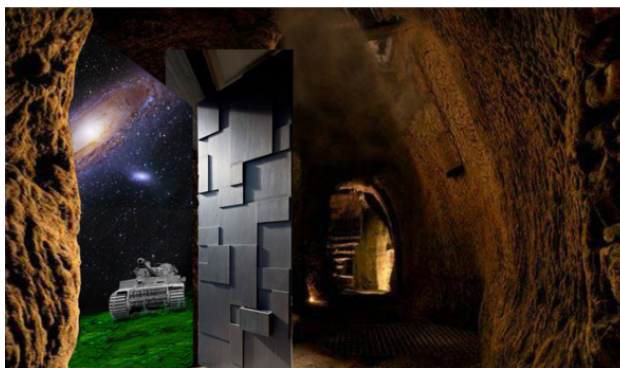
Народ все также неинтересно глядел, чесал подбородки, апатично темнея штандартами и коченея лицами религиозного содержания. Поначалу я даже немножко удивлялся про себя, отчего это толпа сама на себя не похожа. Толпа была на редкость смирная. Дружелюбна и как-то тиха, покладисто выглядывая из-за плеч, шаркая, благосклонно посматривая на пару разбитых лиц из числа ближайшего окружения. Но потом быстро стало ясно, что дело было во мздоимце у перекошенного Косяка.

Когда в крайнем ряду, устав, видимо, уже нависать и хрипло орать над редкими заградительными флажочками, кто-то, наконец, плюнул, прервавшись, чтобы сейчас же самым решительным образом начать перебираться через завесь волчьих зубчиков, мздоимец с перекинутым через плечо ремешком, ни на секунду не утратив скучающего вида, опустил глаза на простертое перед ним поле голов, как-то не очень понятно подвигал губами и мышцами лица, не то переживая в этот момент неудобство в полости носа, не то доставая что-то меж зубов, и уперся рукой себе в пояс, выставляя на свет хорошо, по всему, уже знакомый тут всем малогабаритный инструмент, приосанясь с ответным недвусмысленным намерением воспользоваться правами. В инструменте я с удивлением узнал крайне компактный, почти карманный очень специальный автоматик-«кофемолку» при длиннющей коробке боезапаса и чудовищном, едва ли не втрое большем против остальных размеров, табельном цилиндре глушителя. Вороненый гладкий инструмент бодро поблескивал на свету, не оставляя никаких сомнений в отношении своей боеспособности.

Измятый мужчина подо мной – под деревом, в смысле, внезапно обеспокоился, задышал глубже, елозя лопатками и устраиваясь удобнее, я тронул его за рукав, теряясь в догадках и строя предположения: заметно было, что он только со сна и снилось ему не совсем то, что ему хотелось бы. «Грабли...» – утершись узловатой крепкой пятерней, сумрачно обронил он в пространство, не поднимая глаз. Отстранившись от цеплявшейся сзади коры, он поддернув рубашку. Теперь его измученный сном взор был прикован к собравшимся за моей спиной. «Ну, чего, мужик... – недовольно произнес он, сильно налегая на подтекст согласных, недобро раздувая ноздри и упорно пряча глаза в сторону. – Эта... грабли, говорю, убери, значит, если дороги...»

Тут его внимание отвлекло что-то, да так, что даже немножко приподнялись густые кустики бровей, он снова умолк, невольным движением отослав руку к пиджаку, лежавшему рядом. Присутствие на подступах к лесному покрытому вереском пригорку вполголоса гудела. Отчетливо попросили перестать хихикать и дать выйти. «Уже все, – сказал я, насколько получилось, дружелюбно. – Не стоит волноваться. Надолго тут эта пандемия?»

В глазах собеседника что-то такое дрогнуло непонятное, он утерся повторно, переместился взглядом на воротничок моей белой выходной чистенькой рубашки с откровенно припущенным узким галстуком, оглядел – сверху вниз, без интереса, не мигая и не встречаясь глазами, однако, вместе с тем, словно бы не без тени легкого недоумения по поводу открытых рук, коротких рукавов и отсутствия какого бы то ни было намека на наличие поблизости пиджака, снятого и брошенного до времени, – после чего поднялся и, шатаясь, тихо ругаясь, на ходу нашаривая и теряя ладонью рукав пиджака, пошел прочь, минуя Дверь, пригорок, толпу и дальше – во вне...»

Сидя на холодном полу опостылевшего коридора, с локтями на коленях, прижав уставший затылок к стене и закрыв глаза, я старался ни о чем не думать, сидел, просто слушая тишину, пытаюсь ненадолго хотя бы уйти на дно теплой темной трясины, безмолвной звездной ночи моего сознания. Эта часть пространственно-временного континуума была необитаемой.

В глубокой полутьме, где-то возле створок лифта горел, ожидая, красный немигающий глаз, но туда сейчас не хотелось. Лифты здесь обнаруживали склонность либо бездействовать, либо действовали по каким-то своим, подчас небезопасным для постороннего и недоступным пониманию непосвященного, апокрифическим программам. Череду незаконченных проемов в стене, уверенная в себе и моей глупости длинная шеренга навсегда застывших во времени распахнутых в пустоту кабин выглядела так, словно тут не ступала нога человека. Стены и каменные плиты пола их дополняли, вгоняя в депрессию. В гулком полумраке где-то дальше, в нехорошей тишине возник, захлебываясь от дурных предчувствий, и пошел гулять и гукать чей-то неживой, далекий взволнованный голос: «Кто здесь?.. Кто здесь?..» Не было никакого желания разбираться в этом хитросплетении каменных полов и кабинетов, лестниц и коридоров, в этом будничном нагромождении времен, совершенно диких этажей и отживающих свой век, одетых в дорогую кожу, временных, пугающих, прозрачных, порочных, будящих холодную ненависть, фешенебельных, заплеванных, беспризорных, пользующихся плохой репутацией и сумасшедшей популярностью, не от мира сего, безвестных, бесстыдных, в чем-то излишне скромных, крикливых и неприступных, с высоким рейтингом покупаемости и надменных, нездоровых, исполненных естественного презрения ко всему, пуленепробиваемых, многообещающих, обещающих даже слишком много и ничего взамен не отдающих, подавленных, частных, проклятых и подавляющих волю, предлагающих выпить и переспать, обходительных и чуть высокомерных, праздных, благородных, явно эпикурействующих, безликих, увечных, грязных, анизотропного действия, со следами обуви на незащитном лице, безупречно охраняемых, капризных, прошмондовствующих, непоправимо страшных, безвольных, четко разбирающихся в людях, самоироничных, настырных в своих начинаниях, оскопленных, расхлябанных, расхлюстанных, самодовольных, предупреждающих и предупредительных, запрещающих, непроходимо деревянных, аскетичных, негостеприимных и выпоtroшенных, не раз сжигаемых, но так до конца и не сожженных, продажных, еще чистых,

но уже купленных, потайных, тайных, ютящихся по темным углам и поджидающих за углом, неизменно расходящихся во мнениях, одноразового действия, странствующих, непревзойденных, забрызганных росой, хороших и плохих, бросающих по сторонам задумчиво-похотливые взгляды и одинаковых, как спички, но всегда разных – стройных рядов дверей, исчезавших в бесконечности.

Глава 2. Великие озера. Семь граней летнего утра

1

В сумрачном тесном коридоре все дребезжало и гроыхало, как в старой консервной банке с остатками какого-то барахла. Несло горелым маслом и пылью. Сомкнутый ряд стульчиков слева с обшарканными, истертыми и исцарапанными на углах металлическими сиденьями, на которых, надо думать, в другое время смирно восседал дрессированный прайд тяжелооруженных рослых гоплитов, уставившись в одну точку и в ожидании работы пережевывая про себя одну-две своих нехитрых мыслей, занимал сейчас обрез пыльного шланга над оборванной проводкой, здесь же тускло желтела оброненная горсть стреляных автоматных гильз. Все это выглядело давно забытым, лежалым, глаз, скучая, находил тут повод к продолжительным логическим экскурсиям на тему куда катится этот мир. Прямо перед сиденьями громоздил один свой неподъемный сустав на другой масляно поблескивавший агрегат, напоминавший опорную установку крупнокалиберного пулемета. Пулемет нависал тут, должно быть, черный, уверенно отсвечивающий, невероятно тяжелый и неповоротливый, с полным боекомплектом увесистых округлозубых патронов, с удобной грифленной рукоятью, его с большим трудом втиснутый в отсек ствол все время упирался ребристым бубликом дульного тормоза в створки бортового люка, предназначенного с натугой распахивать и строчить на полном скаку. С тем же успехом, впрочем, это могло быть опорной установкой телескопа для ближайшей обсерватории.

Пыльный клепаный пол то и дело куда-то проваливался, сердце, обрываясь, проваливалось вслед за ним, и в животе сразу же начинало знакомо и противно сквозить. На каждой встречной яме плоское и до икоты холодное гладкое сидище чувствительно било по задку, перед носом, нагнетая атмосферу, беспокойно прыгал ремень карабина. Карабин вздрагивал под потолком на стальном тросике, и в такт ему вздрагивал весь коридор. За стоявшим в ушах одним и тем же нескончаемым ревушим монотонным гулом все время казалось, что кто-то рядом, еще неразличимый, срывая голос, дергаясь лицом и теряя последние остатки выдержки, пытается докричаться, а где-то совсем неподалеку тянет и тянет жилы надрывная, нестерпимо трагическая и непонятная многоголосая симфоническая партия. Из-за спинки узкого кресла впереди дальше в приоткрытую дверцу высунулся незнакомый шеф и показал растопыренную пятерню. Ноги отяжелели как-то сразу, от пяток до поясицы. Полусонно помигивавший до того всю дорогу, Гонгора напрягся, сделав хороший вдох, опасливо поднялся и осторожно, придерживаясь рукой за выступающие ребра ближайшей стенки, прошел по качающемуся из стороны в сторону узорчато клепаному полу к люку. Тяжелый люк с натугой ушел, оставляя после себя ничем не прикрытую пустоту, и в провонявший химией сумрак ворвался ослепительный поток света и ледяного воздуха.

Едва прикрытый снегом, мимо в промозглой серости медленно проплывал широкий отвес черного скалистого выступа. Под ногами, на самом дне бездны, далеко-далеко внизу за легкой дымкой пробегали неровные тревожные тени, минуя завалы и башни камней, легко проскальзывая сквозь горные трещины, исчезая дальше в подшерстке леса. Безмолвное видение опасного дикого зверя, настигнутого накануне грохочущей тенью, стывшее перед глазами, исчезло, задернутое завесой слепящих небес и камней, в последний раз дрогнув, тускнея неясным силуэтом бесполезного сожаления, чужой закоченевшей боли. Наверное, он тоже был в чем-то жесток, жесток по-своему и умен. Наверное, в нем тоже жили свои представления о том, что будет после него, – о том холодном, диком, живом, что теперь покидало его, неуловимо, не оглядываясь, уходило вперед без него и которое ему никогда уже не догнать. Он тоже, наверное, остро и по-своему, очень по-своему понимал добро, этот умный и дикий зверь, которого здесь никто никогда не сможет понять до конца. Возможно даже, что ничего этого не было, ничего он там не старался понимать, а просто действовал так, потому что жил, но помимо

непереносимой боли – у него была возможность это почувствовать с большей или меньшей определенностью – его касалось кое-что еще, нечто, с чем он не смог бы совместить себя и свое представление о том, что будет после него, ни при каких обстоятельствах. Смертельно раненому волку оставалось только молча стоять и смотреть, как весь сияющий снег вокруг неторопливо накрывает собой огромная тень. Он больше не делал попыток спрятаться, укрыться от нее на ровном, почти бесконечном уже белом пространстве, вспарывая собой гребни девственно чистых барханов, скачками по прямой уходя по синим сугробам к далекому остывшему пятнышку восходящего солнца, роняя на снег черные капли и все чаще заваливаясь на один и тот же бок, запрокидывая голову и пытаясь дотянуться, клыками достать залитое кровью бедро, но сил на это и ни на что другое уже не было... День для охотников выдался удачный, пилоты немного повеселели. Удовольствие, правда, несколько омрачилось тем, что застреленного волка – или не застреленного, может, раненного только – так и не нашли, трещины, наверное, попались снова. На плоских вершинах этой стороны взгорья имелось множество прикрытых снегом глубоких трещин.

Вот это будило воображение. Гонгора хорошо помнил, какое впечатление производил на новичков этот вид иссеченной порогами и трещинами затуманенной пропасти прямо под ногами. Некогда, в памятные не слишком ласковые времена, на парашютных прыжках приходилось не раз замыкать группу по расстановке «корабля», и сзади было прекрасно видно, что делало это казавшееся отсюда беспредельным пространство со здоровыми и наглыми парнями у рампы, такими уверенными в себе внизу и суетливыми и мертвецки бледными здесь. Рассказывали, на сборах особо восприимчивый новичок под непосильным грузом новых впечатлений так и свистел до самой земли, забыв и свое имя, и про кольцо запасного парашюта и вообще про существование «запаски», когда по какой-то причине не раскрылся основной купол. Уложили неверно, и он завис колбасой. Замок, случалось, песчинкой заклинивало. Или вот, тоже где-то было, карабин вовремя не пристегнули к тросу. (... Гонгора выпрямился, стал ровнее, упираясь рукой в косяк, глянул под темный низкий потолок и еще раз подергал за ремешок пристегнутого над головой карабина.) Пытаясь так вот однажды распечатать у себя на животе парашют, некий молодец смог даже каким-то образом голыми руками в воздухе разорвать запечатанный корпус, так и не вспомнив, что все приспособление простым движением руки высвобождается при помощи кольца. С учетом прочности корпуса, это производило впечатление. Точнее сказать, никто не понимал, как это у него получилось, парень был далеко не штангист. Вот только свой «конверт» он распечатал слишком поздно, совсем немного не успел. Вообще, если послушать, что рассказывали там и зачитывали, можно было подумать, что сборы устраивали исключительно в целях сокращения численного состава боеспособных сил. Причем было непонятно, развлекалось ли таким образом руководство просто так либо с тайным умыслом. Чего болтают, чего болтают, удивлялся Гонгора, тыкая вилкой в разобранный на «столе» пучок строп и принимая к сведению официальную информацию. Прыжок при повышенном ветре, приземление выполнено более или менее удачно, подняться на ноги прыгавший не успел – повело в сторону, надутый как парус купол бульдозером потащил к заливику с камышом и болотцем, случившемуся по несчастью рядом у поля. Парень, понятно, упирался изо всех сил, проскакал чуть не через все поле на четырех ногах, но парашют не угас, все равно втащил в камыши. Говорили про погодные условия, про утерянную бдительность, про стечение обстоятельств, про широкие лямки крепления купола за спиной, которые не давали поднять голову, держали затылок – он так и захлебнулся там в тине, а купол, не угасая, все скакал и скакал в камышах...

Гонгора качнул, попробовал носком железку, валявшуюся под ногами, попытался затолкать под ближайшее сиденье – не получилось; он еще раз обследовал рукой лямку грузового ранца у себя на заднице, неудобно болтающегося под парашютом, затем контейнер на груди, стандартные замки, к которым обычно крепились зажимы «запаски», пригнулся ниже, уперся

ладонями в обшарпанные ледяные края люка и, заранее прищурившись, осторожно выглянул за порог.

...не слишком, нужно сказать, помогало присутствие уверенных в себе, очень спокойных немногословных девушек-спортсменок, которых глубокомысленное руководство с довольно прозрачными намерениями подсаживало к новичкам, девушек-неулыбашек, располагавшихся с видимой непринужденностью на краю люка и беспечно покачивавших стройными ножками в парализующей воображение пустоте. Все равно эта братия со скупыми мужественными улыбками на серых лицах норовила уже в салоне выдернуть кольцо и мешком вывалиться за порог, хотя инструкциями настоятельно рекомендовалось непременно сильное отталкивание ногой от порога во избежание опасности за что-нибудь выступающее у транспорта зацепиться. Ноги просто подкашивались, и завоеватель летел к земле с одной гвоздем засевшей в голове мыслью о кольце, с которым нужно было что-то сделать. У спецов, рассказывали, так даже мочились от переизбытка впечатлений. В воздухе, понятно, не расстегиваясь. Та же операция, производимая вручную, но расстегиваясь, проходила уже по категории мастерских, присуждалась грантом «гражданский авторский» и допускалась лишь как заключительный аккорд под занавес службы. Уже в первый свой прыжок Гонгора едва не расшибся, дух великого экспериментатора и здесь не покинул его, проснувшись в самый неподходящий момент. Гонгора тогда впервые уложил купол собственноручно и не допускал мысли вернуться на землю в самолете, сохранив инструмент за спиной в неприкосновенности, не выяснив для себя, как эта штука работает. Он стоял и смотрел, как топтался у порога с прекрасным видом на голубую пропасть его сосед, отчего-то все время неловко приседая, не в силах установить ногу на край люка, и как ветер рвал одежду с рукава инструктора, и как сосед все же рухнул с подкошенными ногами навстречу новым ощущениям, подгоняемый нетерпеливым инструктором, с утра озлобленным, стремившимся побыстрее вытолкать всех за дверь, трясая расстегнутыми замками спортивного «рюкзачка», небрежно накинутого на плечи; он видел себя, собственное положение, ничем не блистающее, может быть, даже такое же эпически бестолковое.

И он решил подойти к делу иначе, Гонгора отступил, ушел от люка в самый конец салона, преодолевая общее недомогание, стараясь не терять координации движений, и это было непросто. Прыжок тогда вышел, правда, не слишком удачным, используя дополнительные метры дистанции, раскачиваясь и слегка заносясь на убегавшем из-под ног полу, грузно разбежавшись, он ушел за порог, набрав достаточную для успешного отделения скорость, успев при этом задеть плечом косяк люка.

Как выдернул кольцо – не помнил вообще, но после страшного рывка обнаружил себя в крайне неудобной позе мухи, запутавшейся в паутине, – видимо, в момент раскрытия оказался спиной к потоку воздуха. Приземление в таком виде могло гарантировать не только многосторонние переломы и ушибы. Так что если бы в конце концов не удалось – уже у самой земли, совсем близко от выгоревшей под солнцем добела дикой травы – освободиться от паутины строп, тот прыжок, скорее всего, и был бы последним.

Из-за спинки кресла вновь выплыли наушники и скучающее гладко выбритое лицо. Пилот не спеша, как бы не очень охотно ткнул большим пальцем куда-то мимо соседнего кресла, показывая направление ветра («От солнца», – сказал про себя Гонгора.), окинул его, разглядывая, с ног до головы ничего не выражающим скучающим взглядом и спрятался снова. Сердце медленно бухало где-то на уровне ключиц. Давай, мой хороший. Будет славная охота, сказал он себе. Давай, это первый случай в практике нашей стаи... Вот это стена... Он с запоздалой озабоченностью подумал, разглядывая совсем близко проплывавший мимо скалистый уступ, что камней слишком много и это может быть опасно. Слишком опасно. Щурясь в яростно свистящем воздушном потоке, Гонгора в десятый раз бросил взгляд на левый локоть, где горели красные бусинки высотного цайгера, на лямки парашюта с подвешенным контейнером, на прижимной механизм зажимов давно уже устаревшей системы, проверил, как сидела

на бедре тяжелая текстолитовая рукоять ножа, старой реликвии-подарка (рукоять на всякий случай прижата к ножнам мягким кольцом), резко выдохнул и обеими руками выбросил себя за порог, уже задохнувшийся, уже раздавленный, оглушенный ударом о мокрую стену беснующегося воздушного потока.

Он не переставал думать над тем, что чем выше забираешься, тем больше шансов остаться там навсегда. Но человек словно другого не ищет. Рассказывали, наибольший бум заявок на право восхождения на Эверест, весьма дорогостоящих самих по себе (что-то около восьми-девяти грандов), устойчиво приходился как раз на сообщения о гибели на его склонах других альпинистов. Здесь было над чем задуматься, сидя у костра с горячей кружкой в руках.

Но вот вам вересковое поле, то есть взгорье, трагическое соцветие закономерностей, веер разноцветных брызг диких созвучий, случайностей, делающих черный, черно-зелено-голубой антураж еще более черным, зеленым и голубым – теплым... Теплый локоть судьбы.

Сошедшее с нарезки воображение рисовало один сюжет исхода за другим. Оно мало было приспособлено к переходам подобного рода из одной реальности в другую, и теперь рисовало трагедию за трагедией. Предстояло, промахнувшись много дальше и мимо берега, то ли погрузиться в чудовищно глубокие холодные горные воды, утопить парашют и утонуть в конце концов самому, то ли каким-то образом удастся выпутаться, едва не захлебнувшись, в намокшей отяжелевшей одежде из паутины купола, гигантским блеклым мегатойтисом стремительно уходящего ко дну, в полубоморочном состоянии достичь пустынного скалистого берега, по дороге все же очень удачно утопив грузовой контейнер, чтобы после страдать от голода и сильного насморка, одиноко слоняясь меж рыжих космических сосен. Но все равно по-настоящему проголодаться тут не дадут, его будут ждать в высокой траве у озера, кто-то не добрый, раздраженный длительным ожиданием, похожий разом и на пятнистую гиену, и на серебристый одуванчик, и вначале он будет искать сук потяжелее и покрепче, а потом утомительно долго искать подходящее дерево...

Неземной красоты темная глазница крутобокой синей ложбины с чистым тенистым озерком на дне, сдавленная с одного края зубьями дремучих скал, изрезанных глубокими трещинами, с другого зажатая стеной высокоствольных деревьев, была втиснута в скалистую лощину дикой зеленой тучей кедрового нагорья. С высоты птичьего полета все это выглядело нарисованным. Безжизненное чистенькое озерко тихо играло изумрудными бликами, на зеркале воды лежали облака. Красок было слишком много, здесь всего было слишком много, пространства и бездонных пропастей, – неприступное злое ущелье было совсем близко. Неровный излом полупрозрачных пятен далеких горных хребтов ушел за горизонт.

Со стропоуправлением удалось разобраться, и теперь озеро надвигалось с нарастающей скоростью. Что-то, похоже, не все в порядке было тут с воздухом, озеро не могло быть таким нереально ультрамариновым. Тянуло крепким сквозняком, определенно снося все ближе к пустому гранитному отвесу.

Не без усилий разминувшись с лысым иззубренным утесом, некстати возникшим вдруг совсем рядом, Гонгора поддернул стропу неповоротливого купола и направил свои сомкнутые стопы к песчаной озерной отмели. До ее оборванной у сосняка извилистой косы оставалось уже совсем немного.

Поправив пальцем край затянутого на голове капюшона ветровки, чтоб не заслонял, он посмотрел вниз прямо под собой, постукал пару раз краями горной шнурованной обуви друг о дружку и напрягся, готовясь к сильному удару по ногам. Просочились в игольное ушко, подумал он, выжидая еще и резко поддергивая стропы в ожидании удара, смягчая посадку наклонном купола. Если бы не пилот, не подгадай он так хорошо время и ветер, неизвестно где бы сейчас висел. Торчал бы в гордом одиночестве где-нибудь на отвесной стене или макушке стометровой пихты.

Хотя попробовал бы он ошибиться, за такую мзду можно было организовать не просто добросовестную доставку – проводы можно было организовать, с теплой речью, с застольем и сопровождающими его лицами. Гонгора шепотом выругался, минуя торчавшие из шапки листьев иссохшие пальцы сучьев и непроизвольно напрягаясь всем телом. Едва не задев за лохматые шишкастые ветви старого растения, широко раскинувшегося над отмелью, Гонгора сорвался дальше вниз, провалился мокасинами в податливую серую крупу слежавшегося песка, тут и там поросшего стрелками травинок, с некоторым усилием походил по бережку у воды, гася норовивший попрыгать на ветерке надутый парусом купол. Потом разоблачился, скинул штормовку, олимпийку и отсыревшую футболку, поозиравшись в некотором недоумении по сторонам – было не совсем понятно, откуда могли взяться плоские клепаные части, кое-где проглядывавшие из травы оплавленными краями, то ли обломки вертолета, то ли не до конца сгоревшие в слоях атмосферы детали орбитальных модулей, – разложил все аккуратно на нагретом песке просохнуть и так, голый по пояс и счастливый, взмокший от пережитого напряжения, подтянув штаны и пояс, собрав по длине стропы косицей, затолкал как попало все хозяйство в отдельный чехол и огляделся еще раз. Он улыбался. Если бы не груз, он бы даже сумел устоять на ногах.

Пахло здесь просто удивительно хорошо.

Пахло хвойным лесом. Далекое гуканье чего-то монотонного, хищно-неторопливого и, вероятно, с крыльями перемежалось беспечным треньканьем птичек. Стена соснового леса нависала над неподвижной озерной водой. Сразу за отмелью голубели мелкие цветочки и зеленели на тесных лужайках посыпанные яркими ягодами листья, воздух гудел. Мимо куда-то сорвался, зигзагами понесся сам себя напугавший полосатый комар. Мух еще не было, но угадывалось присутствие шмелей. Множество тяжелых откормленных шмелей, гудящими неспешными геликоптерами перемещавшихся от цветка к цветку в обществе изнывавших от безделья, слонявшихся по полянкам без определенной цели носорогатых жучков и мотыльков.

Над головой было утро лета, под ногами лежала заповедная живая земля. И лес, сказал Гонгора. И вода – в полнеба. Огня, по всей видимости, все это не знало. Настроение гуляло по макушкам далеких хребтов, оно никак не хотело успокоиться. Он бы сплясал, широко раскинув в стороны руки, на костях мира и его бесполезных ценностях, было странное предчувствие и было немного не по себе. Словно ничего еще здесь, в этой жизни по-настоящему не происходило и что-то начнется сейчас, вот с этой минуты, с его приходом, славное или бестолковое, высокое или беспутное, случайное или давно ожидаемое, мимолетное, преходящее рано или поздно или же долгое, на эпохи, мало от него зависящее и тоже преходящее в конце концов. Выбор был сделан. Здесь пахло смолой и сумеречной лесной сыростью. Тишиной. Здесь все следовало видеть иначе. Было удивительно хорошо.

Было необыкновенно уютно еще и от мысли, что станет совсем хорошо, когда начнет трещать сухими сучьями костер и забулькает в котелке вода для утреннего чая, такое дело надо отметить. Следов огня не будет, сказал он лесу, настороженно притихшему. После меня не остается следов. К лесу с детства испытывалась большая приязнь, и поступать иначе он не умел. Все-таки мне удалось вырваться, подумал он. Задрав голову, Гонгора окинул взглядом макушки скал высоко над лесом. Дальше за ними пара снежных вершин, как бы совсем близких, подчеркивали небесную синеву утра. Заповедник теней радовал глаз.

Расшнуровав, он выгреб из контейнера плотно упакованный новенький рюкзак из прочного легкого авизента, из рюкзака достал цветастый мягкий мешок с туго спелёнатым спальником, чтобы было на чем сидеть, это было главное. Чехол спального мешка выглядел до предела поношенным, сам застиранный спальник смотрелся не лучше, его самодельные стеганные авизентовые недра были аккуратно и со знанием дела выложены густой теплой собачьей шерстью, чесаной с кавказской овчарки не один сезон, прострочены и перехвачены в местах стыков шел-

ковой нитью: он неоднократно уже проходил испытания в неблагоприятных условиях горного климата, давал при случае возможность спать под открытым небом, не сырел, не сбивался, легко перестраивался при большой необходимости системой лямок и зажимов в еще один вместительный рюкзак и вообще служил предметом гордости. Подтащив ближе к рюкзаку валявшуюся неподалеку сухую разлапистую ветвь и расположившись, Гонгора достал с бедра нож, извлек на свет чуть подкопченный на дне алюминиевый котелок, кружку с деревянной ложкой, банку рисовой каши без мяса, банку отличной голландской тушенки, сгущенку, бумажный пакет сухариков, полиэтиленовый пакет шоколадных конфет, распечатав, положил одну в рот, ухватил удобнее в руке нож и, не теряя времени, принялся за работу.

Все же это особый случай в практике нашей стаи, подумал он. Все-таки я вырвался.

Не покидало смутное, не очень внятное неприятное ощущение.

На картине любимого живописца по-прежнему имели место и пиршество красок, и законченность общей композиции, не до конца осознанное еще неудовольствие вызывал лишь небольшой дискомфорт. Некий элемент несуразности. Несуразность вкралась на цыпочках, как напоминание, как взгляд другого мира, совсем неслышно, тихо, возможно, она была здесь всегда. словно что-то легкой соринкой начинало беспокоить глаз, и всё как будто оставалось прежним, всё сохраняло статику полубессознательной поступи, но чего-то вроде бы уже не хватало. словно злая усмешка жестокого художника оставила натюрморт без имени и без тени сиротливо жаться к свету там, где тень, конечно, необходима; вот уже здесь тень смотрела в совсем ненужную ей сторону, и то, что трепетно воспринималось как полный мягкого изящества наклон беззащитной девичьей шейки на неувядающем фоне вечера, в действительности оказывалось крупным профилем безгубого рта восьмидесятилетней старухи. Сознание еще задумчиво топталось на краю покоя, но спина давно уже тихо ныла, словно чувствуя забытую не запертую дверь.

Гонгора поплевал на кончики пальцев, вернул свой острый блистающий светом кукри на бедро, бросил взгляд вверх, желая по верхушкам деревьев определить изменение ветра, снял, осторожно подцепив на сучок, закипевший котелок и прислушался. Птицы молчали.

Ветра не было вовсе.

Полускрытый во влажной тени высокой травы, за пустой каменистой отмелью под прикрытием леса уже неопределенное время неслышно присутствовал – пушистый серебристый хвост в землю – сильный лохматый зверь, седой кербер, могучий и угрюмый, с потемневой

пепельной шкурой, развитой грудью, плотно сомкнутыми губами, сосредоточенной угольно-черной мордой и налипшими к пушистой хищной щеке опилками. Холодно уставившись сквозь листву мертвенно горящими зелеными зрачками, он наблюдал берег и на нем еле дышащий костер. Широко расставленные мощные с тяжелой поступью лапы, заросшие до локтя курчавой жесткой шерстью, прошедшие испытания не на одной горной тропе, выдавали спокойное ожидание и, по всему, всегда были готовы к эффективной атаке. Зверь чем-то напоминал полутемный профиль танка на отдыхе. Наверное, скучающим спокойствием и знанием того, что если задача имеет решение, то тогда беспокоиться не о чем.

Он не отреагировал никак, наблюдая за сидевшей у огня полуголой фигурой, когда, вынырнув из зарослей папоротника, на голых камнях озерного берега показались две другие в подпоясанных походных комбинезонах грязно-болотного цвета.

Один, тот, что пониже и постарше, сухощавый, весьма, чувствовалось, выносливый еще и подвижный мужчина, привычный к законам леса и любым его поворотам, обладатель обветренного лица, чуть скуластых заросших редкой щетиной коричневых щек и повадок вынужденно тренированного человека, вышагивал, держась самой воды, звучно гремя прибрежной галькой, не поднимая лица; он собирал морщинки в уголках глумливых глаз и особенно не спешил.

За ним, поотстав, шагал, размахивая свободной рукой, интеллигентного вида парень, мрачный и взмокший, с мужественной свежей бородкой, старательно подправленной на манер скандинавских морских волков, – не хватало только потертой курительной трубки в зубах. На прямом носу сидели какие-то особенно тонкие дорогие благородные очки явно не местного производства в металлической оправе и которые сидели, видимо, там у него на переносице не так, чтобы очень охотно, так что время от времени он с размаху хватал их большим и указательным пальцами за грань прямоугольной линзы и возвращал на место. Этот выглядел гораздо менее свежим и гораздо более встрепанным, от него разве только дым не валил. Глядел парень большей частью куда-то за озеро.

– А чего на этой стороне? – спросил, поглядывая по сторонам, пожилой мужчина.

Шагов за десять еще стало слышно, как его настигает, надрывается тоненьким голоском и плещет железками некий блюзовый мотив. Фон был каким-то неуместным. Он ступал в его ареоле, как Сальвадор Дали у врат своих снов.

– А чего не там?

Мужчина шел, выбирая дорогу в обход вылезшей наполовину из камней и песка коряги, его спутник откровенно отплевывался, расстегиваясь и дыша, как загнанная лошадь. Гонгора сидел, обернувшись, морщась на сносимый к нему дымок от костра.

– Я же говорю, не мытьем, так зачесом, – сказал пожилой мужчина, бросив взгляд на перекошенный чехол авиаконтейнера, покоящегося на траве вдали от огня. – Зачесал их как – верблюдом?

– О да, – ответил Гонгора. – Насмерть.

– Вот кровопийца. И какой чесун сказал бы «нет»?

– Старый, – ответил вместо Гонгоры сильно небритый парень еще издали. – Старый.

– Твое бы упрямство и на мирные цели. Мы по дыму увидели.

С большим удовольствием глядя на деда, улыбаясь в ответ, Гонгора крепко стиснул, вернее, попытался крепко стиснуть сухую тяжелую каменную ладонь. Его всегда удивляло, как местные ковбои коренного населения, делавшие все голыми руками, умудрялись еще со вкусом щипать струны гитары и при этом ничего не ломать. Напарник еще на подходе покачал в воздухе рукой и прочел наставительно одну из своих ценных выдержек. Он не мог без этого.

– Это верный знак в начале всех дорог: распятый по ошибке Дьявол и пустой мешок. – Парень показал большим пальцем на деревья у себя за спиной. – Видел там в сосняке – крест?

Гонгора ответил ему сразу. Он тоже сидел здесь не зря.

– И я вижу степень моих побед: в полнеба лес и сгоревший мост. Что-то рано вы. А бан- дит где?

– Да чего там, думаю, заповедник же, – сказал дед. – Надо идти и забирать рюкзаки оттуда к чертовой матери. Пока не съели.

– Ну, и как успехи? – спросил парень, сжимая ладонь Гонгоры и пристально всматриваясь ему в глаза, словно видя за ними базальтовые обломки, за которыми скрывался превосходящий числом противник. Это тоже была его привычка.

– Хороший пилот.

Парень кивнул.

– Так про что я тебе и говорю.

– УЛИ-ИСС!.. – заорал неожиданно дед так, что у обоих заложило в ухе. – Тебя все уже видели, беги к хозяину!

После некоторой задержки совсем рядом – из-за кустов за спиной и совсем не оттуда, куда глядел дед – скучая выбралась, махнув пару раз для вежливости пушистым хвостом, здо- ровенная матерая особь кавказской овчарки, чересчур крупных размеров даже для этих зве- ровидных созданий. Серый Зверь остановился, мощно встряхнулся, гремя железом зубастых ошейников, разъезжаясь лапами в стороны, и неторопливо направился, раскачивая загривок, к людям.

– Не слушает ни Черта, – сообщил Гонгоре дед. – Помнит, но ни Черта не слушает.

Какое-то время все с одинаковым выражением смотрели на зверя, потом начали гово- рить о погоде. Присаживаясь ближе к воде и полоща руки, дед вспомнил все распотрошенные «Лисенком» соломенные плетеные циновки у себя дома, в сторожке лесника, затем названия книг из своей по-настоящему роскошной библиотеки, до которых тот тоже успел добраться и до которой добраться давно мечтал Гонгора. Дед при этом наводил справки и давал ценные рекомендации. Болтун дед был тоже хороший. Подумав, решили небольшой привал сделать здесь.

Улисс, приветственно задев Гонгору тяжелым мохнатым боком и одарив его взглядом темных, уже без зеленого флюоресцирования, глаз, уселся было по старой привычке у ноги Гонгоры слева, обойдя кругом, но, посидев, послушав сетования деда, поднялся и со скучаю- щим видом удалился к ближайшим кустам, в тень. Лицо Гонгоры вытянулось.

– Как же это, Улисс, – поджав губы, с преувеличенной потерянностью произнес Гонгора рассевавшемуся в тени псу, вывалившему устало большущий красный язык меж клыков и раз- меренно болтавшему им в такт дыханию. – Что я слышу?

Улисс нехотя шевельнул остатком уха, нехотя убрал язык, сомкнул страшные челюсти и так затих, словно бы обеспокоившись мыслью, что же это, в самом деле. Полузакрытые злые глазки его при этом продолжали внимательно следить за Гонгорой.

Встряхнувшись, внезапно озаботившись, Гонгора принял соответствующее моменту выражение лица. Предупредительно подавшись вперед корпусом, он гостеприимным жестом умыл руки, отвел по-хозяйски ладонь в направлении огня и, всматриваясь в размягченные утренним солнечным светом лица, пригласительно произнес: «Прошу к столу?..»

– Я чего хотел спросить, – сказал дед, располагаясь у огня на спальнике Гонгоры, когда напарник направился к озеру мыть руки. – Все забываю. Я имя его хотел спросить. Как-то неловко, все время из головы вылетает, я уже два раза спрашивал.

– Просто – Штиис, – ответил Гонгора, наблюдая, как дед освобождает от промаслен- ной бумаги в клеточку ломоть отварного мяса, расшнуровав, вынимает из холщового мешочка пару жестяных кружек, ложки, дикий лук, конфеты, аккуратно разливает по всем кружкам из котелка кипятка и погружает в них на ниточках крохотные белоснежные пакетики из чай- ной пачки Гонгоры. – Зовите его так. Кажется, он это любит.

Дед кивнул.

– Эстонец, что ли? Или немец? Дятел он хороший, еще настырнее даже, чем я, насмерть заговорит. Что же это, говорю, симпатичный ты наш, с таким маникюром за грибами собрался? Что же это вы меня, говорит, обижаете, я, говорит, через год заявку на Эверест подаю, а вы меня обижаете. Обиделся, понимаешь? Он что – музыкант? – спросил дед, глядя, как Лис с крайне рассеянным видом, стараясь ни с кем не встречаться глазами, пристраивается возле развороченной банки голландской тушенки.

– Конечно, – кивнул Гонгора. – В сравнении с вами все музыканты. – Он смотрел, словно вспоминая, что искал. – Он гитарист и скрипач. Хороший скрипач. Не обращайтесь внимания. Он уже третий год всем про Эверест рассказывает. Это не так просто сделать.

– А он что же?.. – Дед показал глазами на небо.

– А он никогда не прыгал, – ответил Гонгора, помолчав. Он неожиданно представил себе, как бы все это могло выглядеть. Он покачал головой.

Дед цыкнул зубом, что-то там доставая.

– Проблем-то, проблем... Найти, за что дернуть. – Он шлепнул Гонгору ладонью по колену. – Крутите вы что-то, племяши, вола вертите. Его-то как сюда пустили? С такими-то персями? Ну, это ладно, ты, стало быть, там, по воздуху, а он – как все нормальные люди, пешком?

– Не знаю, – ответил Гонгора. Он все никак не мог решить, чего ему не хватало, и слушал вполуха. То есть вообще не слушал. – Дались вам его перси. Он, между прочим, и в шахматах молодец, и на задницу при случае может посадить. Если хорошо попросить.

– На чью задницу? – не понял дед.

– Ладно, – сказал Гонгора. – У него везде связи. Он все время мне об этом повторяет.

– Это здесь, что ли? – недоверчиво улыбаясь, спросил дед.

– Ну, может, у господ бога. Достаньте вон там конфеты. Хлеб не забыли?

Штиис на корточках сидел неподалеку на чистеньком песчаном пляжике, по локоть закатав рукава штормовки, шарил в прозрачной голубоватой водиче пальцами, к чему-то прислушивался, погружался обеими ладонями на дно, к округлым блестящим камушкам и рассеянно озирался по сторонам со взором задумчивым и оценивающим. Лис делал вид, что спит, хотя стук посуды не давал ему расслабиться по-настоящему.

Согнав деда со своего спальника и сунув ему для сидения пакет с палаткой, Гонгора согнулся над расшнурованным рюкзаком.

– Опять к роси, – произнес дед непонятно, пожевав губами. Он смотрел на заваленную камнями косу у воды с согбенным над ней Штиисом и не видел его.

– Опять.

– А он что же?

– И он.

Дед положил в рот большую шоколадную конфету, жуя, подсыпал себе в чай еще сухих сливок и принялся медленно размешивать.

– Он чего, заснул там, что ли?

В деревьях, сорвавшись, хлопнула крыльями птица.

– Большая часть расходов на его горбу, – подал голос Гонгора, оставляя кружку в траве. – И вообще мне бы без него не найти пилота.

Дед положил в рот новую конфету и пригубил.

– Суровый все-таки мужчина, – с одобрением пробормотал он, глядя поверх своей кружки.

Рядом возник отлучившийся куда-то было Улисс. Кося глазом на Гонгору, опасливо потянул носом в направлении нарезанного ломтя мяса и неспешно расположил свой корпус рядом. Гонгора запустил пальцы в густую теплую шерсть и подумал, что сезон длинных ночей – это все-таки безобразно много времени, когда можно все забыть, просто забыть про все, выбросить

из головы, отпустить тормоза и перестать сдерживаться все время, перестать чувствовать, как подминают под себя, делают собой, изменяют, вместо того чтобы изменяться, а ты киваешь, ты как бы соглашаешься, надеясь в глубине души, что тут самый хитрый, что тебя это не касается. Когда можно, просто лежа под звездным небом, совсем не вспоминать о времени и преодолевать пороги пространства, что вокруг, парсеки пространства – просто потягивая пахнущий дымом и листьями смородины чай, снять с руки часы и забыть, хотя с другой стороны, где же их еще надевать, впервые за столько дней надел. И еще уставать, и смывать животную усталость ледяной водой горного ручья, и обонять, медитировать до потери самоконтроля, всякой связи с реальностью, в горах отчего-то медитируется так, будто ты еще не родился, а весь мир уже умер, – поутру выползая из спального мешка на свежий лесной холод и проваливаясь в нирвану, снова обоняя благоухания изнемогших целебными соками диких нетоптанных трав, постоянно чувствуя спиной оставленную не запертой дверь и тяжелое, нечеловеческое, древнее внимание огромного дикого леса в ней... И вот только тогда – тогда можно уже не замечать крадущихся шагов ночи. Тени, все ближе подбирающейся к длинному рвущемуся огоньку, но время ее будет недолгим – коротки еще ночи, – и, хорошо зная это, она будет молча стоять рядом, стоять над душой, не давая спать, тихо переливаться россыпью звездных морей, и это хорошо, так правильно, потому что на многие километры и километры вокруг не найти ни одного лицедея в дорогом костюме и нумизмата с широким затылком. Они рождаются в бетонных коробках, говорит дед. Жить и умирать они тоже предпочитают в бетонных коробках, время вне их – лишь переход от одной коробки в другую, словно в этом их предназначение. И по всему, так оно и есть.

– Люди, – очень серьезно сказал подошедший Штиис, снимая очки и пальцами сбивая с подбородка капли воды. Говорил он, размышляя сейчас о чем-то своем, насущном. – Показалось, может... Вот на той скале, по-моему, кто-то есть.

Работающий челюстями дед, ухватив было, снова вернул горячую кружку в траву и всмотрелся в ближайший утес, куда показывали. Утес по крайней мере наполовину скрывался за коричнево-рыжими искривленными стволами деревьев. Деревья цеплялись за растрескавшиеся отвесные склоны и не падали. Страшно было подумать зависнуть там без страховки.

– Ну, это, брат, тебе в самом деле показалось, – убежденно сказал дед, единым взглядом окинув нависшие над головой камни и нахмурившись. – Никого тут быть не может.

Штиис, прочтя надпись на картинке, аккуратно развернул конфету.

– А правда, что здесь чужаков не любят? – спросил он, откусывая шоколадный кончик и передвигая по песку кружку. Он зачарованно следил за тем, как опаленные доисторическим огнем борта кружки все глубже, подобно ножу бульдозера, зарываются в завалы зернистого крошева.

Чуть пригубив и решив не торопиться, дед выбрал еще шоколадку.

– А где их любят, – пробормотал он. – Чужаки разные бывают. Коммерсантов вот не любят, верно – просто на дух не выносят. Археологов, эти все норуют последние могильники расколотить, себе взять – с целью, значит, чтобы там на все это могло полюбоваться человечество, не спится им, понимаешь, пока есть еще хоть где-нибудь не тронутые могильники. Приезжают, копаются в пещерах как у себя в огороде, достают палец человека. Человек оказывается доисторический. Тогда что они делают: называют пещеру своим именем, а доисторического предка местных называют именем пещеры. Как выясняется, новый вид разумных. Все аплодируют. В мире шум. То, что у той самой пещеры тысячу лет уже свое имя и имя то коренного населения – ни слова. Потому что дано неприоритетным населением.

– Да, – кивнул Штиис, – слышали. Хомо Аю-Ташиус. Так это должно быть. Человек из Камня Медведя. Но ходили слухи, кто-то из научного центра за границей предлагал объявить бойкот навязанным коренному населению приоритетам.

Дед вздохнул.

– Спрашивается, как к ним нужно относиться. Очень хороший вопрос, на мешок еды. Лавочников не любят очень, новиков, до помутнения рассудка – да они и не суются сюда особенно, чухари, чухарь он и есть чухарь. Попоносов, если не босый и без ножа, моджахедов-гопников, своих хватает, местами алаяров еще опасаются стригунов. На прошлой неделе вот только нашел за Большим ручьем кабаргу без пупков, двадцать четыре штуки, подгнившие уже. Тоже откуда, спрашивается?

– А волк, – подал голос Штиис. – Волк что же – не тронул?

– Ну вот, – сказал Гонгора. – Теперь вы на конфеты сели. Коробка конфет.

Дед поспешно вернул свой лоснящийся брезентовый зад на прежнее место и с тревогой заглянул в недра расстегнутого желто-голубого авизентового мешка. Ни Черта там, похоже, было толком не видеть.

– Ах, мать. Ничего как будто, предупреждать надо в таких случаях, – добавил он строго. – Так вот. Слушай, нет чего помягче? Сидеть же невозможно.

– Не капризничайте, – ответил Гонгора. – Кому-то надо преодолевать трудности.

– Но к интеллигенции спокойны, хорошо относятся к интеллигенции, и обсушить, если надо, и напоить до поросычьего визга, сам видел. Студентов тоже вроде не трогают, лишь бы не был коммерсантом. Здесь это первый вопрос: что везешь?

Дед поднял глаза на Штииса, задумчиво помешивающего ложечкой, ткнул в него испачканным в земле коричневым пальцем и вознес кружку на уровень глаз.

– И не моргнув глазом должно отвечать тебе: турист я, дяденьки, студент-скалолаз, вырвался на каникулы свежим воздухом подышать да на большие горы посмотреть – мешок сухарей да коробка спичек в рюкзаке моем, чего ж еще везти мне? Посмеются тогда дяденьки, пошутят и отпустят с миром.

Гонгора, стряхивая дремоту, заворочался, устраиваясь на спальнике удобнее. Лис рядом с безразличным видом наблюдал за полыхавшими ветвями.

Штиис спросил:

– Я что – похож на студента?

Дед приложился к кружке, качнул подбородком, ошутимо удивляясь качеству напитка.

– Это, конечно, если тебе повезет, и ты не нарвешься на трезвых дягов. Вот тогда будет полный сердечный «Хэллоу».

Дед снова пригубил, бережно пристроил кружку у костра, ухватил с салфетки мясной розовый кус побольше, переложил его парой ломтиков ржаного хлеба и мощно откусил.

– Есть тут у них свои апачи, – произнес он не очень внятно.

Помолчали. Помолчав, отдались трапезе, и некоторое время все были так заняты, что едва не прозевали ключевой момент с переходом Улисса к решительным действиям, у которого уже иссякло терпение смотреть и которому надоело, что вокруг его банки тушенки собра-

лась масса встречающих. В общем-то, это было еще далеко не его время, но это не мешало ему с крайне неприязненным выражением следить за метаморфозами расходного материала. Насилу усадили. Уложив его по другую руку, Гонгора принялся рассказывать какой-то душещипательный исторический анекдот про анамнез, в котором понимал не больше Улисса, и время, которое преобразуемое в энергию, и у какового он помнил только начало, а суть соблазнился было по привычке заменить поучительными деталями, но вскоре потерял нить, что-то там присовокупил не оттуда, вывел такую неожиданную концовку, что даже у самого отнялись ноги, Штиис, приготовившись было послушать, соскучился, пролил на себя чай, и на какое-то время всем стало не до застолья; у зверей свое, нечеловеческое представление о счастье, утверждал дед. Пока живы, по большей части много счастливее людей – это в любом случае. Догнал, скажем к примеру, барс кошулю – счастлив своей силой и одиночеством счастлив и горд. Перехитрила кошуля барса – и тоже в прекрасном самочувствии. Всем, словом, хорошо и все счастливы. Огорчен барс? О, поверьте, это не надолго. Вы это что же хотите, всех под закон джунглей? – зло обронил Штиис, растирая штаны платком. Ты притчу понимать умеешь, спрашивал дед, нет, ты ответь как на духу, чтобы скакать барсом, у человека мозгов слишком мало, или, точнее, слишком много. А кошулей? – спросил Гонгора. А тут вообще мозгов не надо, снова встрял Штиис. Тут нужно особое строение задних резцов. Вся соль в том, что остаются жить только счастливые, гнул свое дед. Вот возьмем к примеру, сказал Штиис, стройненького, без капли жиру и лишней складочки лесного кабанчика, организм которого даже понятия не имеет, что такое представляет собой лекарства, и домашнюю свинью... И взять, к примеру, сказал дед, ваших городских баб. Каких баб, спросил Штиис. Тут все холостяки. Улисс так вообще, по-моему, девственник. Вот я про это и рассказываю, сообщил дед. В общем, так, сейчас всё, закругляемся. Нельзя здесь задерживаться, фон великоват... Да ты пей, пей, здоровее будешь, успокоил он Штииса, совсем протянувшего уже было губы трубочкой к обжигающему краю кружки, но едва не облившегося при последнем замечании снова. Пей, говорю, повторил дед, жуя и усмехаясь, тут не водопроводная вода, можно пить, стоять только здесь долго нельзя, говорят. Штиис, не меняя угла наклона головы, повернул ее к деду, определяя, шутит ли, потом к растянувшемуся на спальнике Гонгоре – Гонгора подпирал кулаками щеки и играл с торчавшей у носа травинкой, щурясь на ее острый кончик как сквозь прорезь прицела.

Вконец ослотившего Улисса совсем развезло, он протянул свои загребушие ступалища еще дальше вперед и, не просыпаясь, мягко и грузно опрокинулся на бок.

Звери пьют и птицы пьют, сказал дед, и ничего. Хорошая вода, не пугайся.

Люди пьют, пробормотал Штиис, нелюдьи зовут. Откуда вы знаете, может, тут у вас диплодоки водятся в озере. А мы тут чай пьем.

Не водятся, сказал дед. Тут не водятся. Я бы знал.

Там вообще ничего не водится, заметил Штиис.

Так о чем и разговор, ответил дед.

Я слушаю и потихоньку фигею, честно признался Гонгора.

Здесь напрашивается одно естественное объяснение: если тут ничего нет, то кто-то же все это съел?

С ума сойти, сказал Гонгора. Если в озере нет диплодока, то значит это кому-то же нужно.

Говорят, это вулкан раньше был. Здесь гранитный разлом. Трещина в магматической породе, страшно глубокая и пустая, как цистерна.

Я еще как подошли, сразу подумал, что мне тут как-то не по себе. Знаешь второй закон взаимоподвижных плоскостей? – спросил Штиис у Гонгоры. Гонгора, прикончив остатки мяса и допив чай, перевернулся, протягивая руку, подтащил к себе рюкзак ближе и принялся изучать состояние верхнего «бардачка». Нет, покачал он головой. Не помню. Ищущий приключения на свою задницу всегда их найдет. Фундаментальнее слышал когда-нибудь?

Гениально, согласился Гонгора. Это не про нас. А первый?
Там неприлично, застеснялся Штиис. Про геморрой.

Внимание, произнес Гонгора сухим казарменным тоном, аптечка первой помощи пострадавшим при укусе диплодока. Просьба не скапливаться.

Кстати, подал голос дед, допивая, выплескивая остатки в костер и ставя кружку в траву, у вас из аптечки с собой есть что-нибудь? Серьезно?

Диплодоки не кусаются, сказал Штиис. Я бы знал.

Остряк, похвалил дед. Откуда ты это мог бы знать?

Длительное пребывание на свежем воздухе обостряет чувство юмора, ответил Штиис.

Десять минут на сборы, сказал дед. То есть пятнадцать минут на сборы. Готовьте, в общем, рюкзаки, я пойду своего мерина собирать.

А я готов, произнес Штиис, делая большие глаза. Полон чистой юношеской энергии и скромного мужества. Сохранивший здесь беспечность и ироничность...

С обостренным чувством юмора, сказал Гонгора, не поднимая головы.

Некоторое время Штиис, не мигая, смотрел на него без всякого сочувствия, дергая на груди скрепки «молний» и заправляясь. Потом до него дошло.

Да, объявил он потом, да, в таком вот виде. Мне так хочется. Ты ничего не понимаешь. Есть в этом что-то такое, реликтовое, чуточку интимное и, вместе с тем, глубоко устойчивое, как тень придорожной гермы...

Предупреждаю, предупредил Гонгора, требовательно всматриваясь в небритые скабрзные лица, от которых пряталось утреннее солнце и глядя на которые брало тихое отчаяние. Шоколадок здесь больше нет, нет здесь больше шоколадок. Не надо тут копать.

Он похлопал рукой по упругому брюшку холщового мешочка.

А что там есть? – спросил Штиис.

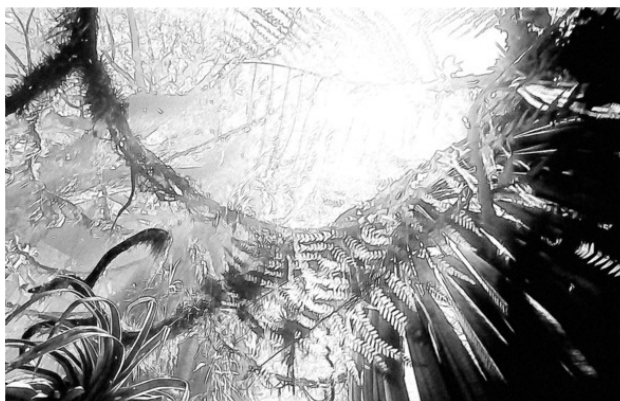
Чай, кажется. Гонгора подумал. Кашка. Суп есть.

Как управитесь, сказал дед, мой мешок не забудьте. На первое время должно хватить, если, то есть, еще с рыбкой, сурками, то, сё...

В самом деле, пора отсюда смываться.

Рыбка, с сомнением произнес Штиис. Здесь рыбка, что ли, бывает?

Отряхивая штанины ладонями, дед поднялся и ушел по берегу к деревьям, где из кустов время от времени возникала лошадиная гнедая жующая морда с темным чубчиком, опасно стрельвавшая глазом во все стороны. Гонгора достал пару пакетиков, наглухо запааянных в полиэтилен, бросил один Штиису, второй опустил в задний карман своих донельзя выцветших летних штанов, извлек на свет из другого набедренного кармана сложенный вчетверо клеенчатый листок и углубился в изучение. Пакетик предназначался к вскрытию в экстренном случае и содержал помимо пары таблеток марганцовки, коробки лакированных спичек, двух бенгальских спичек, иголки с шелковой нитью и капсулы с антибиотиком три пары кубиков пищевого концентрата, предполагалось, что на неделю голодного существования без снижения работоспособности этого должно было хватить. Ерунда, конечно, но однажды такая предусмотрительность Гонгору здорово выручила, и с тех пор без этого он в горы не уходил. Он затаил тесемки на контейнере и поднял глаза к глыбам скального навеса, где синело небо и висели щетки одиноких елок. Его Лунная Тропа всегда начиналась ранним, летним, пронзительно свежим утром.

Аккуратно собрав не догоревшие угли и побросав остальной мусор в костер, Штиис, принеся воды, залил пепелище и укрыл ранее вынутыми здесь же полосами сырого дерна. Ему, быстро и ловко, помогал Гонгора, с той же тщательностью уничтожая все следы человеческого присутствия.

Лис, мучительно отзевавшись, преодолел себя, поднялся, шумно встряхнулся и решительным шагом отправился вслед за дедом. Взгромоздив контейнер на плечо, Гонгора посмотрел вверх, где не было ничего, кроме отвесных стен, и пошел за Штиисом к деду. Весь заплечный балласт должны были сюда доставить Штиис с дедом, Гонгора, как всегда, предпочел перестраховаться и взял кое-что с собой. Дальше, в диких предгорьях Огамы брала начало западная и самая глухая оконечность Больших озер, по меньшей мере два из которых, холодных, высокогорных и мало приспособленных к пешим экскурсиям, предстояло пройти пешком. Здесь, как и раньше, в силу естественных особенностей местного ландшафта единственным полезным транспортом оставались лодка и вертолет, солярка и бензин стоили тут сумасшедших денег. У Гонгоры с собой было только самое необходимое – в самом наиоблегченном варианте. У Штииса тоже было только самое необходимое плюс основной запас продуктов. Гонгора разгрузил рюкзак деда, уравнивал рюкзак свой и Штииса и прикинул, на сколько всего этого могло хватить. На первое время хватит, решил он. С рыбкой и сурками. Он, удивляясь тишине и природному покою, еще раз бросил взгляд вокруг и вверх, на застрявший в синеве небес дырявый ломоть прозрачной больной луны, прижал мягким колечком рукоять ножа на поясе и щелчком сбил с плеча согнувшегося рядом Штииса крошку клеща, целенаправленно лезшего к воротнику. Штиис поинтересовался, втискиваясь в широкие плотно подбитые толстенными поролоновыми прокладками лямки рюкзака, поправляя подвязки и настраивая все зажимчики:

– А интересно, место это как-нибудь называется?

– Называется, – откликнулся дед эхом. – Кют Яип. По крайней мере, язычники зовут это так.

Штиис попытался сделать глубокий вдох, тяжело попрыгал, проверяя, достаточно ли хорошо рюкзак сидит, одобрительно похлопал ладонью по мускулистому гнедому крупу мерина, с хрустом щиплющего травку, периодически дергая мохнатыми длинными ушами, и стал помогать деду закреплять у седла контейнер.

– А это как-нибудь переводится?

Дед словно не слышал. Дед, возясь с подпругой, вознес осоловело брови на новую высоту, помедлил и ответил:

– Что-то вроде того, что «тихое, пустое место, где можно, расстелив задницу на мягких лезвиях травы, наблюдать закат солнца, вспоминая свежую тропу луны».

Штиис посмотрел на Гонгору, который с отекившим лицом проверял крепления у пояса на своем рюкзаке.

– Как, – тихо изумился он, – именно так и называется?

– Значит так, – озабоченно сказал дед, упираясь коленкой в старый заезженный ремень под необъятным животом мерина. – Рекомендации такие. Сейчас по берегу и до конца, до лысой скалы, там еще такие большие камни будут с левой руки, не ошибетесь, увидите, если не унесли. Потом возьмете чуть севернее, за болотце, под горелый моховушник. Кончатся сосны – еще севернее будет холмик такой крутой с урочищем, под темный камушек, горка – горка на горке в общем, пройдете все, выйдете на лужок, там хамлит будет, выселки, старики холерой называют, Клопий Мед, или не выселки даже, ни хрена там нет уже, зовется так просто, надо же как-то звать. Если дорогу не знаете, не спрашивайте и не показывайте пальцем. Ничего не снимайте, нигде не засиживайтесь, что дают – пейте, не разглядывая, сильно обидите, что просят, лучше подарить, отдадите в подарок футболку – сделаете людям приятное, большой сувенир, денег никогда не предлагайте и ни в коем случае не торгуйтесь, сделаете себе врагов, большое кошунство, увидите на деревьях что-то висит – руками не трогайте, ни с кем не спорьте, ни у кого в долг не берите, без последнего останетесь, поменьше вообще болтайте, поменьше слушайте, кто что вам тут начнет рассказывать, пьете чай – обязательно пригласите, кружку наливайте только до половины, не больше, можете оскорбить, и не надо кричать с каждой сосны, что без оружия, здоровее будете, а в разговоре, как бы к слову, лучше упомяните калибр побольше, это – хорошо, народ это любит, но в разумных пределах, конечно. И никогда не говорите название полностью, как в карте, – говорите сокращая, только чужак станет говорить название полностью, у язычников это всегда зовется по-другому. И еще. Злые духи – запретная тема. Говорите о погоде. В общем, ковбои, ушами не хлопайте – разденут, оциплуют и выпотрошат, искать никто не будет, даже не дернутся. За выселками будет гиблое место, старая гарь. Так вам надобно его, понятно, обогнуть, через день-два выйдете, дадут боги, к ущелью. Гнилое урочище дальше. Вопросы есть? Вопросов нет...

– Ничего себе, – неприятно удивился Штиис. – Так хорошо все было... А нельзя нам ущелье это... тоже обогнуть? И что это за гиблое место? Мы вообще куда идем?

Вот, подумал Гонгора. Сейчас получишь. И с боку, и снизу. Дед поддел контейнер, желая ощутить вес ладонью, попробовал покачать, стряхнул себе на ноги еловые иголки и спрятал под ремешок торчавшую тесемку крепления.

– Расскажу, – с готовностью согласился дед. – Зачем не рассказать. Вам в первую очередь надо рассказать. Есть проклятое поселение, говорю вам, и там нечего делать ни с разведкой, ни без. Проклятье на том поселении, – пояснил дед со значением. Он смотрел, словно вспоминая, что хотел сказать.

Он оставил возню с контейнером, на секунду замер и вдруг со всего маху опустил пятерню на крутой лошадиный круп, что-то там аккуратно смахивая пальцами и снова берясь за подпругу. Гнедой дородный мерин дернулся, снимая диким глазом окружающую обстановку, вскидывая мордой и не прекращая жевать, но, не найдя в ней ничего криминального и достойного внимания, снова вернулся к траве. Дед совсем помрачнел.

– Село там одно, так оно, есть такая информация, вымирает. Обычное дело. Вымерло уж, должно быть, как раз по пути получится, за выселками, и не за выселками даже, какие там выселки с одной охотничьей избой, никого там уже не ждут, смотреть там тоже ничего не нужно, нечего там смотреть, а нужно, значит, держаться от тех мест как можно дальше, нехорошие эти места, босые. Их так и зовут: Босые, значит, места. Босьяк, рассказывают, какой-то – не то монах на Тропе, не то еще кто-то, – в общем, бежал кто-то к лесу из лесу, не добежал, споткнулся на околице, сел и сидит. Бабка мимо шла, он и спрашивает ее, бабу, ответь, старая, какая вот самая голубая мечта у местного населения. Ну, старая возьми сдуру и ляпни, в смысле, обрыдло все, охренело до невозможности, жизни нет, престо словами не рассказать, как все охренело, но народ тут терпеливый, молодец народ, веры в чудо не теряет. Только какое чудо бабка имела в виду, уточнить забыла. И все. Как подменили тихую деревеньку. Невозможно там стало жить, как проклятье какое-то. То вода у всех в чайниках по весне на огне мерз-

нет – то есть, как знающие люди объясняли, выходило так, что чтобы огонь грел, горел и не гас, окружавшее пространство то и дело норовило забрать столько тепла, что то, что сверху, просто на ходу мерзло, – то вдруг бани неделями не простывают. Раз, понятно, натопят, хорошо натопят – и моются неделями. Чего только, говорят, с ними не делали, с банями: и сквозняк устроят, и печь вынесут, и гуся зарежут – нет, не стынет баня, не стынет и без воды потеет. Народ уж засомневался было, не конец ли света, но нет, кесарь всех собрал, успокоил, объяснил населению в доступной форме, что такое флюктуации поля, народ погудел, почесался и начал потихоньку пользоваться, тем более что много ума тут было не нужно. Но какие-то сомнения тогда оставались весьма глубокие. Само собой возникло сомнение. И даже больше: мнение, что то сам Нечистый снимает пробу: проверяет, значит, достаточно ли народ в этих местах крепок в вере. Или вот, скажем, дрова.

Начинают рубить – а они не кончаются. То есть не то чтобы совсем, но если вот, скажем, с утра начать, то к ночи, случалось, управлялись. Значит, берет это мужик нормальную сосновую чурку, рубит. Рубит еще, пополам, глядит – половина сосновой дровни в руках, ну, треть – самое большее, причем никто не понимает, как это получается, какой-то дефект глаз. Ладно. Рубит он, в общем, дальше – никакого толку, половина двора у него уже завалено дровами, а он рубит, ругается, а рубит, поскольку не рубить никак нельзя, пахнуть они тогда начинают, если не рубить, совсем нехорошо, дышать, рассказывают, совершенно невозможно – так пахнут. Проходил мимо какой-то спелеолог – образованный, понятно, ум. Народ думал, он что-то умное скажет, вселит какую-то надежду. Тот постоял и говорит: мозг видит только то, к чему готов разум. Так прямо и сказал. Научно объяснил, значит. Его прямо пинками погнали оттуда и стали думать, как с этим жить дальше.

Но это бы еще туда-сюда, это бы ладно. Только малорубленные дровни смолой исходить начинают. И странной какой-то смолой, не сосновой; испаряется это она то есть на солнышке, пахнет – и становится тогда человек от нее дремотный, нехороший. Начинает он видеть будущее в натуре. И ладно бы там будущее соседа или там, скажем, соседки, нет: лицезреет он свое будущее. Без подробностей, а так, в общем, с философским подтекстом – и с нехорошим, надо сказать, подтекстом. На баб вот, говорят, не действует, ни хрена они там не видят, в будущем то есть, их, я так понимаю, спасает тут природное отсутствие всякого воображения, а вот мужику этого лучше бы и не видеть. Бросает он тогда это занятие, перестает рубить и молча идет собирать дрова, складывать штабелями. Народ, рассказывают, первый раз как присутствовал, так потом полдеревни по лесу собирали. Ну кто ж такое долго выдержит. Только толку от них, от дров, никакого, не горят они. Пробовали даже ими печи выкладывать, ничего, работают печи, рассыхаются, правда, быстро... Огнеупорные дрова. Но и это бы еще ладно, это бы еще туда-сюда. Может, и в самом деле спелеолог тот не такую уж кошунственную вещь сказал. Видим то, что видеть хотим, а чего не видим, того для разума нет. Но были еще тени и стаи каких-то молчащих попугаев, сам видел. Последствия глобальных изменений климата. Из теплых стран, говорят. Прилетят и молчат, мать их, да страшно так молчат, с под-

текстом – до жути... Ну ладно, я говорю, занесло тебя, со всяким случается, ошибся адресом, с магнитным полем перебои, бывает. Ну не молчи ты, скажи пару слов – нет, как воды в рот набрали. Ладно там одни попугаи. В погребках простокваша сама собой в сливки сгустилась – это уже после меня было, мне только сливки приносили, без простокваши, так что сам не видел. И вот ведь какое дело, как радио туда в тайгу провели, так народ сразу о смысле жизни задумался. Теперь только в таком русле. Что самое интересное: какой-то остряк называется Магистр-Дьяволом и делает обзор международной жизни. Рассказывает, значит, по приемнику как надо жить. И где такое случается, там всё – прекращает свое историческое развитие прошлое и настает оно, то самое будущее. Вот только никто там уже не живет. Не могут.

Ухватившись за мохнатую лошадиную ноздрю, дед одним движением вставил истертые железки коню в огромные желтые зубы, обернулся, прищурившись на солнце, и сказал:

– Провожу до ручья.

Гонгора, безотрадно почесывая неизвестно где уже покусанные крапивой руки, натягивал Улиссу на уши зубастый ошейник. Улисс терпеливо жмурился и нюхал воздух. Гонгору иногда коробила некоторая скабрёзность литературных оборотов. Ошейников на Улиссе болталось два, один был обычным вручную широко плетённым на два строгих зуба калёным проводом, – он еще при необходимости без труда выворачивался наизнанку, второй представлял собой нейлоновый фрагмент высотного крепления монтажников, сцепленный с краев болтами и имевший два ряда недлинных заточенных винтов, устрашающе торчавших наружу и также удерживавшихся болтами. Лис был не дурак подражаться, и за его широкой спиной можно было спать, не опасаясь.

Лес наполнился новыми шорохами. Где-то вдалеке ухнула птица.

– Бани банями, – сказал Штиис, – но это похоже на правду. Я про женское начало и философскую концепцию будущего. Я в самом деле ни разу не встречал ни одной натуральной, то есть некрашеной красавицы, хоть на каплю сочувствующей серьезной научной фантастике, у всех одно и то же. Или даже не серьезной. Не просто так тут что-то. А что, – беспечно поинтересовался он, – они действительно там ничего не видят, в будущем? – Тема явно показалась ему актуальной.

Дед вполголоса посоветовал Гонгоре ближе к Пустоши взять Лиса на поводок.

– Все так, – ответил он. – Глубокая мысль природы. Здоровее будем.

– Здесь ведь вопрос как стоит, – заметил Штиис, вытягивая перед собой ладонь и собираясь объяснить все в доступном для всех виде. – Либо ты, значит, красавица, либо...

– Бани, – подсказал Гонгора, задирая подбородок кверху и поправляя вылезший ворот штормовки.

Штиис перестал улыбаться.

– Какие бани? – осведомился он холодно. – Причем здесь бани?

Поддерживая ладонью у себя на затылке основание рюкзака, Гонгора покрутил шеей, с мучительным вниманием прислушиваясь к новым ощущениям, так что всем было видно, как ему сейчас нелегко. Верхний край рюкзака на целую голову возвышался над его макушкой.

– Ну не знаю, – произнес он легкомысленно. – Откуда я знаю... Сами же говорите. Любимая тема холостяков. Ляпнулось и ляпнулось. Ну, застрели теперь меня...

– Кислое озеро, – напомнил дед Гонгоре негромко, – не забудь. Три ручья, самая западная точка.

Став гуще, лес пошел тенистой влажной низиной. Здесь оказалось прохладнее. Затем посветлел вновь.

Улисс чуть впереди развязной, грузной трусцой волочился за какой-то пичужкой, держа нос по ветру и высунув от усердия язык. Так по просторам родных лесов, наверное, перемещается молодой волк, вынюхивая неприятности и радуясь лету. Гонгора пристроился вслед Штиису и только вежливо дул уголком рта на папиросный дым, когда его сносило от деда

к нему. Дед молча шагал рядом, пару раз лишь отпустив замечания относительно неожиданно хорошей погоды. Лесной воздух превосходил чистотой все похвалы, утреннее солнце прижаривало. Яркие солнечные лучи пробивались сквозь разрывы в листве, раздвигая тени и холод, нагретыми косыми желтыми столбами упирались в слежавшиеся пласты огромного папоротника, терялись в траве, в них изредка поблескивала серебристая паутина и медленно плавала пыльца. Свежесть и чистота чувств. Голова легка и свободна от всего. Мускулистые, привыкшие к длительным перегрузкам тренированные ноги сегодня были готовы преодолеть леса и горные хребты, шагать без отдыха столько, сколько нужно и при необходимости еще столько же, а под правым локтем, как обычно, изредка соприкасаясь со стальным содержанием текстолитовой ребристой рукояти ножа, привычно напевало свою тихую легкую песенку, тоненько позвякивало колечко. Колечко было сварным и в него можно было продеть трос. Сегодня все складывалось как нельзя лучше. Вопреки предчувствиям. Шагавший рядом Штиис с головой ушел в листья черного папоротника, потом провалился во что-то и показался снова, хрустя прелым сучьем и шурша травой. Впереди был только лес. Небо синело в просветах, отражая самую суть раннего летнего утра. День обещал быть новым.

День дому твоему – Млечный Путь.

Да, подумал он. Ради этого стоит жить.

Ну вот, сказал он, уложил... Полиэтиленовый сложенный пакет в правом переднем набедренном кармане с записной книжкой, деньгами и кое-какими бумагами вдруг пришел в движение, на каждом шагу хлопая по ноге. Пришлось доставать и распределять по карманам на ходу. Слушай, сказал он Штиису. У тебя там про крестификс что-то было и пустой мешок в сосняке. А мешок, случаем, был не спальный?

2

На карте Голубая Пустошь была помечена как район, где сохнут травы. Никто не знал, что это значит. Плато на высоте более двух тысяч метров, уже за зеленой чертой. Со всех сторон снежные фиолетовые плюшки вершин. Самая обычная картина, но что-то было в ней не так. Предгорья и, чуть ниже, крутобокие распадки со следами растительности служили обычным местом кормежки горных козлов, баранов и прочих козерогов, тут они встречались, и не редко, то ли у местных охотников руки не доходили, то ли животные здесь были как-то особенно плодовиты, но они тут еще имели место. Трудно сказать, что они там все жевали, ничего там, на самом плато, кроме пыльной пурги, видно не было, однако в горных трещинах, насколько позволяло судить прыгавшее в мощной зрительной трубе изображение, движение было довольно оживленным.

Унылая, жуткая голь. Бревенчатый дом. Новенькая недавно сбитая калитка. Зарисовка на тему ожидавшейся и наступившей всеобщей экологической катастрофы. Совсем рядом стояла пристройка, похожая на сарай, которая, видимо, сараем и была. Спрятавшийся в доме подозрительно гостеприимный хозяин, обиженный какими-то неприятностями, как их здесь называли, чухарь, странствующий коммерсант неясных жизненных устремлений, чуть не силой зазывал на ночлег. Абсолютно голая мертвая земля, огороженная не струганными жердями. Дальше еще сараи, похожие на дома. Нарочитая тишина и пренебрежение комфортом. Сморщенные заснеженные темно-коричневые горы в перспективе. Плато. Ни души.

Вскоре, впрочем, к крыльцу подвалил сосед – пообщаться. Больше, насколько хватало глаз, никого видно не было, как раз сейчас все, надо думать, пережидали пополуденную сиесту с ее страшной сушью, как это здесь принято, в состоянии максимального алкогольного опьянения, каждый в своем углу. Натюрморт выглядел так, словно его вынули из съемок Апокалипсиса. Казалось, здесь поселилось знание о чем-то нехорошем, изначально невыносимом. Местность производила настолько угнетающее впечатление, непонятное и странное, что все молчали, будто сэкономили дыхание. Это не было стрессом. Гонгора с удивлением узнал самые настоящие симптомы депрессии, о которой раньше только читал в специальной литературе. Он, в общем-то, не слишком жаловавшийся на непрочность нервов, не мог отделаться от ощущения, что от этого мутного солнца и пыльной поземки несет смертью. С скромное поселение с неопределенным поголовьем трудящихся, погруженных по традиции в обязательное благожелательно-веселое состояние, почему-то не было даже нанесено на карту.

Кажется, тут не просыхали вообще никогда. Улисс торчал у забора, поджав губы, с неприязненным выражением медленно окидывая глазами окрестности. Неприязненное выражение не покидало его с самого момента, как они остались за пределами зеленой зоны. Похоже, мы ошиблись дверью, сказал Гонгора, у которого на тупые пьяные морды сохранялось что-то вроде устойчивой аллергии. Он боролся с желанием, не откладывая, взнудать Улисса, вскинуть на плечи успевший смертельно надоест рюкзак и, зажав ладонями глаза, кинуться отсюда бегом, неважно, куда, спотыкаясь и все увеличивая темп. Дело было не только в поселении. Ландшафт выглядел отталкивающим, как армейская традиция сушить на себе в легкий мороз свежевystиранную одежду. Ладно, сказал он себе. Не завтракать же здесь.

Больше того, вскоре сложилось такое впечатление, что алкоголь здесь достать значительно легче, чем чистую воду. Штиис, со стонами и шипением освободившись от рюкзака, осмотрелся, плюнул и процедил сквозь зубы, что ничего удивительного: человек способен тут выдержать только сильно нагрузившись и нагружаясь постоянно. Сосед, – тоже крепко и основательно вдетый, – с заметным усилием сохраняя привычную координацию движений, покачал головой, пощелкал языком, двигаясь по широкой дуге вокруг Улисса, видно было, что ему

особенно приглянулся ошейник на заточенных болтах, – и Улиссу, конечно, все это быстро надоело.

Резко притормозив, сосед вдруг поинтересовался, вот мог бы, к примеру, такой зверь вытащить из озера человека? Наверное, осторожно ответили ему. Сосед оживился. Так давай попробуем вытащить вон оттуда мальчишку.

Сосед махнул в сторону болота, благоухавшего по соседству. Играл там и утонул, охламон, четвертый день уже. И было еще в пьяных глазах что-то – что-то такое, что оставляло после себя след издевки и недоверия. Приглядевшись же, начинало казаться, что и в самом деле есть там что-то – и совсем недалеко...

3

Лес. Это был он. Словно завет с того света. Словно глоток воздуха едва не задохнувшимся. Здесь шел уже самый настоящий хвойный живой Лес. И отпустила смертельную хватку иссушающая тоска, навсегда, казалось, на весь последний ничтожный отрезок жизни задавившая. Земля благословенная и обиталище богов. Зачесать нас на четыре ноги пирамской сапой, сказал Гонгора. Девственно чистая, дремучая, первобытная и угрюмая Зеленая зона. Штиис молча смотрел на Гонгору и качал головой. Потрескавшийся камень, отвесные скалы, покрытые грубым толстым одеялом неприступных зарослей, непроходимой тайгой уходивших куда-то, взбиравшихся над головой далеко вверх, к снегам и туманному поясу, – дорога через Перевал не искала других путей, кроме самых опасных. Сухонькие, измятые, искривленные временем древние члены белого кедра не спешили расти, бурный ручей гремел, как после циклона, на все горы и ущелья, как бы уже заранее хороня надежду через него перебраться, акустика здесь была такая, что отдавал эхом даже влажный воздух. Все притихли, когда рядом со всем этим природным катаклизмом обнаружилась малоприметная старая звериная тропка, предполагалось, что она выведет наконец куда-нибудь. Куда-нибудь выйти устраивало всех, включая Лиса – он стал вдруг на редкость сговорчивым и послушным, слегка даже уже пугая своей сговорчивостью, словно обещая новые неприятности. Гонгора напомнил себе, чтобы при встрече опускать первую часть названий местных достопримечательностей. Где-то дальше лежало что-то экзотическое, труднопроизносимое, по уверениям карты, обжитое, что можно было перевести как Застывшее Дерево. Мерзлое и неподвижное.

Этой пихте, наверное, было уже лет триста. И все ее мосластые крепкие сучья у земли душили гирлянды выбеленных дождями и снегами оборванных вервий с конским волосом. Такого рода украшения, пластиночки черного хлеба и бутылки самого различного наполнения и конфигурации (предварительно опорожненные, разумеется) язычники-индейцы оставляли на перевале, дабы умаслить местных не слишком добрых к живому духов, и как бы ни спешил охотник или поселенец, или даже иной босой монах, путники всегда найдут время повязать что-то такое на веточку и откусать спиртного. Гонгора разглядывал пыльную горку пустой посуды, аккуратно уложенную под пихтой, вспоминая, как хищного вида неулыбчивый лесник со своим пожилым товарищем, похожим на недоброжелательного осетина (не то егерствующий браконьер, не то браконьерствующий егерь, он не разобрал), заклинали странников всеми духами Криббанагорья не идти после Гнилого ущелья на этот перевал, поскольку далеко шла слава о воинственных дьягах с их потомственным обычаем трясти чужаков, «и если заодно не вытрясут душу, то, пожалуй, можно считать, что и обошлось».

И вот еще что, наставляли добрые люди, с этими апачи, если не разденут и не разделают под орех сразу, есть шанс договориться – до первого кулака, потом уже все, кровная месть. Чуть что – дьяга сразу хватается за нож и ружье. Очень обидчивый народ. Как выяснилось, речь шла о каких-то полудиких охотниках. Это как недавно, неохотно рассказывал лесник, еще до этого нашествия безумных божьих коровок, осенью, куча туристов, здоровенных взрослых мужиков, остановились на ночь в лесу – все, как полагается, костерчик там, палатки, то, другое, выпили, понятно, закусили и уснули. Ночью подъехали двое на конях, построили всех, раздели и ушли. Даже на коней, говорят, не садились, под узец увели. Так что на дорогу им собирало артельное хозяйство...

Гонгора вежливо улыбался, где нужно, и кивал, когда это было кстати, и думал, что идти все равно придется, что здесь единственный приемлемый путь через Перевал и что так никакого лета не хватит, если вокруг каждого хребта искать новую дорогу. Старики неторопливо подливали гостям и себе в цветастые пиалы размером каждая с небольшой тазик горячий мерзостный чай с солью, перчиком и козым молоком и рассказывали, что еще вот объявились

здесь в горах какие-то зеленые боевики – просто дети Сатаны и ничего больше. Никогда тут никаких зеленых не было и вот. Местные зовут их боевиками, кое-кто зовет бандформированиями. Приезжал кто-то из управления, официально запретил называть их «боевиками» и «бандформированиями» запретил называть тоже, называть предписал только и исключительно «ополченцами». Потом он быстро уехал, и о нем забыли еще быстрее. Даже дяги еще не решат, связываться или не стоит. А чего хотят, за что стоят – толком не понять. В общем, постреливают.

Лесник умолкал, пробуя чай, привставал, чтобы добавить себе половником варева из просторной бадьи и поправить на скамеечке вытертую меховую подстилку, неловко держа у колена правую руку, высохшую, безвольно повисшую, как тряпка, ставшую такой после встречи с таежным энцефалитным клещом. ...То есть что надлежит сегодня принимать во внимание и ориентироваться в соответствии? Сегодня «кофемолку» достать – проблема не большая, сейчас ведь как: ты ему, скажем, шкуру кабана – он тебе работоспособный еще «кугуар» или даже «носорог». Я вот тебе в соседней комнате буду сидеть – скажу, что это кабан. А городскому же все едино, если с него голову снять. С кабана, значит. Или, скажем, с яка, – медведь и медведь. Шерсть же. А «кофемолку» хаки скоро уже вагонами повезут – ничего не боится народ, облагел совсем. Стоит вот, к примеру, на дороге контрольный пост – его ж не объехать, в горах-то, ни зимой, ни летом, горы же. Так знающий народ и здесь не теряется. Берут цистерну, заливают, значит, маслом, на дно железо – для спокойствия можно даже листом металлическим прикрыть, да не стоит, так пройдет. На посту подойдут, только пальчиком постучат, чего, значит, везешь, а хрен знает, везу чего-то. Что сказали, то и везу...

...Народ здесь бывает разный и рассказывает разное, изредка, правда, все меньше. Сейчас – так и вовсе на день пути никого не встретишь, кабанов разве что с медведями; контрабанде, говорят, теперь конец – все, прижали. Как обычно, побичуют, наверно, и остынут, было уже. На днях вот грузовик в Мертвое озеро сорвался, это километрах в двадцати, за обрывом, обрыв пройдете и увидите, два водолаза, говорят, ныряли – не вынырнули, не хорошее место, озеро это, пустое и не растет там ничего, и глубокое страшно. Дорогу вот теперь, считай, размоет, одного хорошего ливня хватит с оползнем, да уж и размыло, должно, был уже ливень, так что не скоро туда на машине сунутся, но пешком можно, отчего ж нельзя, пожалуйста, – вдоль ручья, по обрыву, потом, опять по ручью, и так с километр – два, до кедровника, а там напрямую до ртутного озера и скал, километров двадцать-двадцать пять, наверно, не больше, кого увидите – идите спокойно, вопросов не задавайте и в глаза не смотрите, спросят чего – отвечайте загадками, не торопясь, с умом, не хамите, пальцем не показывайте и веревку свою спрячьте, заберут веревку. Из названий ничего не спрашивайте, сами должны знать, и не говорите, что без оружия, всем об этом знать не нужно. На Озерах и Сыром Огаме даже монахи пустыми не ходят, здесь этого не любят, оброните только при случае, как бы между прочим, – ствол там, магнум, и калибр, повнушительнее чтобы, это можно, здесь это любят... Зверь тут смирный, добрый, если на голову не наступать, в двери не ломится, так что днем ступайте спокойно, пройдете. Правда, рассказывают, псы какие-то объявились, лысые, говорят, злые – хитрое семя, ничего не боятся. С виду, то есть, нормальная собака, лысая только, и с человеческими пальцами на ногах. Чтоб, значит, по деревьям лазить. Вот пес у тебя хороший, сердитый, большой только больно, здесь народ этого не всегда любит, – с ним на медведя бы в самый раз, хотя нет, не пойдет он на медведя, не охотник он, шумный, всех медведей распугает, носорог... А с чертовой псарней той, говорят, даже волки стараются не связываться. Врет, наверное, народ. Огня, понимаешь, они не боятся, ствола они не боятся, а боятся они, оказывается, спиртного духа, а любят они зубную пасту и не любят – прямо во все стороны разбегаются, трясая голыми задницами, всей, значит, псарней, стоит им только дать послушать ваш лязгающий рок-н-ролл... Шутит народ. Злобствует от страха. Тихо здесь...

4

Весь жутковатый вид всадников, исполненных некоторой угнетенности, выражал непреодолимую степень вялого, в какой-то мере нейтрализованного душевным томлением простодушного любопытства. Держались они в седлах просто и непосредственно, было видно, что это обычное их рабочее место. Длинноволосые головы их были обращены в одном направлении, заросшие черной шерстью лица – шоколадно темны, засаленные ватники – затерты, распахнуты и демонстрировали у всех клетчатые теплые вьетнамские рубашки с медными пряжками офицерских ремней. Из-за спин торчали длиннющие стволы винтовок, выглядевших как-то уж очень просто, по-мужицки, словно вязали их к случаю не отходя от сохи, в домашних условиях, для внушительности. Все это время аборигены оставались малоподвижны и как бы не очень внимательны, все четверо. Жеребцы под ними утомленно переминались. Всадник, тот, что был поближе и полегче остальных, бесконечно долго совершая процесс поднятия и опускания на глаза век, переместил, не переставая иронично всматриваться в пространство, затуманенный взгляд вначале с Гонгоры на Штииса, затем вновь на Гонгору и подобравшегося Улисса, и то, что он увидел, как будто нашло в нем какой-то отклик. В его сумеречном взоре что-то проснулось, всадника качнуло вновь, вслед за чем последовало неопределенное движение кистью то ли поправить кожаный узел крепления лассо, тугими кольцами свернутого у седла, то ли дотянуться до отполированного прикосновениями тяжелого приклада с парой железных колечек, который свисал из-за пояса сзади; в конце концов он решил поудобнее опереться рукой о бедро. Улиссу все это очень не понравилось. Гонгора, стараясь не делать резких движений, рассматривал местную достопримечательность, лихорадочно прикидывая расстояние до скрытого за деревьями каменного гребня, не доступного лошадям, и уже знал, что уйти не дадут. Что будет, если нервы у Лиса все-таки не выдержат, он не знал. Лис всегда плохо переносил присутствие на своей территории посторонних лиц, в таком состоянии он становился неуправляем. И то, что он наблюдал, и то, что обонял, не вызывало в нем никакого любопытства – только намерение урчать, угрожающе дергаясь. Глаза его уже были зелеными. Пахнущий бог знает чем незнакомый антураж был здесь лишним. Лис выглядел из разлапистых листьев травы, с видимым отвращением втягивая в себя воздух. Сейчас он еще держал себя в руках, но Гонгора знал, что это не на долго. И тогда заговорил Штиис. Он обращался к дружелюбию местных охотников. Он говорил к их широко известному в акватории всего Заозерья гостеприимству. Он все время старался говорить мягко, сладко улыбаясь, нормальным человеческим языком, но то и дело сбивался то на малопонятный здесь английский диалект, то на непродолжительность синего летнего утра, а один раз приплел зачем-то жаркий полдень. Всадники больше не улыбались. Нельзя было сказать определенно, понимали ли они многое из услышанного или же не понимали ничего вовсе и какую часть из не понятого поняли по-своему, но они явно прислушивались. Все чего-то ожидали. Улисс ждал только команды или хотя бы движения, одного знака, что – можно. Штиис подбирался к звездным ассоциациям, всадники взирали.

И все счастливо разрешилось. Всадник-предводитель – тот находился ближе остальных и выглядел полегче в кости – вскоре лично проследил, чтобы у странников остались об этом едва проходимом уголке Огамы самые приятные воспоминания. Отец гурона, как это выяснилось, оказался почти земляком Гонгоры, в незапамятные времена неизвестно каким ветром занесенным в эти края, сам же сын лесов до дрожи в коленях мечтал если не побывать на родине отца – на своей родине, как он это называл, – то хотя бы одним глазом взглянуть на того, кто оттуда. Везде хорошо, где нас нет, пробормотал Гонгора, украдкой переводя дух. Нужно искать перемен, а как же, легко согласился хозяин, с участием заглядывая в глаза Гонгоры и долго не отпуская его руку.

Нюансы странствий были изучены, определены как не заслуживающие серьезного внимания, и странники немедленно вкусили от всех прелестей лесной сауны и прочего от щедрот крошечного горного поселения охотников, а также, что самое приятное, на дальнейший путь были обещаны и сразу же предоставлены лошади. После недолгого, но основательного застолья на свежем воздухе, в котором принял участие и сыграл не последнюю роль прославленный своим аппетитом Лис, Штиис, утираясь, отправился к лошадям цеплять рюкзаки, Хозяин же с Гонгорой, обсуждая вечные темы холостяков, уединились в полутемной избе. Обстоятельный собеседник слегка выбил из колеи. В части физических аспектов космологии он ориентировался, как у себя в лесу, обнаружив редкую трезвость суждений и некоторую настойчивость в полемике.

Он брал как основание железный факт, что примитивное сознание оперирует наличием нескольких душ и неопределенным количеством духов. Затем экстраполяцией выводил собственный постулат, далеко идущий и довольно бесстыдный. Постулат касался немного немало развития аспекта сознания в ретроспективе эволюции и подкупал лесным оптимизмом. Алгоритм развития концепции будущего в истории миров наконец обрел свое лицо:

Питеки. Примитивный (т.е.) первичный разум! (равно) эн количество богов и душ;

Божемои. Разум элементарный (вторичный) = один, много – два бога плюс душа;

Постпитеки. Разум Докосмический = ноль богов и, как учит нас это неприкрыто скабрёзное порождение квантовой механики, квантовой космогонии и трех тысяч лет квантового сознания Дао – квантовая психология, чертова уйма не подозревающих друг о друге душ, то есть ноль «душ» в принятом теософском понимании.

Что шло дальше – не знал никто. Предполагалось, возникновение собственно разума: разума-самого-по-себе = бог. Создалось впечатление, что хозяин просто истосковался по возможности поспорить, до предела задействовав застоявшиеся лобные доли.

Было предложено угощение и новая закуска, узнав, что Гонгора не употребляет, хозяин совсем не огорчился, даже напротив, не настаивал и сам не стал, сразу же отнесясь с пониманием, восприняв привычки гостя как должное, хотя и не без некоторой странности, – здесь, впрочем, оставались в чести всевозможные обеты, проклятья и воздержания. На Лунной Тропе еще можно было встретить босого монаха с печатью на устах и обязательством на натруженных плечах не пить, не курить, не любить, не потреблять животных жиров и водопроводной воды и не мешать углеводов с протеинами: на его долгой тропе крепкие мозолистые пятки не знали обуви. Хозяин же, войдя во вкус, просто и с сильным чувством исполнил, облачившись в тонко позвякивавшую металлическими штучками меховую накидку, танец Уходящего лета, горячо убеждая остаться ненадолго и зазывая на охоту; он звал на следующий год, в гости, здесь теперь хорошо, говорил он, электричество уже год как провели, суровый гурон расписывал местные красоты, закаты и размеры местных мишек, разворачивал перспективы, хлопал по плечу, сокрушался в русле того, что сил нет, как жаль стрелять в снежного барса, советовал не соваться в пределы Кислого озера, неужели других озер тут мало, места безлюдные и озеро нехорошее, дурное; рекомендовал по возможности не пользоваться языком чухарей, тут этого не любят. Однако на ночь можно остановиться у какого-нибудь одинокого егеря, это – свободно, ничего страшного. Только не надо говорить, что без оружия, а лучше вскользь (как бы между прочим) обронить, не акцентируя: калибр там, в смысле, лимит...; сообщалось еще о неких источниках подлинной Живой Воды, источники кои скрыты от постороннего глаза в нужных местах. Цивилизации они не известны и известны никогда не будут, но вот если нужные места знать, то можно жить долго и не болеть, даже здесь. К слову, в доме как раз вода еще оставалась, чуть не полный бидон, если не выпили, десятый уже, наверное, месяц стоит – и ну хоть бы что ей, воде. Хозяин какое-то время озирался, шел что-то такое в углу доставать, разливать по стаканам воду и торжественно пить это во славу богов лета и в целях

профилактики энцефалита и прочей разной здешней мерзости, переносимой клещами. «Всё выпьем – никому не оставим...»

5

Предстояло реально опробовать местный внедорожник в деле, и это тоже был особенный случай в практике стаи. Ночь решили провести под крышей, планируя встать пораньше, пока все комары будут еще спать.

Вблизи лошадь оказалась на редкость рослой и недоверчивой как ртуть, каким и должен быть хороший лесной конь – горячим и опасным при неосторожном обращении. Это было не какое-нибудь там хмурое плюнувшее на все создание, от рождения спроектированное под размер оглобель и определенное к перетаскиванию смысла своего существования с места на место, этот неприветливый профиль уже наперед знал все возможные поползновения, угощения и фальшивые напутствия, глазом блестящим и злобным, мохнатыми ноздрями, всем своим негостеприимным рельефом ясно давая понять, что взятые тут высоты занятыми будут оставаться недолго и особо много с них не насмотришь. Мрачный черный зверь был достаточно опасен, чтобы глядеть на него с уважением.

Прямо у старого отполированного сидалища торчала удобная для хватания штука, туго спеленатая кожаными аккуратными стежками, она как бы приглашала попробовать себя в новом качестве. Всем этим явно пользовались, каждый день и без всяких внешних аффектов. Гонгора не мог упустить возможность, просто не простил бы себе потом, он прямо до боли всегда мечтал занести в анналы личного опыта что значит одномоментно, единым простым и естественным рывком вынести тренированное тело с земли прямо в седло – и затем уже устало, непринужденным прищуренным взором окинуть открывшиеся оттуда перспективы, трогая перед собой свободной рукой поводья, на ходу пробуя пяткой огромный упругий горячий бок. Всякие там канадские индейцы и ловкие по будням холонокровные рыцари делали это, он был убежден, спокойно и не задумываясь только потому, что у них в распоряжении в свое время был свободным целый день и оснащение наработать соответствующие рефлексy, ничего принципиально невыполнимого тут не было. Все, что нужно, он был уверен, это лишь тренированные руки и ноги.

Уже берясь крепко и осторожно обеими руками за торчавшую луку седла, выправляя дыхание и определяя кратчайшую траекторию, ведущую отсюда наверх, к лаврам, он примерно мог оценить масштабы работы, проделанной до него за тысячелетия другими. Но он не мог до конца представить себе все, что его ждет. В продолжение какого-то времени Улисс, мучительно решавший для себя, что все это могло значить, чтобы как-то определиться на будущее, с нервным выражением следил за всеми трансмиграциями и переговорами. Потом за травой его стало не видно, но слышно было хорошо. Гонгора не засиживался, успевая напряженными пятками, обеими коленями ощутить все объемы местного внедорожного транспорта, сразу же прыжком возвращался на землю, давая памяти сполна проникнуться логикой простого движения и прочувствовать телу всю слаженную последовательность действий и оценить ее мышцам. Одним коротким рывком, на выдохе он возносил тело в седло, запоминал, не отпуская рук, чтобы все повторить сначала: возмещая усидчивостью отсутствие практики, компенсируя трудолюбием несвоевременность своего появления на свет, превзойдя терпением даже лошадь. Главное, как он это видел, наработать рефлексy.

– Что делаешь? – спросил полуодетый лесной отец, загорелый крепкий мужчина достаточно уже преклонных лет. Он стоял на крыльце, невозмутимо ковыряя в зубе кончиком спички.

– Проверяю, – пробормотал Гонгора, делая паузу и слегка задыхаясь. – Ускорение свободного падения у поверхности земли.

Хозяин помолчал.

– И как?

Отец лесов смотрел, не меняя выражения и положения спички.

Гонгора постоял, продолжая обеими руками держать за луку седла. Он покачал он головой:

– Все время остается постоянным.

Где-то совсем неподалеку в зелени за заборами кто-то вдруг жутко заорал голосом Шти-иса, загоготали гуси и нудно загундел подвешенный на шее какой-то буренки колокольчик. Становилось как будто прохладнее.

6

Наблюдая призрачный сизый ворс горной тайги, словно из иллюминатора самолета, Штиис с Гонгорой спорили по поводу человеческой глупости. Обоих немного раздражала убежденность мирных обитателей недостижимых порогов, что техника рано или поздно вывезет там, куда успело проникнуть их вождение, бывают такие места, куда есть надежда добраться только на своих двоих. И бывают места, куда можно проникнуть, лишь изменяясь. Лесам не было видно конца.

Труднопроходимые джунгли составляли основу главных достопримечательностей местности и гордость охотников. До перевала пришлось выслушать несколько версий истории о безуспешной попытке зарубежной экспедиции пройти здесь на многомошных джипах-вездеходах. Версии, отклоняясь в сюжете, сходились в главном: пусть каждый занимается своим делом. И это правильно. После знакомства с местными шумными ручьями в притчи вроде этой верилось легко, вездеходы тут вязли уже на подступах к реке. Потом их неторопливо смывало и уносило в неизвестном направлении. Рассказывали, путешественники, вконец отчаявшись, побросали тут все, включая дорогостоящую профессиональную камеру, с просьбой сохранить у себя на какое-то на время, но народ-то темный, грубый, что с него взять. Ее и выбросили в реку.

Гостеприимные дяги, отправляя отдохнувших странников в путь, разрешали ни о чем особенно не беспокоиться. Правда, добавляли, места дальше не очень спокойные, дикие, тут уходили до вас трое сыроедов – скалолазов, так их до сих пор не могут найти. Непокойные места. Было не совсем ясно, зачем их надо искать, но уточнять никто не стал; все складывалось на редкость удачно, дорога шла по обрыву лесом, пару раз возникавшие как из-под земли смуглые, хайрастые и тихие сыны лесов вежливо осведомлялись, не согласились бы им странники подарить «капрон», как дяги называли любую крепкую веревку, и узнав, что нет, не согласились бы, так же вежливо исчезали. Толстые увесистые мотки свернутого кольцами троса, притороченные по бокам набитых выше голов рюкзаков, привлекали внимание, и Штиис с Гонгорой уже подумывали, не прикрыть ли это дело чем-нибудь.

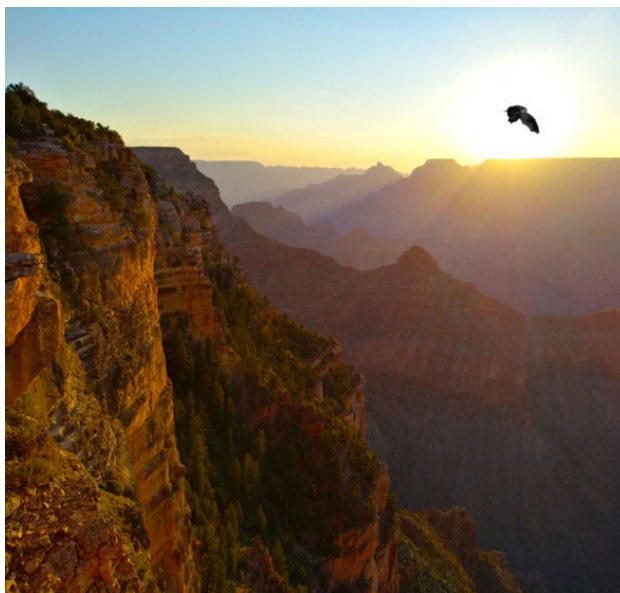
Штиис настоятельно рекомендовал шевелиться, «не будить змей сознания собственной значимости», сократить привалы до предела и убираться отсюда к чертовой матери – пока не съели; Гонгора придерживался того же мнения. Хотя, в общем-то, за прошедшие трое суток, как они оставили нагретые седла и тепло, обеими руками простились с провожатым, подарив на память любимую футболку Гонгоры с надписью «I am the Proud of Kongoni» (улыбаясь, Гонгора сквозь зубы пообещал задушить Штииса во сне за инициативу), охотники больше не встречались, а попавшийся однажды пастух был немногословен, доброжелателен и внимателен, с ним было выпито несколько долгих кружек горячего чая, обстоятельно изучены достоинства крупных пород собак применительно к поимке и ловле медведей, отмечена некоторая странность трюков современного политического руководства и было рекомендовано соблюдать повышенную осторожность, змей в этот год расплодилось что-то более обычного. Шагалось не то чтобы легко, но глаз, созерцая угрюмые пейзажи, не уставал радоваться. Темные леса в верхнем течении беспокойной прилюдной речки, на какие сейчас и случалось наткнуться только в акватории Больших Озер, уходили в самое сердце скалистых мрачных возвышенностей с голыми склонами и отвесными стенами, которые посещались разве только беркутом, и тянулись к далеким полупрозрачным заснеженным пятнам на горизонте.

Погода стояла великолепная, дорога оставалась временами обременительной, временами просто непроходимой, но к этому были готовы, общий рабоче-приподнятый настрой экспедиции не покидал норм приличия, но за болтовней ночами не давал уснуть. Дяги больше не попадались. Удивительное дело, контакт легко налаживался и с загадочным и не внушающим никакого доверия чухарем, и с весьма общительным – общительно-настороженным челночником

с давно не чищенными зубами, представлявшимся «новым канадцем», разговорчивости которого сильно способствовал отягченный содержимым внутренний карман просторного черного дождевика; и с молчаливым монахом, странствующим босиком, аскетически худощавым, с древним рюкзачком за плечом и спокойным взглядом неподвижных умных глаз, который мог быть здесь загадочнее и опаснее всех остальных, вместе взятых. Впрочем, пара новых вибравов была перекинута у него через плечо. То ли с кого-то их снял и берег для особого случая, то ли так было удобнее. Все говорило за то, что до каньона дошагается без особых приключений. «Мы будем дышать воздухом моей родины... Ты знаешь, дорогой, насколько прекрасен воздух моей родины? – вопрошал, качая головой и мечтательно заводя глаза, сильно расторможенный крупный мужчина в тяжелой длиннополой накидке не то из пуленепробиваемой шкуры яка, не то мамонта и с кривоватым грубым посохом в руках, бутоном распуская у носа сложенные щепотью крепкие пальцы. – И чем же будет пахнуть тогда сильнее всего? Петерзильенвурцльзуппе, дорогой...»

Здесь, в тихой сырой глуши, в неширокой ложбине, где свободно прятались в заоблачных хмурых лесах отвесные скалы и где начиналось новое взгорье, их Лунная Тропа к росе, ожидало с вечно недовольным выражением на хладном тенистом лице блюдце Кислого озера, разбитое камнем и лесом. Его легко было видеть: с базальтовыми гранеными краями, с непроницаемыми – но необыкновенно прозрачными у берегов – глубинами, уходящими отвесно вниз, на далекое дно горной трещины, с этой вялой, едва заметно выходящей дымкой согретого тумана, с нежно искрящимся ломтиком золотисто-бледного лимончика на темной поверхности, что зернистым неброским айсбергом медленно, безмолвно перемещался в неприкрытой близости границ полусонного водоема; у Гонгоры сводило скулы, он встряхивался, оборачивался и замечал множество черных блестящих глаз-бусинок. Бусинки переглядывались. Они были задумчивы и неприязненны. Они провожали его и еще долго смотрели вслед из-под листьев травы, оставаясь в неподвижности. И уже не было над головой развесистых крон деревьев, не касалось уха шуршание острых камней под усталыми ногами и хриплого, исчезающего где-то дальше, на самом пределе слышимости, размеренного дыхания, и становилось ясно, что эти близоруко угрюмые исполинские каменные надгробия – всего лишь только эффектный призрак, дополнительный антураж к свежести бесконечного, совсем чужого, необъятного. Взгляд подозрительный и ироничный не видел здесь ничего, помимо неестественно четкой линии далекого горизонта, нескончаемого склона и трав на нем. И еще над всем этим непривычного, высокого, ослепительного, синего неба. Время пахло теплом.

День клонился к своему закату.

Штиис, согнувшись, поковырял острым кончиком томагавка землю.

– Ты не знаешь, – спросил он, – как отличить: габбро или эколгит?

Гонгора смотрел вдоль по склону, где дальше, метрах в двухстах над ними, на недостижимой высоте слонялась беспризорная вислоухая горная овца.

– Я только знаю, как отличить базальт – по присутствию стекла. Стекло, – сказал он. – Очень легко запомнить.

– Да это тоже базальт. Тут все базальт. – Штиис осторожно постучал топориком по камушкам, усевшись на корточки.

– Стекло в базальте очень просто можно объяснить большой температурой в вулканическом разломе. Когда горную породу вынесло наверх магмой.

Штиис покачал головой.

– Вот эту штучку я где-то уже видел, по-моему, раньше, похоже на амфибол.

– Как, значит, ее выперло всю сюда, под большим давлением с самого дна, – гнул свое Гонгора, – разогретую на последнем градусе бешенства до полного опупения... Слушай, так они, наверное, все на разной глубине кристаллизовались. И под разным давлением.

– Ну, – сказал Штиис. Он глядел непонимающе.

– У тебя шпат есть полевой на руках? – спросил Гонгора нетерпеливо.

– Ну, – ответил Штиис.

– Пироксен у тебя есть?

– Ну.

– Так чего ты мне голову морочишь?

Штиис смотрел не понимая.

– Так он тут должен быть, с пироксеном, – произнес он со страшным разочарованием.

– Да? – удивился Гонгора. – Ну, тогда я не знаю. – Он смотрел вверх, быстро теряя интерес. – Тогда этого даже я не понимаю. Тебе тут не угодишь. Если все хорошо, значит что-то не так. Ты лучше скажи мне, как она туда смогла забраться... Нет, ты лучше мне скажи, как она оттуда будет спускаться, ты вот что мне расскажи...

– Кто, – спросил Штиис. Он тоже глядел вверх. Наверху никого не было.

– Уже спустилась, – пробормотал Гонгора. – Пополуденная тень деда Пихто с ведром варенья. Ну, чего решать будем?

– Кто там опять был?

– Никто. Все тебе расскажи. Потревоженный призрак Вайхерта-Гуттенберга. Мы сегодня вообще как – идем?

Штиис нехотя поднялся.

– Нет, – сказал он. – Ляжем здесь сегодня все, но не сойдем. Нет здесь ничего, – добавил он, отряхиваясь. – И не было никогда, наверное.

Кусты шевельнулись, содрогнулись вновь, с треском сошлись, и Лис, покусывая прутик, неторопливым аллюром опять замаячил в пределах уходившей вверх тропки. Он, было видно, успел не сильно перенапрячься тут в лесу на скатах и завалах. Всё, подумал Гонгора. Всё, сейчас я нагружу тебя, как трактор, и станешь ты тогда у меня веселый, станешь жизнерадостный, как все, конь с зубами. Особенный, что ли. Гонгора поморгал, стараясь смахнуть с ресниц набежавшую каплю. Штиис с мокрым, распаренным лицом, неоднократно уже всё проклявший и злой, однако ни разу не заикнувшийся насчет привала, шагал впереди дальше, не очень внятно через плечо делясь пришедшими как раз по поводу на ум соображениями, насчет ответственности моральных норм вообще и в непроходимом лесу, в частности. От тебя ничего другого требоваться не может, говорил он строго. Здесь рано или поздно приходится поступать в соответствии со своими убеждениями, и это серьезно. Штиис умолкал на какое-то время, пиная носком подозрительный камушек и переводя дыхание. Если, понятно, они у тебя есть, эти убеждения. Впрочем, они есть даже у вируса. Или в соответствии со своими предрассудками, если по дороге сюда не успел их еще потерять, – они должны быть у всех. В общеупотребительном смысле. Или, скажем, своими заблуждениями, от которых никуда не деться. Или иллюзиями. То есть такое впечатление, что уже не на что надеяться. И как рабочий вариант, поступать в соответствии со своими устоявшимися привычками – если нет первого и где-то успел потерять второе и все остальное... Вот так. Ну вот, уже лучше. Совсем неплохо. Ну и рефлекс, конечно, куда же здесь без рефлексов. И вот только тогда – только на самый худой конец, в самом крайнем, интимном случае, когда совсем уже ничего не остается, даже иллюзий, а рефлекс по каким-то причинам перестали удовлетворять, вот тогда остается прибегнуть к разуму. Которого нет в действительности ни у кого – разве что за исчезающе малым исключением, у единиц, который, как вдруг стало известно, свободно заменяется всем вышеперечисленным. Великий космос, с отчаянием думал Гонгора. Еще один. Когда доморощенный философ попадает в неблагоприятные условия, неизбежна еще одна книга о том, что мешает миру стать лучше.

...К концу еще одного бесконечного безоблачного жаркого дня они наконец вышли к окраинам большого каньона, истинные размеры которого начали доходить до их сознания, только когда они разглядели – где-то за туманной дымкой, далеко внизу – тонюсенькую ниточку дороги, петлявшую в пушинках зарослей вдоль речки. И нужно было поторопиться, чтобы не встретить без воды на голых камнях спуска утро следующего дня. Лесные заросли и холодная горная речка в их тени пришлась бы сейчас как нельзя кстати.

На середине совершенно местами разбитого ливнями и оползнями серпантина пришлось делать привал, все были выжаты. Включая Лиса, сильно поубавившего в прыти, который, как лошадь, тащил на себе компактный баул из пары мешков. Баул, чтоб не ерзал и не тер мозолей, цеплялся к кольцу прошедшей уже огни и воды шлейки. Улисс пробовал было возражать, но быстро утомился, и вся процессия загнанно дышала, преодолевая первую половину спуска, пока у Штииса вдруг не развязался на ботинке шнурок и не было решено, что для начала достаточно.

Казалось, спуск никогда не кончится. Едва они избавились от ноши, как откуда-то с далекого верха донеслись приглушенные расстоянием стоны и вздохи некоего грузовика, неторопливо, на тормозах преодолевавшего жуткие наклоны грунта. Без сил привалившись в тени к камням, Штиис и Гонгора с вялым любопытством наблюдали, задрав головы, за манипуляциями водителя на явно слишком узком для такого агрегата серпантине, лениво обмениваясь

суждениями об уровне профессионализма местных автомобилистов. Машина шла, натужно посапывая, изредка взрывая и принимаясь неуклюже ворочаться на месте, стараясь более или менее вписаться в рамки очередного разворота и ската. Всем стало интересно. Учитывая габариты разношенной кормы и ширину разбитой каменистой колеи, было удивительным, что, в общем-то, спуск удавался и удавался как будто неплохо. По всей видимости, водителя нимало не смущало то обстоятельство, что края машины время от времени сносило и то одно, то другое колесо, то сразу весь колесный профиль целиком были готовы зависнуть в пустоте и заглянуть за пределы возможного. Спустя какое-то время доверху груженный свежими дровами крафтваген со скрежетом пронесло мимо Гонгоры, Улисса и Штииса и понесло было дальше, но в десятке метров ниже грузовик, словно зацепившись за что-то, издал серию новых стонущих звуков, кроша гравий и борясь с чудовищной инерцией, неохотно осел на передний бампер и встал совсем. В изнеможении дремавший Улисс, казалось, потерял последний интерес к окружающему миру. Штиис с Гонгорой также не горели большим желанием снова подниматься и выбираться из тени, тем более что особых территорий в кузове для размещения не усматривалось. Грузовик терпеливо посигналил, постоял, ожидая, потом в окно кабины справа высунулся по пояс спутник водителя и как-то не очень уверенно, слежавшимся языком, несколько растягивая общее вступление и гласные, сообщил, что, несмотря на загруженность, повода отчаиваться нет и можно не теряя времени располагаться наверху. Гонгора начал было уже колебаться, до леса, воды и травы хотелось бы добраться еще в этой жизни, но тут запахнулась дверца с другого борта, выпуская наружу водителя. Вывалившись, голый до пояса щуплый приземистый мужчина, держа затылок уверенно и высоко, поминутно собирая вместе непослушные колени и цепляя что-то все время над собой ладонью на пустой дверце – видимо, обещанную на ней обстоятельствами ручку, – гостеприимно просияв лицом, повел свободной рукой к себе, не то приглашая, не то желая обнять и привлечь к сердцу, поставил в известность, что он замечательно, в наилучшем виде и с ветерком доставит всех не только вниз, но и в любое другое необходимое место.

Вот это «с ветерком» его добило. Гонгоре пришлось подняться и сказать, что тут они с болью и благодарностью вынуждены отклонить предложение, поскольку кербер их по природе своей на дух не выносит чужого присутствия.

Махая вслед удалявшемуся столбу пыли, Гонгора покачал головой и вслух отнес выдвинутое предложение, с учетом обстоятельств, к одному из дорогостоящих способов самоубийства. На что Штиис сейчас же заметил, что этому способу нельзя отказать и в известной изощренности, – после чего оба в продолжение длительного времени спорили, вытянув шеи, дойдет ли грузовик до конца или нет. Грузовик дошел.

Все-таки странный народ тут временами попадался, несколько дней спустя, уже ближе к вечеру, Гонгора и Штиис сокращали себе расстояния путешествием по воде, преодолевая водные преграды на некоем подобии плота, по уши сидевшем в речке под весом наездников и рюкзаков, когда вдали был замечен движущийся объект.

По кряжистому склону, по каменистой тропке, вплотную местами примыкавшей к обрывистому руслу речки, то пропадая из виду, то появляясь снова, подпрыгивая на камнях и раскачиваясь из стороны в сторону, в клубях пыли к ним на сумасшедшей скорости неслась вниз грузовая полукрытая машина, явно надеясь настигнуть плот на ближайшем и единственном доступном повороте. Уже издали было видно, как машут и кричат что-то в машине, цепляясь за борта и валясь с ног. Предчувствуя недоброе, Гонгора и Штиис начали работать шестами, загребая от отмели.

За машиной гналась беда, гналась, не опасаясь свернуть себе шею, не взирая на градус отвеса и пересеченность местности, все говорило за то, что время прежнего бездействия ушло и от каждого теперь потребуется все, что он берег в себе, что умел и о чем, нося в себе, до этого момента не догадывался. Общий вид местных мужчин в кузове с расхлюстанным тендом, простертые руки и исполненные неподдельного отчаяния взоры недвусмысленно говорили о крушении надежд, о случившемся природном катаклизме – по меньшей мере. Они предвещали массу непредвиденных осложнений и коренную ломку прежних взглядов. Поравнявшись с плотом, грузовик изменил режим слалома, не переставая греметь и подпрыгивать, из кабины чуть не до пояса высунулся смуглый мужчина с грубым, искаженным болью мужественным лицом и, перекрывая собой надсадными голосами галдевших в кузове попутчиков с колоссальным плетеным сосудом на руках, прижимая одну ладонь к груди, а другой указывая куда-то дальше по направлению движения, едва не опрокидываясь на виражах наружу и обращаясь лицом вслед за ладонью, торопящимся умоляющим голосом зачастил:

– Очень прошу, вон там, дорогой, во-он за поворотом дальше много леса, там мой дом – зайди в гости, очень прошу, дорогой, а-абижюс, если не зайдешь, сразу за горой увидишь...

7

Я видел степень моих свобод, сказал упрямый голос, каждый раз изыскивая новые резервы в противопоставлении себя здравому смыслу. Холодный нож и в нем – луны восход.

И вот степень всех твоих побед: в полнеба лес и сгоревший мост.

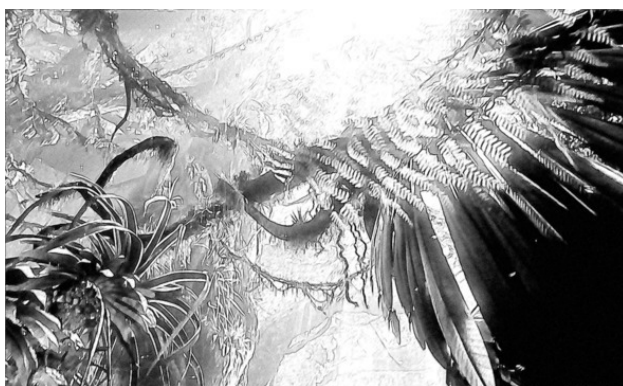
Задрав голову и приоткрыв от задумчивости рот, Штиис смотрел, как прямо над ним далеко в лазурно-синем поднебесье висел рельефный четкий гранитный обрез скалы.

– Это только так грозно выглядит, – сказал Гонгора, не поднимая головы. – Выберемся. Здесь везде так.

Штиис не спеша развернул подбородок под иной угол и, не меняя исходного положения, начал наблюдать не менее рельефный и четкий обрез нависавшей скалы с другой стороны. Лоно природы, сказал Штиис. Он покачал головой. Что говорил Гонгора, он не слышал.

На Кислое озеро с голой песчаной отмелью, заваленное не до конца сгоревшими в атмосфере останками конструкций спутниковых систем, их вывел шум падающей воды. Гроыхая камнями и тяжело ворочая бревна, образуя устрашающих размеров заторы из вывороченных с корнем сосен и смывая их, многоголосый ручей, сверкая, стоял и сиял водопадами, мчался откуда-то с далекого верха, где начинали подтаивать ледники.

У беснующейся воды по другую сторону ручья торчало дерево. Прикинув расстояние, Гонгора зашвырнул на него «кошку» и обмотал свободный конец троса вокруг ствола старой сосны так, чтобы трос держался, пока на нем был вес. Гонгора придирчиво осмотрел подвешенную дорогу, покачал, потом повисел на обеих руках, оставив Штииса держать, пошел распрягать Улисса. Улисс с самого утра уже был сильно не в духе. Близилось время ужина, кастрюлей же еще и не пахло. Ему надоело ходить, ему надоело купаться, ему надоело таскать с места на место баул и горы ему, по-видимому, надоели уже тоже.

Гонгора не скрывал своего беспокойства по поводу повышенной сырости, диких ручьев и каких-то не предусмотренных ни одной топографией болот. Он был теперь далеко не так уверен, что они взяли верное направление. Куда они вышли, он до сих пор не мог сказать с полной уверенностью. Это не то чтобы беспокоило, но заставляло смотреть по сторонам. Они были не у себя дома. Если сказать правду, от этого, от карты и остального вида, временами становилось не по себе. Больше никто не улыбался. Ручей выглядел неприступным. Без троса преодолеть препятствие было невозможно. Улиссу вся эта затея сразу и решительно не понравилась. Он предпринял было попытку открыто протестовать, но, натолкнувшись на бесцеремонное спокойствие и не думавшего уступать Гонгоры, с видом крайнего неудовольствия смирился и только раздраженно урчал и капризно играл бровями, чувствуя прикосновение ремней. По дороге Улисс вел себя как худшее из приключений, вертел во все стороны мордой, напря-

женно суча растопыренными лапами, а на середине пути, неизвестно по какой причине, вдруг разразился громким лаем.

Перебравшись, разобрались с тросом и рюкзаками. По побережью дороги не было, отвесные стены вплотную подступали к воде и пришлось снова углубиться во влажные темные неприветливые дебри, шли, то и дело натываясь на фрагменты космических модулей. Улисс эти серые дырчатые куски металла не нравились, и Гонгора обходил их стороной. Началось болото, над которым сплошной непроницаемой сетью сплетались ненавистные заросли колючек. Поминутно проваливаясь по пояс в лениво колыхавшую жухлыми цветочками гниlostную жижу, смрадно булькавшую и не перестававшую смердеть протухшими испарениями, оба, примолкнув, прорубали себе в вечном полумраке дорогу: Гонгора своим тяжелым длинным ножом, Штиис старым остро отточенным охотничьим томагавком. Улисс с трудом ворочался в вонючей жиже. Баул с него пришлось снять, содержимое распределить по рюкзакам, и это не составило особой проблемы, из продуктов, что нес на своем горбу Улисс, сохранилось немногим более половины, неприятнее было другое. Ветровки и затянутые на лица капюшоны плохо спасали от сыпавшихся сверху клещей, крохотных, неприметных, тощих и люто голодных. Методично перебирая цепкими нескладными лапками, насекомое стремилось как можно глубже забраться под одежду, отыскать там не слишком стесняемое тканью место и накачать плоский рыжий резервуарчик кровью до невероятных размеров. Только пресытившись, тварь позволяла извлечь себя, до того же вытянуть голыми пальцами глубоко засевшего клеща, не оставив что-то от него под кожей, было трудно. Подсолнечное масло, единственное доступное тут средство, не спасало от того, что могло нести в себе насекомое. В густой жирной капле паразит с большой неохотой оживал, принимался пускать пузыри и омерзительно шевелить членами. Через полчаса он легко вынимался, но свое дело он уже сделал. Слабо утешало мнение одного лесника, что больной паразит встречается один на тысячу, – неизвестно было, кто производил такую калькуляцию и на ком. Охотники же говорили, что подхватывать в этих местах «жар» не стоило, после нее оставалось только два пути – на тот свет или на инвалидную коляску. Сильно много знающий Штиис еще прибавил оптимизма. С достоинством отхаркиваясь, он сообщил, что, насколько он вспоминает, среди множества прочих есть такая разновидность энцефалита, при которой глаза напрочь теряют свою подвижность и наступает вечное беспробудно-дремотное томление. Он даже помнил, как эта гадость называлась: экономо. «Надо же, – думал Гонгора, – если мы отсюда когда-нибудь выберемся, если все-таки не утонем и дойдем, то я не смогу толком себе объяснить, почему не вернулся и пошел через эту грязь. Сколько же еще, наверное, других идиотов с солнечно-голубыми жизнерадостными рюкзаками валяется тут под кустами...» Сегодня весь мир состоял из болота. Болото, казалось, не имело предела, оно было по частям извлечено из одного кошмара. Не подготовь Штиис и Гонгора заранее длинные шесты и не возьми Гонгора Улисса на поводок, от экспедиции не осталось бы следов. Хуже всего, что дорога не делалась лучше. Она становилась страшнее. И возвращаться было уже нельзя, возвращаться попросту было уже некуда. Сил двигаться не оставалось, не покидала уверенность, что следующий шаг – последний, остатки прежнего энтузиазма ушли вместе с клещами, которые Штиис с Гонгорой достали друг у друга из заляпанных грязью и плесенью лбов. Гонгора, уже раз сталкивавшийся с Лунной Тропой и видевший, что она делала с людьми, уже успел в мыслях десять раз возблагодарить тренированные мышцы Штииса, но думалось плохо. Здесь реальная, не нарисованная цивилизацией жизнь и реальные условия смывали с человека все наносное, внешнее, что тот всегда считал настоящим, выдавливая наверх всю его грязь, все дерьмо, которое и составляло его и только его подлинное существо. Именно потому до конца не доходил еще никто. Они видели то, вид чего выдержать не могли. В набитой огромными, пустыми и безвкусными мыслями голове что-то бухало и беспрерывно гудело, перед глазами все время держался, бродил какой-то цветной тяжелый туман. «Скажи мне еще раз, зачем я пошел на эту работу», – не оборачиваясь,

несколько рассеянным голосом занятого делом спасателя, свисающего вниз головой на высоте двадцатипятиэтажного дома, попросил Штиис. Гонгора сплюнул и поднял глаза на рюкзак, который уходил в рваный разлив черной воды. Рюкзак некогда был изумрудным по краям и лимонно-желтым сверху. Больше он таким не выглядел. «Новые ощущения. Через неделю у тебя откажет зрение. Потом руки и ноги. Подкорковые ганглии с белым мозговым веществом начнут необратимо разрушаться, и ты станешь способным на непредсказуемые действия. Станет совсем хорошо, когда тебя под конец потянет на летаргический сон...»

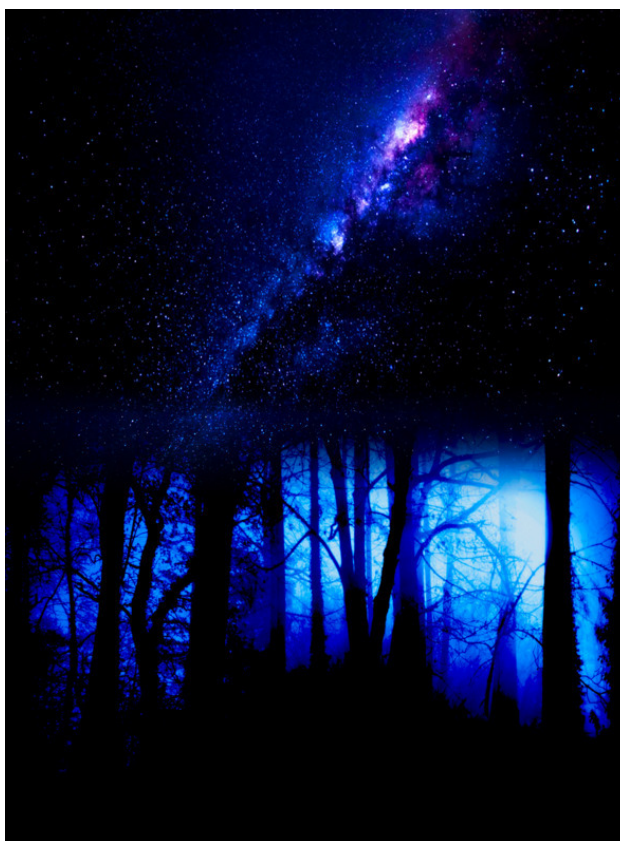
Штиис, обходя торчавший из воды полусгнивший куст, перехватил в руке удобнее шест и взял еще правее. «Да, – сказал он. – Это именно то, что я хотел услышать. Ты уверен, что мы не ходим кругами?» Гонгора, сгибаясь пополам и восстанавливая дыхание, поддел на плече пальцем лямку. Он тоже подумал, что уже видел эти кусты раньше. «Улисс должен вывести, если ты перестанешь путаться у него под ногами». Сейчас хорошо думалось о сухом спальнике. О теплом, уютном, невообразимо мягком и гостеприимном, словно тапочки на верблюжьем меху после сеанса ледяного душа. Сильно утешала мысль, что в насквозь промокшем рюкзаке спальник, меховая куртка со штанами и кое-чем другим, склонным к нежелательному увлажнению, упаковано в непромокаемый чехол. Они выбрались на относительно сухой твердый пятачок, дальше шла сушь: первым Лис, с трудом узнаваемый под слоем грязи, энергично встряхнувшись и далеко вокруг себя разбрызгав воду и тину, за ним Гонгора и мотавший как лошадь головой Штиис. Никогда бы не подумал, что в горах бывают болота, пробормотал он. Отдышавшись, он принялся со стонами разоблачаться.

Расстегнувшись, освободились от того, что несли, разделись, выжали все, что выжималось. Самым тщательным образом осмотрели, вывернули и вытряхнули ветровки. Облачились. Штиис, закрыв глаза, привалился спиной к стволу дерева и на какое-то время выключился. Гонгора, стараясь не обращать внимания на омерзительно липшую ко всему телу одежду, подумал, что перед переходом следовало нанести на щеки и лоб глиной параллельные полосы, чтоб не липли комары. Тогда общий вид был бы достойным хорошего кадра, правдиво напоминая пренебрежением к неудобствам многоопытного лесовика-рейнджера в очередной заброске. Рейнджер проходил во влажных лесах враждебной планеты испытание на выживаемость. С собой было, как обычно, разрешено взять только старый неразлучный талисман, добрый боевой нож. Однако вечный кочевник намеревался здесь не только выжить, но и оправдать возложенные руководством надежды. Гонгора, прищурясь, еще какое-то время приглядывался к неподвижным теням за нагромождениями сучьев, камней и поваленных деревьев, откуда шел шум ручья. Он с каким-то совсем новым, надменным чувством размышлял, как бы повели себя сейчас те же подозрительные тени, окажись у него в руках длинный, в рост человека тугой крепкий лук и аккуратно оперенная серым гусиным пером метровая стрела с чуть приржавленным металлическим наконечником, остро и грубо заточенным на самодельном станке.

Гонгора покосился на Лиса. Лис, плохо различимый здесь в сумраке, высунув язык, бежал по сторонам темными бессовестными глазками, восстанавливая дыхание и неопределенно улыбаясь. Все-таки его организм привык устать.

Если бы за спиной не было рюкзака, можно было бы еще повесить себе меж лопаток тяжелый нож, чтобы единым точным движением извлекать из потертых кожаных ножен и с широким замахом посылать в стволы деревьев. Нож был предметом вечной гордости. Старые умные руки делали его по собственным чертежам из особой стали, но во всех деталях повторяли элитный инструмент «NAVY Seals» – «морских котиков». На нем даже стояло маленькое скромное клеймо из рун «Хоббита». Он вздохнул. Вот так думаешь, что все предусмотрел. Потом оказываешь в болоте, которое нельзя обойти. От этих иносказаний никуда не деться. Он поднял глаза кверху. Позади, еще переживая приступ вялого недоумения и недовольства, медленно погружалось в прежнее вечное оцепенение потревоженное болото. Невдалеке гремела вода. Впереди сквозь деревья наблюдалась некоторая тенденция к подъему, и дальше должно

быть суше. Они осторожно двинулись через лохмы кустов на шум воды, вглубь беспросветных серых дебрей, необыкновенно тут плотных, безлистных и притихших. Достигнув нового ручья, надолго припали к воде, смыли с воспаленных лиц и рук грязь, сориентировались по компасу и через пару минут наткнулись на звериную тропку, еще заметную, но вроде бы давно уже нехоженую, заброшенную; здесь было сыро, как в погребке. Как в склепе, глубоком и плохо проветриваемом. Даже клещи словно куда-то исчезли. Случайный свет падал не сверху, а как бы пробивался оттуда, откуда они пришли. Света было немного и был он ненадолго. Лис заметно нервничал. Стало еще сумрачнее.

7.1.1: Когда старое послеполуденное солнце означило глубокими теньями время больших сомнений и утомления, было выпито еще родниковой воды и оставлена за плечами не самая приятная часть звериной тропы; день целиком скрадывался снулыми неподвижными кронами. Он неуверенно и тускло бледнел в редких разрывах черных пятен листьев, опускал к траве мутные спицы лучей с вялыми золотыми пылинками и дружелюбно колол глаз. Сюда он не хотел.

7.1.2: Отступить больше было некуда. Снова подал голос бес противоречия: хмуро поглядывая куда-то под себя и вокруг себя, будто утерял что-то, он сказал: как я понимаю, дело спасения окружающей среды – единственное дело, где разумнее было бы перегнуть палку, чем не догнуть. Он недоверчиво оборачивался, словно совсем недавно утерял где-то здесь свою тень и не мог найти. Первым из всех о лысом псе узнал Лис, весь твердокаменный от ледяной ненависти. Глаз его теперь не поспевал за носом, и когда все обернулись, то увидели трусившую неподалеку дворняжку. Она лениво позевывала и была невзрачной, бледной, с совсем лысым розовым черепом.

7.1.3: Никто не мог бы сказать, как давно уже она так брела им вслед; обнаружив на себе внимание, животное неохотно остановилось, потопталось, мелко перебирая худыми лапами, зевнуло еще раз и уселось было посреди тропы, но передумав, с легкостью снялось и двинулось в направления Лиса, уже натянутого, как струна. И когда столкновение виделось неизбежным,

зверь неожиданно шагнул с тропы, растаяв за стеной колючек и темного папоротника. Лис за ним не последовал, и это было против правил. Обычно он вначале выяснял отношения, а уже потом спрашивал разрешения.

7.1.4: Он медленно и широко размахивал пушистым хвостом, грозно урча, поравнялся с тем местом, где скрылся хозяин, постоял, не переставая взрыкивать, потом опустился на задние лапы и принялся опасливо принюхиваться, вытянув сосредоточенную морду чуть не у самой земли. Он будто ждал продолжения. Ну, чего встали, сказал Гонгора без большого воодушевления. Он больше не сомневался, что они ошиблись озером. Когда ты ошибаешься дверью, ты просто извиняешься и открываешь другую. Что нужно делать в этом случае, он не знал. В вязком влажном сумраке тяжелый нож отсвечивал полированным и холодно-голубым, хотя отсвечивать тут вроде бы было нечему. Гонгора, стиснув в руке грубую текстолитовую рукоять, не спуская глаз с кустов позади Лиса. Поднял из в лопухов трухлявый сук и коротким движением, как копье, забросил в заросли. Лис, как подброшенный, взвился, неожиданно легко изгибаясь всем послушным телом, с лязгом стискивая челюсти и стремясь хотя бы в последний момент успеть дотянуться, достать невидимого еще за спиной противника;

7.1.5: в кустах зашуршало, и скоро на тропе за деревьями дальше, не очень далеко, в скудном свете блеклым пятном возник, удаляясь, едва различимый зверь. В последний раз показавшись лысым профилем, не переставая зевать и мелко подергивать несообразно длинным облезлым хвостом, он без спешки скрылся за завесой листьев в тени. Чем-то пованивало.

7.1.6: Собственно, пованивало уже давно, с самого болота, но лишь сейчас к этому начало примешиваться что-то новое. Зажав под мышкой походный топорик, Штиис поправил очки, посмотрел на спутника и показал глазами на кусты, но Гонгора и сам уже видел нечто вроде коридора в деревьях. Он старался теперь идти, как можно чаще разворачиваясь к Штиису спиной. Еще огибая вилку из пары сросшихся деревьев, он успел заметить за собой некое движение, всё ту же семенившую следом дворняжку. В сумерках пространства, загороженного огромной крапивой и елками, блестели длинные нити паутины, отсюда и несло чем-то тухлым. Сквозь отверстия крупно заклепанных сегментов модуля, валявшихся под стволами, густыми венниками торчала трава. Дальше зияли комьями черноты не то норы, не то просто рывины, в понурых солнечных столбиках света, прямых и разрозненных, с гипнотизирующей медлительностью плавали золотистые чешуйки. Прилегающая территория явно уходила под скос и наверх. И прямо посреди этого натюрморта, как гвоздь сюжета, стоял старый рассохшийся жеваный вибрам. Он торчал в куче каких-то смердящих нечистот, и кругом него валялись выжатые стручки зубной пасты.

7.1.7: Казалось, на вибране еще можно было разобрать кожаный лейбл с остатками шнуровки; когда-то он был хорош, этот ботинок специального назначения, нога, что ступала в нем, делала это, точно зная, что имела права ступать здесь и везде, куда не ступит больше никто. Это не был обычный ширпотреб из магазина товаров услуг местному населению. Рядом глаз ухватывал непонятное. Какой-то старый ударный механизм. Части ствольной коробки с цевьем. Металлизированное тряпье. Может, просто чьи-то ноги. Сочетание было отталкивающим.

7.1.8: Земля поддавалась под ногами, разъезжалась, впереди было то же самое. Повышенная сырость напоминала о недалеком болоте и необитаемости этих мест, получалось, что идти больше было некуда. Их ждали. Все время зевая и показывая больные десна, отводя унылые, подслеповатые, старческие взгляды и двигаясь от куста к кусту, животные короткими семенящими шажками теснили чужаков к центру узкой лужайки. Под прикрытием густого черного папоротника и огромных лопухов с крапивой, они делали все неслышно, профессиональными короткими перебежками. Большая стая лысых псов, бледных, одномордых и одинаковых, как грызуны, приглашающе оставляла залитый тяжелым духом пролет, расходясь и исчезая в тучных зарослях дикой крапивы. Рты их не закрывались. Это было похоже на то, как если бы

они без конца что-то говорили, но физическое измерение их находилось не здесь и их никто не слышал.

7.1.9: Лис вдруг сорвался с руки к ближайшему зверю, его вынесло к утонувшему в растениях рюкзаку Штииса, там показался томагавк, Штиис сделал большой шаг вперед, оступился, споткнулся и ушел лицом прямо в крапиву. Лис очень кстати оказался рядом, пролетая, уже что-то делал, причем во все стороны разом, Гонгора все это наблюдал, выставив перед собой лезвие длинного ножа, как держат перед собой то, о чем давно забыли; тяжелое лезвие смотрело вперед, в нем отражалось не то небо, не то вся прожитая жизнь, он только сейчас подумал, насколько он был не готов – ни к такой грязи, ни чтобы держать в руке нож. Рука не просто дрожала – она тряслась. Он знал, что так действует адреналин, сильный яд, который либо используют, либо который использует тебя, но ничего не мог с собой сделать. Потому что дело было в другом. Весь его организм уже на бессознательном уровне понял, к чему все идет: диких собак было слишком много. Штиис неестественно долго поднимался, тянулся, силясь подсесть в воздухе тварь с разинутой пастью, его рюкзак на всю округу блистал внутренностями, поврежденная верхняя часть болталась, туго набитый клапан высвобождался на ходу. Один Улисс был в своей стихии и старался успеть везде.

7.1.10: Проводив одинаковыми невыразительными взглядами надсадно хрипевшего собрата, комом ушедшего в заросли, облысая долгоногая пара вдруг с неожиданной резвостью устремилась по прямой к Гонгоре, и Гонгора очнулся.

7.2.1: Штиис с перекошенным лицом ворочался, размахивая своим томагавком направо и налево, не глядя, на его рюкзаке уже висело что-то, ему никак не удавалось выбраться на открытое пространство, где было свободнее. Гонгора теперь размашисто тыкал парангом в во все, что двигалось, обессилено давил от плеча, скользил ногами, ему в тыл тоже пристраивался кто-то, какая-то тварь, зашедшаяся в горячем дыхании, и пришлось сильно напрячься, чтобы успеть первым, ударить по шее ближайшей, зацепить горло другой и уйти под прикрытие кустов прежде, чем начали атаковать остальные. Он больше не думал. Его давно здесь не было. Была только ящерица, которая древним, пережившим миллионы лет участком мозга, доставшимся от более древних и давно мертвых предков, знала только одно решение, и только оно было уместным. Ужасно хотелось пить. Стало так страшно, что страх стал даже понемногу отпускать. Потом страх прошел. Он вдруг необыкновенно отчетливо понял, что он тут никто – абсолютный нуль, лишь только смысл сладкого мышечного напряжения, что здесь решает не он. Здесь все давно решено за него, а его желания, его доброе естество хорошего неглупого парня, его ценимый им самим ироничный склад ума не представлял тут никакой ценности. Здесь он даже не назывался. Груз за плечами мешал, но он о нем давно забыл. Гонгора поскользнулся, лишь чудом увернувшись от поднывавшегося сзади в воздух белесого тела. Он удержался на ногах, только потому что рядом оказался Улисс.

7.2.3: Он повернулся, с силой ударил по облезлому черепу, по другому, наседавшему следом, и, чувствуя, что не успевает, бросил ногу прямым пинком под оскаленную морду, налетевшую сбоку. Тут ему повезло. С хрустом захлопнув пасть, животное с треском провалилось в кусты. Гонгора подумал, что еще одна такая атака – и его вместе с рюкзаком с урчанием потащат вниз. Он убрал ладонью со лба капли пота. Отсюда нужно было уходить.

7.2.4: Он сделал два шага назад, потом еще, он скользил глазами по мордам зверей, он не понимал, чего они медлят, твари тоже смотрели на него, они смотрели прямо, как смотрят на что-то свое, он коротко осматривался в поисках выхода, еще только краем глаза улавливая за плечом скрытное передвижение целой группы поджарых бледных пятен.

7.2.5: Яростные хрипы в кустах и крапиве заглушались возней за спиной. Гонгора резко обернулся, разом оценивая все приготовления с фланга, и еще на излете успел ухватить неясные контуры грязного сине-желтого рюкзака. Штиис на большой скорости и уже, кажется, без томагавка, неся к самым границам видимого пространства, там торчали высохшие бурые елки

и оставался свободным проход наверх. Хозяева уже видели его тоже, но он явно успевал. Гонгоре остро, невыносимо захотелось туда же. Именно сейчас, пока многоопытные псы приболотных войн заняты не им, у него имелся реальный шанс показать всё, на что способны тренированные ноги в минуту опасности. Если бы только Лис ненадолго отвлекся и услышал его.

7.2.6: Какую-то секунду он провожал Штииса взглядом, потом ему стало не до того. Лиса, напротив, это не беспокоило, он наконец был при деле, Лис и не думал никуда уходить. Здесь, по всему, наклеивалась основательная свалка, и сейчас не было не времени на нерешительность. Лис выглядел очень занятым.

7.2.7: Он был вне себя, ему не давали передвигаться так, как он привык и где хотел. Ему топором помогал расхлюстанный Штиис, он словно и не уходил никуда. А может, и в самом деле не уходил. Смотрел Штиис только перед собой.

7.2.8: Утерев последние остатки осторожности, вконец осатанев от боли и уже полностью лишившись оттого всякой чувствительности, Лис руководил хором с беспорядочным мельканием неопределенного количества облезлых хвостов, прижатых ушей, ощеренных морд, обнаженных клыков и налитых красных глаз. За сплошным гвалтом в низине было не слышно, что кричит Штиис. Орали теперь даже вороны над лесом.

7.2.9: Отставив вперед испачканный нож, Гонгора отступал, где было свободно и где ему оставили место. Листья лопухов позади шевелились. Еще как дурное предзнаменование прошел перед глазами старый вибрам, нехорошее предчувствие листало перед глазами картинки одна страшнее другой. И казалось теперь, что если бы не это вот предчувствие, делающее мертвым одной своей ясной предопределенностью, и не эта скакавшая перед глазами реальность, выход открылся бы сам собой. Уйти отсюда можно было лишь с автоматом в руках. Лысых псов оказалось слишком много.

7.2.10: И в одну секунду память услужливо вытянула из своих глубин полустершийся кадр из не то прочитанной где-то, не то услышанной истории о радостях службы за полярным кругом, об ушедшем в караул воине, от которого наутро остались только россыпь смерзшихся гильз в снегу, автомат с пустой коробкой боезапаса и следами зубов и еще пряжка от ремня. Псы возились теперь только с Лисом, уже обессиленным, хрипло, с надрывом дышавшим.

7.3.1: Гонгора перестал осматриваться и оглядываться. Размахисто поведя плечом и откинувшись, насколько позволяла тяжесть за спиной, он отскочил, пригнулся, резко выдохнул, сильно ударил и промахнулся. Позади снова затрещали кусты, там загомонили, надрываясь, в несколько глоток и нехорошим голосом заурчал, как скребущие траки порванной на камнях гусеницы бульдозера, осатаневший Лис. В правое плечо немедленно и очень сильно ударили, едва не сбив с ног, и тут же прожгла резкая боль, перекрыв волну омерзения и животного страха. Гонгора подхватил нож свободной левой рукой, загородился плечом и не раздумывая погрузил в прикрытую мелким ворсом шею. Под локтем брызнуло. Тяжесть с руки сразу исчезла. Дыхания не хватало. Гонгора мимоходом прижал руку с зажатым ножом к правому плечу, развернулся, встретился глазами, сразу же полоснул и подумал, что это как раз ничего еще не значит, это терпимо, левой он владел не хуже правой. В детстве он даже пробовал ею рисовать и зубы чистил тоже ею, это такое свойство организма, объяснял он всем интересующимся. Он всегда недолюбливал свойства озерных раков. Штиис опять что-то орал.

7.3.2: Гонгора держал теперь нож у самого бедра, никому не показывая. Пусть это будет сюрпризом. Что у меня есть, подумал он, двигаясь боком. Он уже понял, что им отсюда не уйти. И не только им. Выход отсюда был просто не предусмотрен. Он заслонял голову свободной рукой, так, словно собираясь гасить наседавшую тварь кулаком другой с ходу, цепляя снизу. Он хорошо видел сейчас, видел их всех и, далеко выбросив руку, еще в воздухе встретил одну из них. Он в свое время даже проходил специальную практику, и довольно долго, по обращению с холодным оружием и парной работе ножами, но вспомнил три движения только сейчас. Принцип был все движения упростить до предельно элементарных: на каждые три дистанции

три связки. Пясть, горло, шея. Пясть, горло, живот. Повторить. Упражнения очень хорошо шли с палками вместо ножей, как разогрев перед тренировкой. Эта стая явно не привыкла подбирать себе легкую добычу. В поле зрения на миг показалось и исчезло лицо напарника. Искажённое и одеревенелое, лицо снова с головой ушло в траву и потом долго не появлялось. Сейчас было важно одним ухом прислушиваться ко всему, что делалось за спиной, кисть с зажатым ножом была продвинута дальше и удерживала весь угол атаки. Псы отскакивали, но без большой охоты.

7.3.3: Штиис размахивал топором, вокруг себя и мимо себя, работал от спины, опуская инструмент, подсекая и собирая несколько тварей вместе, он умудрился каким-то образом не утратить в свалке очки. Лысые псы там отскакивали с гораздо большим желанием. Гонгора снова ударил, потом осмотрелся, опять едва не поскользнувшись. Он понял, откуда шел напор зверей. Он диктовался прежним опытом. Тварей отличала редкая даже для хищных конгломератов координация действий. Попавшим в их капкан они не давали думать, и это решало всё. Единственным не предусмотренным ими осложнением был Улисс. И еще пара его стальных ошейников. Измазанный в земле рюкзак впереди продолжал усеивать траву зернами риса, мыльно-пенным аксессуаром, на глаза попался фонарик, рядом с ним в траву ушел тугой тюбик ярко-бело-лимонного цвета. Фонарик одиноко лежал, обреченно смотрел прямо вверх, в его слабом облачке света плясала разбуженная пыль. Лесные звери наседали с человеческой целенаправленностью, у свободных лесных зверей не могло быть таких безжизненных мертвых взглядов. Рюкзак за спиной все время мешал, он раскачивался и бил в поясницу, но расстегивать и сбрасывать времени не было и не было уже времени думать и взвешивать. Гонгора прыгнул, выправил равновесие, подхватил с порыжелой земли влажный тюбик и принялся лихорадочно свинчивать. Пробка отнимала все его внимание.

7.3.4: Деревянные пальцы не слушались. Но он старался. Он в сотый раз сказал себе, что надо отсюда сваливать; помял, расчленил, махнул, не глядя, швырнул, как швыряют штатную гранату, прямо в слюнявые морды и, пригнувшись и даже прищурившись, придерживая дыхание словно в ожидании того, что сейчас вот-вот должно произойти за спиной, бросился к Лису и Штиису, окружение которых вдруг будто бы потеряло в прежней активности. Там теперь словно прислушивалось к чему-то.

7.3.5: Над тесным вострепанным пролетом в деревьях, никогда не видевших неба и света дня, висела выжидающая тишина. Подхватив до неузнаваемости взъерошенного Лиса, настроенного продолжать веселье за широкий шипастый ошейник, мерзко липший к пальцам, не глядя больше на плосколобых тварей, шарахавшихся мимо, и не переставая ударами в спину подгонять все норотившего оглянуться и что-то сказать Штииса, Гонгора длинными прыжками рванул, не чувствуя ног, через почерневшую крапиву к елкам, мимо развалившегося от старости вибрама, который оказался при ближайшем рассмотрении и не вибромом вовсе – комями перепревших листьев просто, прилагая еще усилия, чтобы глядеть прямо и не спотыкаться, прочь от медленно барахтавшейся позади тучи, прочь от этих мест – сквозь стегавшие по глазам ветви, с сердцем, бившим в ключицы, с сорванным дыханием и с тяжело хлопавшим по заду рюкзаком – на чистый воздух. «Я же кричал: бросай рюкзак... – объяснял, задыхаясь, рядом голос Штииса. Соратник, подсигивая, тоже летел, обеими руками держа у груди испачканный томагавк и только крепче зажимываясь, когда у лица оказывалась новая ветвь. – У меня же вся еда...» «Пронесет. Пронесет... – думал Гонгора. – Только бы пронесло...» Они единой мощной упряжкой, одним рывком перемахнули через ручей, едва не сорвавшись, успев набрать полные ботинки воды. Штиис не переставал что-то тарыхтеть, Гонгора, все так же не отпуская, крепко держал Лиса под мокрый узец; они сломя голову пронеслись мимо заросших слоистых камней, миновали неровную голую стену, гребень с возвышенностью и провалились в полого и широко уходившую вниз ложбину. Когда сквозь користые рыжие стволы огромных сосен

засинело светом, забрызгало ослепительно солнцем озеро, никто не мог уже ни о чем ни говорить, ни думать.

7.3.6: Скатившись по крутому песчаному обрыву берега с каменистыми проплешинами, где из песка лезли тут и там высохшие узлы корней, они упали в податливое крошево, нагретое и сухое, и остались так лежать, чтобы лежать так вечно. Знаешь, что это было, спросил Штиис, не поднимая лица. Мы нашли ее. Все-таки они появились теперь. Участок земной поверхности со страшно бедным уровнем напряженности магнитного поля. Аномалия задне-проходная. Ну и сволочи...

7.3.7: Гонгора закрыл приоткрытый глаз. Нечего тут было больше видеть. Щека немного саднила на горячем песке. Наша стая по-прежнему сильна, подумал он. У самого носа торчал, всаженный в песок, блистая зеркалом лезвия, острый на все готовый нож. Теперь в нем отражалось только небо. Они лежали долго, как и предполагали, бесконечно долго, не шевелясь и не открывая глаз, и только Лис временами еще приподнимал встрепанную морду и грозно урчал, нервно вздрагивая всем телом. С разорванной губы у него, быстро тускнея и сворачиваясь в песок, падала черная капля.

– You'll never rise to the level of your expectations. You always default to the level of your training.¹

Дед обсиживал обломок базальта у воды, непринужденно нашаривая ладонью и не находя под собой мест, чтоб не так горячих. Он щурился, собирал вокруг глаз морщинки, облизывая самокрутку и бросая невозмутимые взгляды то на нее, то на Улисса и снова начиная ерзать, менять участки слишком нагретой поверхности камня. Эта цитата кого-то из элитных спецоператоров словно ставила точку на главе жизни.

– Ну вот и славно, – сказал дед.

Все помолчали.

Дед спросил, глядя на Штииса:

– Сильно зацепило?

Штиис напряженными глазами разглядывал утес за спиной деда. Скала нависала над кедром, разбитая трещинами и изрытая террасками. Он нехотя похлопал себя по правому локтю.

– Улиссу сегодня досталось. Нога. И с губой что-то. – Штиис помолчал. – В общем и целом, как я понимаю, все, можно сказать, отделались легким испугом, – со значением заключил он. Он покачал головой и с огорчением качнул поясницей, как бы испытывая на прочность. – Чего-то не везет мне в последнее время.

Дед оценивающе осмотрел самокрутку, повертел в пальцах, сунул в зубы и еще раз бросил взгляд на Улисса, просторно раскинувшегося на песке. Улисс, заслышав знакомые созвучия, приподнял мохнатый остаток уха.

– Йодом прижгли?

Гонгора кивнул.

– Ну и ладушки тогда! – произнес, не поднимая головы, дед с той восходящей интонацией, с какой обычно глядят на мир, закрывая последнюю страницу.

Он сощурился сильнее, обратившись взором теперь к диску солнца, что касался своим краем скал, закончил хлопать себя по карманам и произнес негромко, закуривая и пуская из ноздрей дым:

– Ни хрена ему не случится.

¹ – Ты никогда не поднимаешься до уровня своих ожиданий. Ты всегда опускаешься до исходного состояния своей подготовки. (англ.)

Он затаился еще раз, ткнул папироской в сторону скалы, что торчала из сизого кедрача неподалеку у берега, и сказал:

– Знаю я там одно хорошее место. Вот там и остановимся.

8

...Расстелив перед палаткой клеенку и вывалив на нее куски вяленого мяса, конбаур и лепешки с домашним сыром, консервы, дикий лук, чеснок, укроп и прочую растительность, вновь облаченный в свой светлый шерстяной крупновязанный свитер дед, сладко кряхтя, принялся готовить роскошный ужин, обстоятельно и не спеша освещая при этом методику приготовления конбаура из горного козла и особенности взрезания живой скотине сердца и кишечника с дальнейшей целью наполнения последнего свежей кровью, вынимания, отваривания и употребления («В мертвом-то козлу кровь не бежит, вот ведь беда...»), причем тонкости взрезания каким-то непостижимым образом гармонично сочетались с тонкостями накрывания на стол, которые на сонный взгляд уже притомившегося в ожидании Гонгоры сводились в конечном счете к нехитрому тезису: «Голодный – съест». Съезжая по некой известной ему аналогии с гастрономических сложностей на события будней, дед развлекал окружение рассказом об одном старом эвенке, чьем-то соседу Колле, имевшем обыкновение прямо с утра, когда весь лес еще спит, вывалив на крыльцо в одних кальсонах, палить из своего охотничьего бокфлинта по приколоченному к забору черепу медведя. Висит то есть на заборе череп, а на нем шапка с ушами, вроде национальной эмблемы оккупанта. Чтоб, значит, не ошибиться. Говорит, это у него такая форма терапии... Мы заранее спорили: попадет или нет. Не попадет – значит, все нормально, сосед с вечера хорошо вдел и полезет сейчас в погреб...» Дед аккуратно уложил в закипающий котелок пухлые колбаски конбаура, поперчил, посолил и продолжил. «А тут, понимаешь ты, сделали вдруг завоз: шнапс – в магазин, а горячее в бочках... А горячее, понимаешь ты, догадались сгрузить к забору соседа. Так мы, веришь, вожжей нас всех, только к утру дошли умом, как в голову стукнуло. Мне аж сейчас холодно делается, как вспомню. Выскакиваем, значит, во двор, все кто в чем был, а сосед наш уже – всё, как положено: в кальсонах, босый, морда столбом, волоса дыбом, и держит, лярва, уже тот череп на мушке. Ну, мы, понятно, врассыпную – и к забору, рты разинув, руки раскинув, чтоб, значит, грудью прикрыть... Шум, беготня, кто кричит: «Колля!..» Кто уже голову в трусы засунул. В общем, впечатлений на месяц. Это же ведь сейчас только рассказать сладко. А Колля водит дулом меж нас и приговаривает: а уйди... а ну-ка, ш-шас я его...»

И дед широко разбрасывал руки в стороны с зажатыми в них чесноком и ножом, двигая корпусом и показывая, как они прикрывали грудью...

В отдалении что-то слабо шлепнуло и затихло. Усеянную крохотными иголками звезд зеркальную поверхность озера время от времени нарушали, расходясь и слабея, круги. Здесь же поблизости, с прибрежного каменного уступа были далеко закинута резинки, и дед обещал, что к утру что-нибудь будет. Быстро стемнело. Скалы, что прижимались к воде, на фоне огненной нити заката теперь казались рваным непроглядным провалом. Обшарпанный ветвистый колосс древней пихты за отмелью вплотную прижимался к голой иссеченной трещинами стене скалы и огромным глыбам, кроной своей почти достигая их парапета. Там дальше за камнями угадывалась речка, издалека доносилось тихое шуршание и слабые вскрикивания. Перед лицом этих закутанных в тучи кедрового стланика стиснутых угрюмых гранитных стен узенький пятачок песчаной отмели как-то не внушал много доверия в смысле надежности, но другого здесь не было, и лишь бодро булькавшая подкопченная кастрюлька над шумно трескавшим сучьями костром нагнетал состояние полудремотного транса и споконьятия. Кастрюлька распространяла вокруг себя непривычно аппетитные запахи, заставляя встряхиваться, усаживаться на разостланном спальнике удобнее, растирая в жарком багровом свете ладонями лицо, налитое сухим теплом. Почесать ушко маленькому, пробормотал Гонгора, без всяких мыслей наблюдая за гипнотическим танцем пламени, положив руку на голову

Улисса. Лис, смежив глазки, окончательно разомлевший в тепле, глубоко вздохнул и лениво проурчал что-то неодобрительное. Становилось довольно прохладно и сыро.

Покопавшись в углях, Штиис пристроил к огню крепкую кедровую веточку. Дед ее убрал, похлопав по руке. «Отдыхай. Любишься средой». Это будет долгая ночь, подумал Гонгора. На затылке лежало влажное прикосновение воздуха. Великий Космос, хорошо-то как, произнес Штиис. Гонгора тоже был не в силах отделаться от ощущения собственной здесь уместности, он поднял глаза вверх, где было темно и где прямо над ним висели звездные дороги и тропы, множество троп, млея холодно и высоко, там горело давно звавшееся и почти отчаявшееся уже в ожидании ночное небо. Одно странное чувство, даже уверенность, держало теперь и не отпускало, что где-то там дальше, впереди, быть может, в такой же жутковатой тиши, настороженной, погруженной в неизбывный мрак философии бытия, в состоянии такого же обманчивого покоя – но уже на совсем другом витке спирали, в таком же мерном течении ночи – но уже в совсем ином измерении, на дикой отмели уходящего, почти уже ушедшего и все никак не способного уйти времени будет потрескивать еще один костер и в нем будут мягко шевелиться изжелта-синие шмели огня, а прямо за спиной молча, все понимая, стоять ночь. И будет то самое странное чувство, почти уверенность, что где-то такое уже не то было, не то обязательно случится; но это случится потом. Сейчас, сквозь непреодолимые пласты тьмы у небесного порога он желал видеть отсвет, хотя бы слабый отблеск того огня, – хоть воспоминание о том блеске...

Осыпая проклятиями прибрежные камни, дед, спотыкаясь, возился в темноте, с треском собирая консервные банки и кружки. Рядом опять плеснуло, исказилась, качнувшись звездным отражением, голубая лунная тропка, глубоко врезанная в неподвижную гладь озера: из-за четкого неровного обреза отвесных камней выглядывал яркий кусок луны. Где-то вдалеке протарахтел, разбуженный голодом или, может, просто наступившей ночью, сумрачный зверь.

– А, л-лярва, – враждебно произнес дед, опрокидывая рюкзак Гонгоры на песок и возникая в круге света. – Хорошая погода будет, – заметил он, вздергивая рюкзак за лямку назад. – Хороший воздух, хорошее небо.

– Я слышал где-то, – беспечно отозвался Штиис, сонно помигивая в направлении исходящего дымом котелка, – что этих звезд столько, что куда ни глянешь, взгляд всегда упрется в одну из них. Это у меня в голове не уместается. Вот Гонгора говорит, вы все знаете, а чего не знаете, то вычисляете. Вот, по-вашему, откуда тогда темнота берется?

– Ты воду нам не мути доплеровским смещением, – отозвался дед. – Лучше сними пробу. Кастрюля не должна развариться. А то потеряет всю остроту. Все питательные вещества уйдут.

– Не уйдут, – сонно сказал Штиис. – Не успеют. – Впрочем, взять ложку он согласился. – Знаете, что мне это всегда напоминало, – произнес он, пробираясь к котелку с деревянной ложкой наперевес. – Подземелье. Я всю жизнь словно в подземелье. – Он, зачерпнув, с сомнением разглядывал дымящуюся ложку. – А потолок сплошь забит драгоценным камнем. Только не для нас все это. – Он помолчал, нерешительно приблизившись губами к краю ложки. – Хотите, я анекдот расскажу по этому поводу?..

Гонгора закрыл глаза. Будущего и прошлого больше не существовало. Было только настоящее, и так было редко. Точка и ее сингулярность.

– Есть одна теория, – сказал он, не раскрывая глаз. – По ней все одиннадцать измерений Мироздания, включая наши четыре, – не больше чем коридор. Что-то вроде туннеля не-реальности с ограниченным набором несуществующих решений. Вроде того, что если набор несуществующих решений действительно ограничен, то это делает другой набор решений, в принципе способный существовать, почти определенным. «Ограниченно реальным» – так это называется.

– Класс, – сказал Штиис, работая челюстями. – Просто для справки, а это вообще с чем принято есть?

– С умом, – сказал дед, отбирая у него ложку и решительно запуская ее в котелок. – Когда проголодаются.

Дед расположился у огня с локтем между развалившимся Лисом и Штиисом, подвернув под себя спальник и накинув на плечи ветровку. Штиис поскучав, достал из рюкзака свой неразлучный диктофончик со встроенным тюнером, вытянул антенну и теперь пытался нащупать какую-нибудь музыкальную станцию. Он признавал только музыкальные станции без сопровождающих длинных больных языков, с чисто одной музыкой. Тюнер улаживал слух сериями тресков и неопределенными шорохами.

– Чего там видать? – вдруг повысил голос дед, шурясь, наблюдая за тем, как Гонгора в десятый, наверное, раз берется полоскать свой драгоценный кукри в камнях подальше от озера: поглядит на свет, ополоснет, намылит и снова поглядит.

– Где? – помедлив, спросил Гонгора, не оборачиваясь.

– Да там, – ответил дед, что-то ссылая и мешая ложкой в котелке. – Видать там чего-нибудь?

Гонгора снова помолчал.

– Да нет вроде, – глухо отозвался он. – Ни Черта там не видать.

Дед потыкал ложкой колбаски, бултыхавшиеся в кипятке.

– Ты чего там моешь, – снова громко закашлялся дед, пряча лицо в рукаве свитера, – а? Зеркало свое, что ли? Или совесть свою? Если вот, скажем, тебя опасение берет, чего это ты не отражаешься, не видно тебя сегодня почему, так рано еще, темное время суток. Ты сядь, значит, отдохни...

Штиис откинулся на спальнике, заложив руки за голову.

Нет, сказал про себя Гонгора, снова медленно вытирая закатанным рукавом голое лезвие, с этим не справиться. Мне это тоже не поправить, такое просто не в человеческих силах. Даже здесь след их присутствия. Они рано или поздно достанут и тут, и уже никому не остаться прежним. Словно один и тот же незнакомый замкнутый на бесконечность коридор, и ты еще можешь думать, – нет, ты уверен, что решаешь и сейчас ты, что конечный выбор на том конце будет все-таки за тобой, но чье-то дыхание касается затылка, и ты понимаешь слишком поздно, что кто-то все это время смотрел тебе вслед, ничего, в сущности, не видя, делая из тишины проклятье, понемногу целуя в тебе параноика, а ты в сознании у себя теперь откладываешь, что до сих пор одни и те же тысячу раз драные, трухлявые, безвкусные, холодные, мертвые обстоятельства дышали тебе в спину, но ничего, ничего не меняется от этого твоего понимания, и они гонят тебя по коридору, и ты уже равнодушно, почти с налетом иронии достаешь на свет еще одно из своих бесполезных пониманий, которое они в виде незаметных, микроскопических знаний с незапамятных времен спорами откладывали в тебе, что, наверное, все тут зря – и как бы быстро ты ни умел бегать и что бы ни пытался своим тренированным интеллектом прогнозировать насчет отдаленного поворота, он уже есть и никуда тебе от него не деться... Хумус же всей вселенной и пыль космоса, подумал Гонгора с глухим отчаянием. Неужели я так много хочу от жизни. Это как одно и то же упорядоченное движение Земли вокруг Солнца по траектории эклиптики. На сумасшедшем ускорении совершив крутой разворот, она несется навстречу новому времени года, к новому теплу и к новому лету. Можно испытывать подъем чувств, общую свежесть, можно улыбаться про себя по поводу атмосферных явлений, тихо изумляться наступающим переменам и бить от радости об пол посуду, можно, напротив, сокрушаться, сожалеть о случившемся, по утрам, чистя зубы, предаваться унынию и хлопаться головой о раковину, но ничего, *ничего уже поделать будет нельзя...*

– Ч-черт – ожесточенно произнес Штиис, удобнее располагая локоть на мягком, – люблю подарки. Ничего не могу с собой поделать. Приятные неожиданности. Вообще всякие знаки понимания. После них как-то хочется жить.

– Compliments, – подсказал Гонгора.

Штиис холодно посмотрел на него.

– Вы совершенно правы, – сообщил он, моментально переходя на диалект аристократический и отчужденный. – Знаки внимания вообще, вероятно, на заре эпохи человечества предназначались особям исключительно мужского пола с властью – в целях элементарно расположить к себе судьбу. С целью не усложнять лишней раз жизнь и как-то расширить сферу экономического влияния. А что мы имеем удовольствие наблюдать сегодня? Вот вам еще один скромный пример спрятанной сути женоподобной цивилизации.

Штиис принялся засучивать рукав.

Спрятанной сути. Совершенно справедливо, подумал Гонгора. Проходит одна такая в опасной близости, касаясь своим юным обаянием, когда после на редкость добросовестной тренировки чувства у тебя местами обездвижены до невменяемости и ты задвинут в задумчивость дальше обычного. Невзначай так протягивает, проводит крохотным пальчиком по жилке, обозначенной у тебя на руке напряжением, качая крохотным детским подбородком, и ты оглянуться не успеваешь, как она уже заботливо запахивает на тебе ворот плаща, поправляет пуговицу и наказывает не стоять лишней раз на сквозняке. И, главное, при всех.

Штиис был хорошим парнем, но он умел быть гвоздем в заднице. Правда, при этом он каким-то загадочным и непостижимым образом не переставал быть хорошим парнем и уверенно глядеть в будущее. Это было настолько необычно, что вопрос о том, кто сегодня съел все самое вкусное, даже не ставился. У него имелось еще одно качество, и оно сразу и навсегда отделяло его от прочего плебса и остального человечества. Он был помешан на всякого рода курсах выживания. Он проходил их десятками и был готов пройти их еще столько же, он собирал их, как убитый горем коллекционер собирает фантики, каждому отводя в Коллекции особое место и в каждом видя только свое. В скалолазании он не рвался наверх, как другие: его интересовала только необычность маршрута и висел ли там уже кто-то до него раньше. Если в общественном туалете один из очереди писсуаров окажется привинченным под потолком, то это для него. «For those seeking a challenge.» Если человечеству никогда не дано узнать в светлом будущем радость жизни, искренне сказал ему Гонгора, то именно из-за таких, как ты.

Он был самым настоящим экспертом по выживанию, и не только в теоретической части – и не только в лесу, правда, скромно настаивал называть себя любителем.

Когда он узнал, что Гонгора собирается на Лунную Тропу, он даже побледнел от удовольствия и проникся к нему таким любопытством, что даже смутил Гонгору. Он смотрел на него совсем другими, новыми глазами. Так смотрит маниакально-депрессивный коллекционер на исключительно редкий экземпляр бабочки. Он даже не спросил, вернулся ли с нее кто-то назад.

Исподлобья глядя куда-то в пространство прямо перед собой, Штиис озадаченно мямлил и пробовал пальцами у себя под ухом затылочную область. Штиис словно понял вдруг что-то очень важное. Он покачал головой.

– Такое впечатление, – пробормотал он, – что я выспался...

Глава 3. Любимый стул Аменемхета

1

На разных уровнях, разных этажах сознания совершалась привычная, будничная работа. Кто-то стучал – и следил за производимым эффектом, кто-то слушал и осторожно шарил в темноте руками, желая знать, где это стучит, то и дело натываясь голыми коленками на остатки непонятного хлама и быстро теряя последние капли терпения, не имевшего привычки к большим перегрузкам: Стена была здесь. Грубо выложенная, с многочисленными сырыми провалами, что угадывались местами в шершавой циничной кладке уголка неведомого здания, притихшего и пустого. Вскормленное на нездоровой пище тщедушное, слабое от рождения и систематического недоедания воображение неохотно ворочалось, недоверчивая ладонь оглаживала камень; в конце концов, мало ли кто там может бродить. И мало ли кто там станет звать, это, может, не отсюда, не из соседнего помещения голоса. Может быть даже, это вообще не голоса. Осторожный оппонент терялся в догадках, спотыкаясь на обратном пути и вновь встречая коленками разношенный хлам. Это, может, снова последствия собственной душевной неустроенности – вроде желудочного беспокойства. Они же явно не отсюда, наблюдатели недобитые, они же никогда не бывают отсюда. С соседнего этажа, если даже допустить, что это все-таки не желудочная неустроенность, а посторонние голоса... Время шло, на разных уровнях, разных этажах сознания совершалась привычная, будничная работа.

Тишину нарушало мягкое шуршание. Тишина прибирала к рукам звук шагов. Звук шагов удалялся, тишина оставалась, она работала как всегда, молча, все прибирая до крошки, заставляя шорохи искажаться, плескаться, множась, вздрагивать и разбегаться в стороны короткими испуганными кругами. В общем, от этого разговора у меня остался какой-то нехороший осадок. Не разговор, а сплошное идиотски глубокомысленное перестукивание. У меня даже создалось такое впечатление, что оппонент меня не видел. Это даже не разные помещения одного этажа, разделенные непреодолимой стеной, – просто разные этажи восприятия. Разные этажи, находящиеся в разных зданиях. Не вспоминая уже о том, что сами измерения их ни при каких условиях не смогли бы иметь общих точек соприкосновения. М-да, подумал я. Здесь надо бы поосмотрительнее. Нездоровое какое-то место, темное. Некое смутное и не вполне осознаваемое еще во всем объеме жжение где-то в области правой пятки беспокоило все чаще, и я остановился посмотреть, что это там такое.

По одну сторону всей голой стены тянулись вбитые в кирпичи железные проржавленные кольца, в которых местами кое-где сидели рукояти факелов, коптя низкий потолок и ничего толком не освещая. *«Естуде-э-э-э... – уныло тянул где-то за дверью севший голос. – ...Эй. Ол май троблис симт соу фа-а-руэээээ-э... э... э...»* Голос, поперхнувшись и закашлявшись, ушел куда-то на время, вслед за чем в коридоре зависло неразборчивое бормотание. В сущности, мозоль была совершенно так себе, смотреть было не на что. Она больше кричала о себе, чем заслуживала упоминания, однако прежнее бодрое самочувствие оказалось основательно подорвано. Настроение шевельнулось, дрябло взгромоздилось на новый приступ глухого раздражения и ушло к нулю. Впереди, дальше по коридору полуподвала, в черном шербагом кирпичном провале мажущих закопченных теней и пляшущих кроваво-красных факельных отсветов имелось некое несанкционированное скопление. Неприятные лица здесь все-таки. Нехорошие. Невыспавшиеся лица и неприятное внимание дозревших быков, которым на глаза попался не ко времени забредший в стойло турист. Кубические челюсти и одинаковые сосредоточенные морды, одинаковыми взглядами провожающие проходимца. Настоящие мужчины. Могучие яйценосы. Кажется я у них также не вызывал особого сочувствия. Связываться сейчас не хотелось. Чуть поодаль мясистый половозрелый сударь с нетрезвой координацией движений, со стойкой неизменностью сохраняя на лице подчеркнуто трагическое выражение, в какой-то мрачной решимости прижимал охватистыми дланями к своей груди какого-то про-

хожего за податливые шуплые плечи. Абитуриент не переставал слабо отпихиваться и затравленно озираться по всему периметру коридора. «Всё отлична, бр-рат...» – с исключительной болью и теплотой в голосе повторял мужчина собеседнику, порывавшемуся все время не то что-то возразить, не то присесть. Выглядело так, что во взглядах имелись расхождения и шаги к их преодолению делались лишь с одной стороны. Шаркали подошвы, с треском соприкасались головы, парализовано перебирались по полу ноги. Здесь веяло невыразимыми безысходностью и дружелюбием. «Хорошо шагает, широко... – одобрительно заметил один бык с прижатыми сломанными ушами другому, с обнаженными круглыми вислыми плечами и раздавленным носом. – Не идет – пишет. Спортивная походка. Боксер, наверное. Я тоже так хочу...»

Меня вежливо взяли за рукав.

– Братишка, ты боксер?..

Я старался пока не глядеть на здоровые переспелые физиономии, плохо различимые в отсветах факелов.

– Даже не бульдог, – сказал я, попытавшись с ходу преодолеть препятствие. Придерживая дыхание, я сохранял на лице привычное в таких случаях простое скромное выражение. Но это был, видимо, неверный ход. – Можно пройти?

Сделав усилие, я принудил себя остановить взгляд в проеме обстоятельств и добавить бесцветности в голосе. Пустой невыразительный взгляд и бесцветный голос призваны были показать, насколько мало я нуждался в чужих аннотациях. Похоже, это не очень мне удалось.

Руки ломать всем, внезапно подумал я с ненавистью. И чтобы этот повесил свою челюсть на входную дверь, это будет справедливо. Но сейчас, конечно, нужно было не мечтать, а подумать о себе и своем здоровье. Просто удивительно, как меня местная сволочь любит, прямо в лице меняются. И всем чего-то надо. Оставив в покое прежнего собеседника, которого сразу куда-то унесло, очень не спеша подшаркал и встал за спинами третий. Подшаркал, в общем, оглобля немытая, встал за спинами и стоит. изучает то есть. И пока я ловил краем глаза прилегающие окрестности, оглядывался тут потихоньку, прикидывал, значит, что тут у них к чему, присматриваясь к самому квадратному подбородку, как раз успев определить, что до ближайшего поворота бежать не так уж далеко, как сзади вдруг бесцеремонно выдохнули, меня крепко похлопали по плечу, и изумленный комендантский голос в совершеннейшем одурении возопил: «Ты что же это, череп, мне погоду в заведении портишь? Ты, т-твою...»

Я даже додумать до конца не успел, о чем думал, как механизм во мне какой сработал, честное слово. Зря они все-таки тут по плечам хлопают, нехороший знак. Не теряя времени и толком не закончив даже еще разворот, я как бы невзначай, не очень аккуратно, но с силой, как умел, вынес локоть прямо навстречу тому, что стояло над душой и хлопало, дыша чесноком, стараясь достать повыше, просто куда придется. Потом повернулся и от души добавил еще ногой, под ремень. Пришлось крепко. Полегчало значительно. Какое-то время мы все наблюдали, как новый лихоимец совершает на бетонном полу приседающие упражнения. Это было сильно. Но мне чего-то не хватало. То есть я таращился, как в столбняке, с каким-то стесненным, беспокойным чувством прислушиваясь к тревожным сигналам, шедшим откуда-то из глубин моего сознания, плясавшего танец живота, словно вот я только что должен был наконец совершить нечто важное, чрезвычайно полезное, нужное, и для меня лично, и для эволюционного развития, нечто, обещавшее долгожданные изменения к лучшему, – и не сделал. При полной тишине болезненный пахарь, согнувшись пополам, плотно прижимал голые волосатые коленки друг к другу, как бы всем сердцем стремясь к ним локтями, начиная медленно-медленно раскрывать черный рот, готовясь заорать.

Вспомнив в конце концов, чего же мне и эволюционному развитию все это время не хватало, я перестал пялиться. Я старался быть кратким. Разворачиваясь назад, я широко, как раз успев подвернуть кулак, от самой пятки с отчетливым треском врезал по наиболее кубической

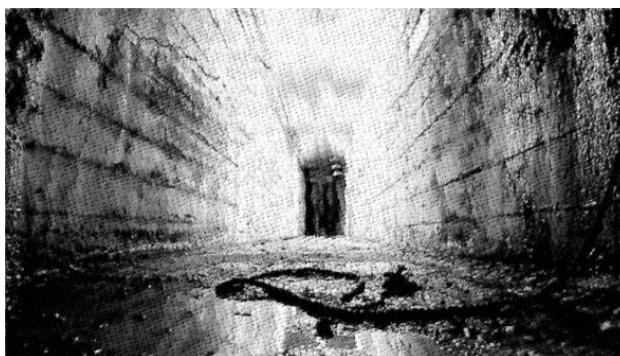
из представленных здесь сегодня челюстей, после чего, нигде не задерживаясь, во весь дух бросился по коридору вперед, далеко перед собой выбрасывая пятки, надеясь успеть первым и успеть в хорошем отрыве.

Я слышал сзади учащенное прерывистое дыхание и дробный топот башмаков, размышляя, куда мы вообще бежим. Сзади шли ровно, по-деловому, там явно знали, что делали, я тоже подстроился под общий ритм. Я здесь вообще не ориентировался, места шли незнакомые, но позади явно ориентировались лучше, я решил пока не торопить события и идти вместе со всеми. Одно время там с грохотом собирали по пути все стулья, которые я сосредоточенно им поставлял, горшки и хрупкий декор тоже летели на пол, с ними не церемонились. Потом начались пересеченная местность и большие неприятности.

Я едва успел свернуть за угол, как над моей головой неторопливо прошел, с орбитальной центростремительностью переворачиваясь в воздухе, темного дерева хороший стул, с хрустом сходясь с косяком и крупно разлетаясь на отдельные фрагменты; провалившись в дверь подвала, налетевшую на меня черным провалом, и с грохотом свалившись со скользких каменных ступенек, я влетел в обжигающе ледяную, смачно вонявшую лужу. Лужа оказалась глубокой и неожиданно просторной, как вид на поздравительной открытке.

Откашлявшись, путем не разобравшись еще, что это такое со мной было, я в одну секунду взял на свое робкое безрассудство мощный спурт и едва не встретился лбом с зубастым краем кирпичной стены; миновал один поворот под космами проводки, корнями свисавшей до самой воды, прошел другой поворот и совсем было уже набрал необходимую скорость в узком, почти неразличимом в темноте коридоре, но передумал, так же быстро вернулся на исходные позиции и, придержав дыхание, осторожно, боком придвинулся к углу, тихо гнившему в обрамлении голых труб. Мне вдруг пришло в голову, что преследователи могут ошибиться тоннелем. Этот вход в подвал, судя по обилию порогов, как будто был не далек от узлового, и рукавов канализации здесь имелось несколько.

По густой, глянцевой, тускло отсвечивавшей поверхности неспешно скользили ко мне ленивые масляные круги. Преследователи изучали возможные пути дальнейшего продвижения. Они оба уже присутствовали, на последней ступеньке каменной лестницы, но спускаться пока не торопились. Один из них сидел на корточках, свесив с мясистых ляжек кисти больших натруженных рук, и задумчиво смотрел в мою сторону. Другой, придерживаясь для равновесия рукой за плечо сидевшего товарища, освободил белую ступню от растерзанного гигантского башмака, напроць успевшего позабыть что такое шнурки, и теперь осторожно пробовал кончиком большого пальца воду непосредственно у парапета. Вода явно не входила в их планы. Можно было не сомневаться, что с этого момента у входа будет поставлен надежный заслон – надолго и несокрушимо. Я беззвучно засмеялся. Я вам не пись собачий, подумал я. На неделю активной жизни можно рассчитывать. Если удастся найти чистую воду.

...То ...сь? ...сь?..?

Шарканье усталых ног. Шаркающий отзвук.

Звон редких капель, пронзающих мертвый горький сумрак.

Влажные, шлепающие, лязгающие голоса вонючей воды, которая и не вода вовсе, – словно бы не здесь и не отсюда. «Спа-ать... – невнятно проблеяли над ухом. – ...ть ...ть...»

«Спаааа-а-а... ть...»

Где-то дальше другой, слабый и дрожащий со сна, сухой голос произнес надтреснуто: «Послушай, дружок, что я тебе сейчас расскажу...» – однако он тут же был перебит кем-то новым, несравнимо более отдаленным и зычным:

Но скажите мне, какие у него цели, – и я скажу вам, какие ему близки средства, и если идти дальше, то получится, что, в конечном счете на выборе целей и средств всегда сидит окружение, и всякий, кто пытается выбирать, должен рано или поздно смыть, вычеркнуть себя из списка всех живых, просочиться насквозь. Или остаться и стать другим.

...Ммммммммммолоток... к... к...

Нет, мне нравится.

Звон редких капель.

...Кто здесь? Кто здесь?

...Да. Так вот. Он – нестандартно оттесанный камушек в бесконечной череде четко и давно уложенной брусчатки. Ему холодно, ему, бедному, неудобно, пока его не успели еще оттесать как нужно, как это здесь принято. Но он, видимо, все-таки твердый камушек, раз его до сих пор еще не оттесали, как нужно.

Ничего, оттешут еще... Значит – будут лететь искры, значит – будут спотыкаться люди, и задевать шины, и стучать подковы...

Дурачок, спать же! ...спаааа-а-а... ть... ть... Голь замкнутого пространства. Спать как-то никто не соглашался. Только сопели шумно.

Голень шагающих капель.

...к ...Ммммолоток... к... к...

...Понятно, что подковы стучат и на ровной мостовой, но ведь какое различие в тональности и чистоте звуков. А вон уже на горизонте маячат фигуры рабочих, деловито влекущих за собой необходимый тяжелый инструмент, и уже готова подняться вокруг недоразумения суета, и уже явственно рядом натужное сопение: а н-на тебе!.. Чтоб не высывался.

...Сейчас над ними со всей неотвратимостью встает старый вопрос: чего хотеть?

...Да... то... сь? Тось... сь... сь...

А... простите, зовут вас-с?... Изумительно. Да вы проходите, не стесняйтесь... сь, чувствуйте себя ма-ма-ма!..

«Кто здесь?» да «Кто здесь?». Да кто здесь может быть?

Я уже слышал это. Тут постоянно это слышно: болото, мол. Будет, мол, болото – будет и все остальное. А что болото, что болото?

...и получается, что все средства, которые были и будут когда-либо использованы, обусловлены исключительно содержанием окружения. Но это неинтересно. Это скучно, в конце концов, интереснее тот, кто должен был уйти и ушел. Это – уже от Мироздания. Это – симптом. Как он живет? – как он будет жить, не может же он, в самом деле, жить в безвоздушном пространстве?..

Звон капель, взрезающих мрак.

2

Низкий бетонный потолок с разводами потеков навис, уходя корнями в темноту, слежавшийся намывной песок под ногами перестал проваливаться. Больше не тянулась вдоль долгих трещин цепкая проволока одревеневших узловатых сучьев, никогда не видевших света, – притихший коридор разросся чуть не до размеров пустого подземного гаража. Бункера, онемевшего под тяжестью своей глубины и неисчерпаемости. «...Но пиченьку-то мы можем себе позволить на ночь?..» – раздался прямо посреди мертвой тишины убедительный мужской голос с хриплыми интонациями стоического терпения, тут же раздраженно перекрытый несколькими децибелами выше: «Довольно уже было на сегодня пиченок и бумажек!..»

Тихий безлюдный коридор дальше темнел сваями кубических опор, запах тут стоял неожиданно знакомый, как в прихожей реанимационного отделения. Впрочем, нет, не совсем пустой и безлюдный. Тут опять кто-то был, здесь тоже кто-то разговаривал – одиноко топтались, путаясь в белье и недобро прищуриваясь глазами, какие-то понурые, ломкие беспризорные тени на убитых горем синих больничных стенах. Персонал, судя по всему, из дежурной части и их пассия, зажатый в самый дальний угол к сдвоенным стеклянным дверям шуплый мужчина: весьма на вид сердитый, встрепанный, сильно небритый и бледный, в спутавшейся у ног просторной белой рубашке. Мужчина настороженно наблюдал, как двое рослых жердистых молодцов в медицинских халатах и шапочках с тесемками теснили его ближе к дверям, разведя в стороны ладони и стараясь не производить до времени много шума.

– И куда это, интересно, вы собрались? – спросил главврач неприятным голосом, едва появляясь на горизонте событий.

Где-то отчетливо капала вода. Один конец коридора, тонувший во мраке, выглядел так, словно это был конечный пункт для всего живого.

– Учтите, у меня волосатые руки, – предупредил мужчина в нижнем, не спуская недоверчивых глаз с представителей администрации.

Представители администрации явно выигрывали время, не желая торопить события.

– Ничего, – мрачно отозвался главврач, держа ладони на весу чуть не у самого полу, – мы потерпим. Нам назначено.

– Это вам ничего, – сказал мужчина, кладя руку на выкрашенный красным поручень пожарной кайлы, висевшей на стене по соседству. – Это вы сейчас примете горячий душ с мылом и ляжете спать. А мне завтра в шесть вставать.

– Завтра отбоя не будет, – через силу ответил главврач.

– Конечно, – не удержался мужчина от сарказма. – Куда ж это он денется. Вас разве что куда-нибудь денут между делом. ...Я оставлю вас ненадолго, – засобиравшись вдруг он, озираясь и запахиваясь свободной рукой. – Я замерз тут уже стоять и глядеть глазами.

– Куда же это, интересно, вы сейчас пойдете, – неприятным голосом осведомился врач. – А то б остались до утра?..

– Нет, нет, – сказал мужчина. – И не уговаривайте. Времени почти не осталось, теперь все утро под большим вопросом, сами же говорите.

– Завтра вообще не будет. Теперь всё, будем жить одним днем, обещаю.

– Я слышал уже это. На обещания здесь не скупятся. А то, что вставать все равно придется, вы предпочитаете не вспоминать.

– Мы можем договориться, – произнес главврач сквозь зубы, сделав над собой усилие.

– Вы убьетесь так, – заметил мужчина, словно не слыша, указывая подбородком на ноги главврача. – Бельем же завернетесь. Три раза...

– Я говорю вам, живем одним днем, – настаивал главврач, непослушной рукой пытаясь нащупать и надеть пуговичку на халате. – Хорошо живем. Не будет завтра, отменили.

– А что будет? – без особого интереса спросил мужчина.

– Госпел. Хоральная прелюдия будет.

Мужчина устало покачал головой.

– Врете, – сказал он. – Ну врете же, у вас концы с концами не сходятся. Как вы собираетесь жить одним днем, когда я сам уже стою тут у ваших дверей, собранный в дорогу, что вы мне голову морочите. Куда же вы все остальное денете?

– Судить будем, – убежденно вставил один из дюжих молодцов.

– Что судить? – не понял мужчина, перенося взгляд. – Мое завтрашнее утро?

– Вы это вот что, – внушительно попросил главврач. – Вы от дверей на время отойдите, отойдите от дверей, что же это мы – все в дверях да в дверях, в дверях правды нету...

Слабое влажное эхо, робко просочившись, осторожно шаркнув по стенам и ускакав было, вновь вернулось.

– Сегодня я сделаю все, что ты скажешь, – с отчетливой враждебностью пробормотал мужчина, не двигаясь, впрочем, с места.

– У нас тут все условия для работы и отдыха, – гнул врач свое, – скоро будем жить лучше. Скоро будем жить совсем хорошо. Со дня на день ожидаем прихода равноденствия, вас предельно вежливо попросили вернуться в покои, а что сделали вы?

– Я ответил им простым распространенным предложением, – сказал мужчина спокойно и выжидательно.

– Более того, есть надежные сведения относительно вашего здесь будущего, оно ожидается тут как нельзя более кстати. Вы же ушли, никого не предупредив.

– Случилось так, что вас не было дома.

– Я хотел бы верить вам, но временами я просто перестаю вас понимать. Вы должны чувствовать результаты постоянного внимания, обстоятельства позволяют надеяться на лучшее, тем более, что времени теперь достаточно...

– У меня стойкие позывы на рвоту, – нехотя подтвердил мужчина, отводя глаза.

Врач, сопя, утерся трясущейся ладонью.

– Могу предложить горчичник.

Все какое-то время молчали.

– У вас обе верхние палубы съехали вместе с Бруклинским мостом под углом в девяносто градусов. По Фаренгейту. – Чуть поколебавшись, уточнил мужчина. – В тени. Мне даже представить себе неловко, что вы станете предлагать, когда изведете у себя последний горчичник.

– Перестаньте, все в наших руках. В конце концов, все всегда складывается не так уж плохо. Если сами себя не будем любить, то кто полюбит, о своем будущем надо думать, о...

– Здесь все языки обложены налогом, – не согласился мужчина.

– Беспокоит?

– Ну, а как вы сами думаете?

Врач, не найдясь поначалу, что сказать, несколько томительных мгновений молча смотрел, стекленея лицом.

– Я далек от мысли как-то предупреждать естественные наклонности. Стремление к самовыражению тут кого бы то ни было, – произнес он медленно. – Поймите меня правильно, я не душу вас, не запрягаю, но посудите сами: уже совсем было намечались многообещающие сдвиги, накануне был меморандум по уже самому заболеванию, мы все помним, какой ценой он нам достался, мы помним, что он был, – но его нет, нет... – Главврач выразительно развел ладонями в стороны.

Мужчина невесело осматривался, делая попытку пригладить ладонью метелки волос, непослушно торчащие над ушами во все стороны.

– Я спустил его с лестницы, – ответил он с плохо скрытым удовлетворением. – Самолетиком.

– А постоянный поиск незапертых дверей? – продолжал главврач, делая шаг вперед и перенося центр тяжести на другую ногу. – Была накануне опять же депутация из утвержденных – с самими лучшими намерениями. Теперь нам всем неловко...

– Реформаторы ушли, разбрасывая семя по приемным, – неопределенно произнес мужчина. – У меня до сих пор волосы стоят торчком.

Врач вздохнул.

– Местные обычаи требуют некоторых условностей. Они же настаивают на нашем скорейшем возвращении в покой. Нам всем будет лучше поспешить, храня в сердце своем свежесть и непредсказуемость дня. Пока все самое вкусное не съели.

– А что, – угрюмо осведомился мужчина, – объявлен период сенокоса?

– Давайте придерживаться принципа реальности, – сказал главврач. – Здесь все покои по традиции заперты. Дальше разговоров это не пойдет.

– Аналогия вполне может здесь пройти, – ответил мужчина, не соглашаясь. – Мы все когда-нибудь падём жертвой вашей любви к парадоксам.

– И все-таки мне придется настаивать на отказе вам в разумности. Мне не совсем понятно, причем тут вы. Мне даже страшно подумать, к чему может привести подобная концентрация недоверчивости на единицу площади, до какой степени цинизма мы с вами еще можем пасть, случись (не дай бог) нас в этот час кому-нибудь здесь увидеть.

Мужчина перенес взгляд, как бы сделав над собой усилие, глядя теперь куда-то вдоль по коридору.

– Таково действительное положение вещей, – пробормотал он нехотя. Он больше не смотрел по сторонам.

– Я не хочу сказать ничего плохого, поймите меня правильно, – окрепшим голосом продолжал главврач, со значением прижимая руку к сердцу и делая шаг вперед. – Но вы же дальше утра не хотите ничего видеть. Куда ж вы сейчас пойдете, в таком виде. Вы поглядите на себя, на вас же лица нет. Вас же найти невозможно, то ли вы, понимаете, еще здесь, то ли уже...

– Давайте не будем злоупотреблять моим гостеприимством.

– На это можно посмотреть с другой стороны, – неожиданно легко согласился главврач. – Но некоторое недоумение все равно останется. Не говоря уже о шнурках на обуви отдохавшего персонала администрации, завязанных вами накануне. Которые до сих пор не могут развязать.

– Я действовал решительным образом, – ответил мужчина сухо и непримиримо, но не без следов запоздалой неловкости. – Кто-то залил мне весь стол чернилами.

Он, не двигаясь и кося глазом, уже в течение минуты наблюдал пару осанистых крепких санитаров, что, загорядясь от него простыней, плечо к плечу мелкими шажками продвигались вдоль стены поближе.

– Вы тоже попробуйте на узелок чуточку хорошего клея, – произнес он рекомендующе, дружелюбно мигая, но думая явно о чем-то другом. – В общем так, – сказал он. – Есть хорошие новости с того света...

Главврач его не слушал.

– Вы же могли просто уведомить, как-то сообщить, – хрипло дребезжал он. – Не вынося сора из избы...

– Осуждаете, значит.

– Я не осуждаю вас...

– Да нет, осуждаете.

– Я не могу осуждать вас...

– Не одобряете, значит. Перечите. Я же вижу...

– Да нет, не то чтобы не одобряем...

– А что вы делаете?

– Но вы же могли каким-то образом шепнуть мне между делом на ушко, покидая нас, предупредить, что ли...

– Я и предупредил. Неоднократно ставил в известность, что работать приходится в исключительно сложных условиях, отмываться каждый раз становится все труднее...

– Да, и я сказал, что посмотрю, что можно сделать...

– При этом, однако, ваше лицо осталось невозмутимым, – заметил мужчина, переводя взгляд на главврача. Веко на правом глазу у него начало нехорошо подергиваться.

– Только не пытайтесь уверить меня, что вы сами оказались здесь из одного уважения к своему правдолюбию. Давайте, скажите мне, что завязывали шнурки вы плохо владея собой...

Мужчина смотрел не мигая.

– Наше спокойствие было напускным, – сухо ответил он, чуть заметно, впрочем, порозовев.

– Да, но ведь вы же, уходя, этим не ограничились, – произнес главврач страдальчески, – когда вам в очередной раз напомнили, что администрация не потерпит на своей территории недоверия и уклонения от необходимых мероприятий. – Он стоял у дверей, заложив одну руку за спину, а другой пытаясь передать размеры постигшей всех печали. – Вы же свой утренний анализ мочи *нам* поставили, наверх в выдвижной ящик.

– Здесь принято совершенно точно формулировать свое мнение по этому вопросу, – все также выжидательно отозвался мужчина, пытаясь понять, куда врач клонит.

– Ну, хорошо, ладно, это еще можно как-то объяснить. Но будить-то вам зачем персонал понадобилось. Зачем вы в телефонную трубку голосом старшего администратора желали всем спокойной ночи? У нас кое-кто до сих пор не может отойти ко сну.

– В том выражена способность воспринимать на слух. Пагубная привычка.

Врач покачал головой, глубоко вздыхая.

– Я вот все удивляюсь, откуда в одном человеке может взяться столько цинизма. Знаете, где мы нашли ваше постельное белье? Человеку со стороны ни за что не догадаться. В прачечной.

– Вы что, следите за мной? – спросил мужчина с неудовольствием.

– Мы здесь как частное лицо, – уклончиво ответил главврач. – Мы встретились позже назначенного часа.

– Это не по моей вине.

– Здравствуйте, а по чьей же тогда?

– Вы мне все время перечите, – сказал мужчина с упреком.

– Я не перечу вам.

– Вы мне опять все время перечите.

– А вы готовы поднять шум при малейшем несогласии.

– Я что-то не пойму, кто тут за чей счет кормится. Мне непонятен смысл ваших намеков и домыслов, основанных на чьем-то непонимании... Бросайте эту привычку все время плевать, я тут босый стою.

– Извините. В общем, знаете... Я вот тут подумал, можно просто посидеть. Может, мы как-нибудь встретимся, нам есть, о чем поговорить, может, мы как-нибудь поужинаем вместе, в другой обстановке... просто посидим...

Под бетонными сводами необъятного гаража повисла минута молчания.

– Вы что, смеетесь надо мной?

– Я не смеюсь над вами...

– Как же нет, я же вижу.

– Какой сейчас может...

– Вам смешно.

– Что вы, какой может быть...

– Нет, вам смешно, вы хихикаете...

– Мы не хихикаем, нам совсем сейчас не до смеха...

...вы уверены, что самые хитрые, вам все можно, что за вами закреплена привилегия ходить по пятам, стоять над душой, цеплять мне на сознание свои невозмутимые лица и плевать на пол. Сколько себя помню, вы всё пытаетесь, совершенно не стесняясь, установить приемлемые отношения между различными состояниями космической пыли, не желая знать, что зона вечной мерзлоты уже по определению своему предполагает *вечность*. Это слишком похоже на правду, чтобы беспечно улыбаться, но вы предпочитаете отменять утро, надевать на что ни попадя горчичники и потом с прискорбием и бесстыдством сообщать, что наступил сезон дождей. И глядя на ваши лица, я все чаще спрашиваю себя, а что, собственно, случилось? Куда они все ушли, куда они могли все уйти? Разве они все куда-то ушли, разве они могли куда-то уйти? Они же все здесь.

– Давайте не будем искать легких решений, – ответил главврач. – Я не совсем понимаю, какое отношение это имеет к запертым дверям.

– Не старайтесь казаться бестолковее, чем вы есть. Здесь все сторонники взвешенных решений, мы зашли уже слишком далеко. Все зашли.

– Меня томят смутные подозрения, – произнес главврач, – что это не совсем то, что вы думаете. Злоехидно сами смеясь над беспечною радостью тщетной...

– Я не знаю, что я больше ненавижу: ваше отекавшее выражение лица или вашу невозмутимую любовь к компромиссам. – Мужчина на какое-то время прищурился, потом вовсе прикрыл оба глаза. – Я постараюсь подавить зевоту отворачиваясь либо прикрывая рот ладонью, – предупредил он. – Доступ здесь несвободный. Любить, в общем-то, нечего, есть нечего, а то, что есть, едят удручающе регулярно. Кто-то постоянно носится с цинковым контейнером, насмерть пугая обслуживающий персонал (*перечисляет*) ... двери, как вы выразились, все заперты. Окон нет вообще и судя по всему, не предвидится. Вот вы знаете, куда может привести эта дверь, если закрыть ее за собой в нужное время и в нужном месте? Нет. А почему? Я вам отвечу, почему. Потому что никому из вас это не приходило в голову. А вот вы наденьте горчичник, себе наденьте – и посмотрите, как все сразу упростится. Кроме случаев, оговоренных особо, – добавил он, предупреждая возможное возражение слушателей.

Главврач, сжав мужественные челюсти, начал играть кубиками желваков.

– Будем думать, – сказал он. – Изыскивать резервы.

– Вы только и делаете, что думаете и изыскиваете резервы.

– Я подаю надежду, – сухо ответил главврач. – Здесь это уже кое-что.

– Здесь это уже совсем не то, что вы думаете. Ваши слова не дойдут до сознания, а ваши позы могут быть превратно истолкованы, – с ненавистью произнес мужчина. – Меня уже тут не будет. Вот тогда вы все познаете горечь утраты. Остаюсь преданный вам. Не могу вас больше задерживать. Поделитесь своим опытом с кем-нибудь еще.

– Вы поступите опрометчиво, обратившись к силовым методам.

– Поступать опрометчиво – пожелание моих генов. – Мужчина склонил подбородок в выражении согласия. Он явно смягчился. – Во многом незнании много и печали.

– Чего вы, в самом деле, хорошо все так было, – сказал врач неприветливо. – Хорошо разговаривали. Давайте не будем тут сейчас устраивать стриптиз. Сегодня у всех у нас был трудный день, все мы люди, у всех есть нервы...

Мужчина, как бы еще раздумывая, пожевал губами.

– Напротив, – сказал он, помолчав. – Напротив, сейчас тут все будут хорошо обуты. Мне показалось, что мои слова способны достучаться до вашего сознания.

– Хорошо, – повторил врач. – Прекрасно. Вы, я вижу, уже все для себя обдумали со своими генами. А администрации как прикажете определиться? Как прикажете со всем этим работать?

– Покойник будет выставлен для прощания, – произнес мужчина обнадеживающе.

– Вы не протяните так долго.

– Мы исключительно хорошо пообедали.

– Вы просто мало что от этого выиграете.

Мужчина рекомендующе склонил голову.

– Пришло время примириться с собой, – согласился он.

– Мы оставим за собой право на презумпцию невиновности.

– Как скажете.

Врач напряженно смотрел, стараясь ни за что не отводить глаза первым.

— У вас лихорадочный блеск глаз. Вас явно раздражает искусственный свет. Вы плохо кончите.

Мужчина спокойно мигнул, затем поглядел на свои пыльные пальцы ног.

«Листья блестели росой, – негромко произнес его голос как бы про себя, словно бы пробуя слово на вкус. – Блестеть...»

«Ветер усилился, – обронил голос в раздумье, обращаясь в легком беспокойстве своем к самой темной стороне коридора. – Вам не кажется, что вы зашли уже слишком далеко?..»

Мертвая тишина была ему ответом. Потом там ответили, будто бы осторожно шаркнули по голому полу подошвами, но уже неразборчиво, на пределе слышимости. Что там говорилось дальше, определить было трудно, пока он шагал по коридору, голоса все бубнили и бубнили вслед, заходясь до телевизионного шепота, затем, уже, как ему казалось, на другом уровне и совсем в другом безлюдном коридоре, он едва снова не наварался на неприятности, обнаружив вдруг за стеклами ближайшего дверного проема все тех же санитаров с главврачом и втиснутым в угол между ними мужчиной в нижнем. Что произносилось на этот раз и произносилось ли что-то там вообще – было совсем не разобрать. Но что-то, видимо, все же говорилось, потому как теперь за стеклом все выглядели какими-то особенно серьезными, задумавшимися крепко, навсегда, даже подавленными. Мужчина в белье рассеянно смотрел, повернув голову, куда-то вдоль по коридору, бесцельно мят в пальцах дымившуюся папироску. Главврач со сбитой на затылок шапочкой с тесемками и задраным на парпет пожарного щита локтем, опустив длинное уставшее лицо, тоже отстраненно цедил и тискал папироску. Двое мужиков в медицинских халатах рядом молча курили, упершись невидящими взглядами в пол. Дверь, к счастью, была заперта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.